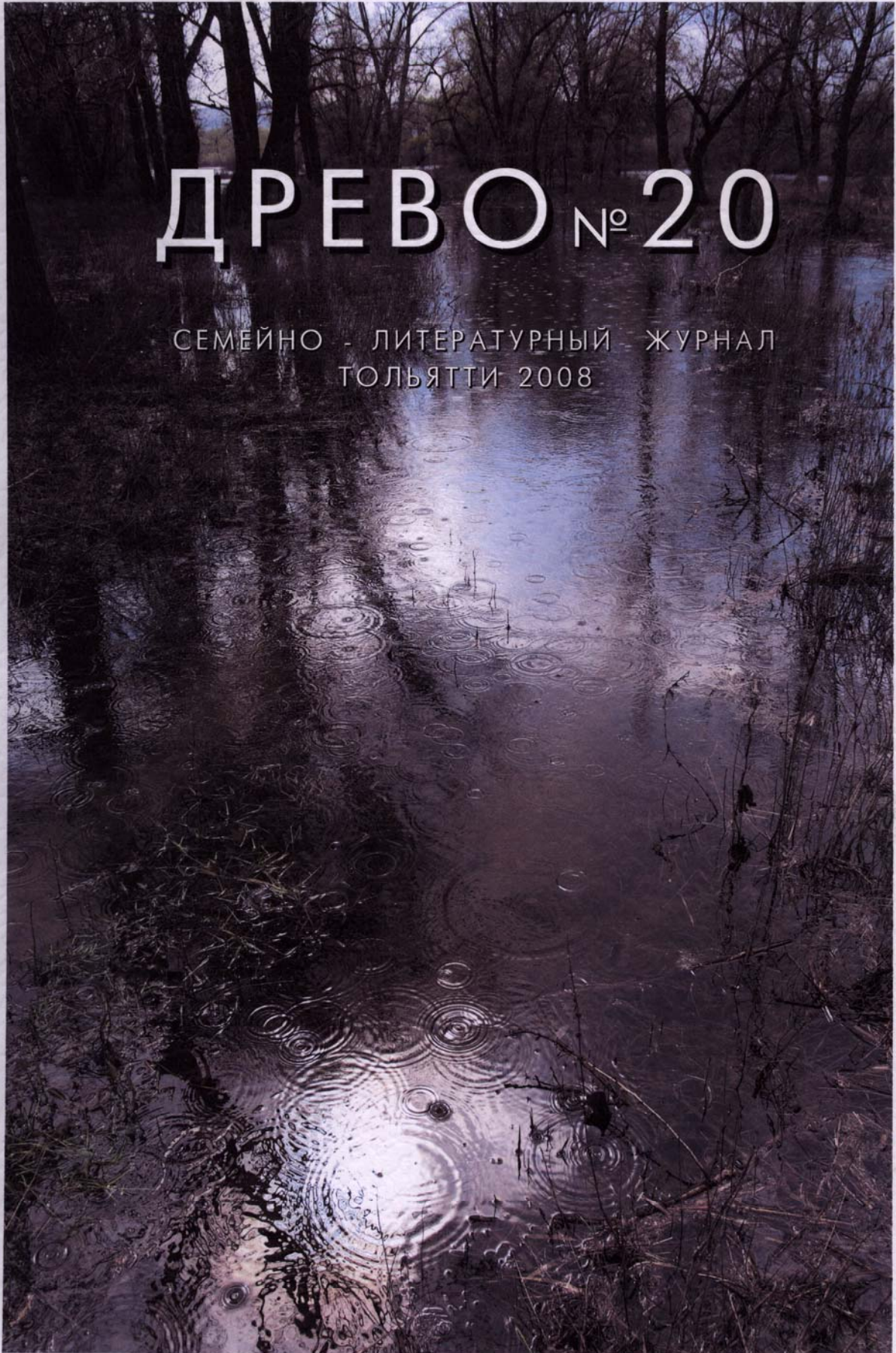

ДРЕВО № 20

СЕМЕЙНО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ТОЛЬЯТТИ 2008

Надеюсь, дорогие наши читатели, вы догадались, что талое фото на обложке сего выпуска, принадлежит (кисти? перу? фотоаппарату?) данного мастера.

Свободный фотохудожник

Четвергов Виктор,

фотожурналист

Работы публиковались в журналах:

- «Перспектив здоровья»,
- «Другая идея»,
- «Автосреда»,
- «Деловая дама Поволжья»,
- «Автомеридиан»,
- «Вип-клуб»,
- «Город»,
- «Все включено»,
- «Банзай»,

-
- В проспектах и презентационных альбомах департамента по развитию туризма Самарской области, в презентационном альбоме «Самарская область», выпущенном в 2006 году издательством «Ника», в презентационном альбоме, посвященном природе и экологии Самарской области 2008 г. (издательство «Ника»).
 - Автор проекта «Сокровища Жигулей», осуществленного совместно с лучшими фотопейзажистами Тольятти накануне саммита Россия-ЕС, прошедшего в «Волжском Утесе».
 - Автор проектов «Автопарад Тольятти», автопробег «Сделано в Тольятти».
 - Персональные фотовыставки:
 - «Сделано в Тольятти» (2004)
 - «Здорово живешь» (2005)
 - «Фототерапия» (2006)
 - Фотовыставка в рамках салона «Хорошие идеи для дома» (2006)
 - «Сокровища Жигулей» (2006- 2007)
-

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Александр Рудой

Наконец-то нашему вниманию доверено прочтение небольшой выдержки из повести нашего семейного патриарха – «Мишпоха».

Произведение интересное, неоднозначное и, что очень важно для нашего семейного журнала, основывается на реальных событиях из жизни нашего клана.

МИШПОХА

- ...Так ты говоришь, самозванный гость, что приехал в наши края на срочную операцию?!- загнула ухо ладонью седая бабулька.
- Операцию по-мужской части, - уточнил я.
- И для такой операции тебе срочно понадобился, не больше - не меньше, хирург Нахимов? Ты, говоришь, только что из его больницы, и там Мордусика не оказалось? Не исключено, что он сам принимает какую-нибудь новенькую процедуру. Я знаю? Сегодня же шабат (суббота) – у евреев нерабочий день.

* * *

Я в жизни не оказывался с глазу на глаз с взаправдашной еврейской старушкой. Она шамкала губами, а я быстренько вспоминал все почерпнутые правды-неправды об иудеях.

Они Христа распяли – раз.

Среди них затесался предатель Иуда - два.

Бог Моисей водил иудеев сорок лет по пустыне и адаптировал к любым условиям жизни за три тысячи лет до появления Христа.

Иудеев не смогли извести: ни Гитлер, ни Сталин, ни Насер.

В досоветские времена иудеи пили кровь невинных младенцев.

Евреи спиртного не пьют, дымящего не курят и едят только «кошерное».
(Что такое «кошерное» я не знал, но чуял, что это – не жмых).

Ещё я вспомнил, что евреи, если надо, умеют просить, но сами в долг никому не дают, а если дают, то под проценты.

Евреи все хитрые, но не все умные.

Евреи ни к кому не лезут в карман, но так тебя обхитрят, что сам отдашь.

Что живут иудеи долго и их женщины легко доживают - до мужского пенсионного возраста, а мужчины – до гробовой доски сохраняют потенцию.

Что хитрости в евреях больше, чем ума, а сердцедаство зашкаливает пенсионный возраст.

Что с ними «свяжешься – не развяжешься: продадут «за понюх табака», хотя есть среди них и хорошие, но только ради того, чтобы их не обзывали, и есть среди евреев даже такие, что лучше некоторых русских, но это только те, кого ты знаешь лично.

Что среди иудеев, если и есть спортсмены, то только шахматисты.

И вдобавок – иудеи обижаются, когда их обзывают: абрашами, сарами, маланскими, семитами, но особенно, когда жидями, жидярами и жидомасонами.

И если уж еврей специалист в какой-нибудь отрасли, врач или даже сантехник, не говоря уже о «женской части», то в этом деле он – Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

* * *

-Ты знаком с Михаилом Нахимовичем? - по-дирижерски подняла руки бабулька. ... Мама знакома?... Что ты на мои вопросы отвечаешь головой?... Язык проглотил? ... Скажи хотя бы, тебе на минуточку необходима серьезная операция или так - пустяшная?

- По мужской части, - повторил я.

- Значит нешуточная, - покачала головой старушка. - Тогда дожидайся Михаил Нахимович.

Я благодарно склонил голову: не званного гостя не прогнали из обители знаменитого хирурга. И то, как говорила мама, хлеб.

* * *

- И ты утверждаешь, что твоя фамилия тоже Нахимов?

Седокудная старушка, не поднимаясь с дивана, жестом пригласила меня пройти в дом. - Или как?

- НаКимов, - уточнил я.

- Ну, я и говорю - НаХимов.

Я потянулся к рюкзаку.

- Давайте я вам паспорт покажу. Недавно получил. Кстати, он без пятой графы.

- Без пятой графы? Какой смысл? В этом доме встречают не по паспорту, а по генотипу.

Старушка набрала из картонных коробочек пригоршню таблеток.

- А как, на минуточку, девичья фамилия твоей мамы?

Я сбросил кроссовки и осмотрел носки – дыр не было, и я отрапортовал:

- Девичья фамилия моей мамы – Пирогова.

- Вы только посмотрите, - покачала головой старушка. - Он – Нахимов. Его мама

- Пирогова. Одни знаменитости. С ума сойти!

Она побросала таблетки в приоткрытый рот, потянулась к пустому стакану, отмахнулась от него, сделала несколько глотательных движений и тяжело задышала. Я метнулся к графину с водой - после пары глотков глаза старушки благодарно прикрылись.

- Ты очень любезный юноша, Юрий. Так кажется ты назвался? Благодарю. И уж, коль скоро мы остались глазу на глаз, удовлетвори моё пенсионерское любопытство, скажи, всё ли тебе рассказала мама об истории фамилии, которую ты, надеюсь, не без гордости, носишь? Вижу – не всё. В таком случае, дай немой старухе слово. Нахимов – звучит как гудок Авроры! Правда ведь?! Я уклончиво пожал плечами. Хотел прокричать, что моя фамилия НаКимов, а не НаХимов, но расхотелось перебивать бабульку.

- Твоя мама не говорила тебе, откуда пошла мишпоха Нахимовых? - старушка придавила ладонью грудь.

Я изобразил удивление.

- Мама о мишпухе никогда не говорила. Она даже такого слова никогда не употребляла. А что это - «мишпуха»?

Слово «мишпуха» я услышал впервые, и оно вызвало у меня улыбку.

- Не мишпуха, а мишпоха, - старушка прикрыла ладонью малозубый рот. - Двойка вам с твоей русской мамой - по «идиш». Но сперва подойди поближе, не бойся - я уже не кусаюсь – видишь, одни дёсны? Сядь, послушай, а то я устала общаться сама с собой. Поведай, откуда ты к нам нагрянул?

Я начал нудеть свою биографию, но старушка поморщилась и перебила меня.

- Я же не ответила на твой вопрос – что такое «мишпоха»? Мишпоха – это то же

самое, что по-русски семья, племя, род. Понял? Теперь продолжай. Нет, погоди, я должна тебе ещё кое-что сказать. Не каждый день к нам в дом являются однофамильцы или родственники, хвэйс, Нахимова – пусть даже от «гражданских» как теперь говорят, связей. Правда, являются некие сироты, но ты, я полагаю, не из их когорты, хотя из побочных детей великих мира сего в России вырастают Ломоносовы. Да будет тебе, на минуточку, известно, что все, проживающие в этом доме, а также почти все являющиеся в этот дом, потомки адмирала НАХИМОВА?! Закрой рот и кивни, если я расширила твой кругозор.

Я кивнул.

- Ма, минуточку, я должна тебе рассказать ещё кое-что важное. Мне некому больше рассказывать – ублажи старуху вниманием. Так вот, хирург, к которому ты приехал, заведующий хирургическим отделением Михаил Нахимович НАХИМОВ, (мой Мордусик) последний человек, то есть, мужчина нашей мишпохи (о внуках умолчу). Он не только хирург Божьей милостью, но, на минуточку, кандидат медицинских наук. Но я хочу поведать тебе не о Михаиле Нахимовиче, а о его отце Нахиме Наумовиче. Тебе не интересно? Могу замолчать. Тогда слушай. Отец Мордусика, того самого, который тебе срочно понадобился как хирург, а иначе тебе не приспичило бы искать его днём с огнём. Так вот, его отец, на минуточку, известный, если не сказать больше, терапевт, доктор медицины, профессор Нахим Наумович Нахимов. Студенты прозвали его «ЭН-ЭН-ЭН», а я зову, по домашнему, НАХИМЧИК. Так вот, один пациент Нахимчика, которому он удачно удалил раковую опухоль, подарил ему свой вариант книги из серии ЖЗЛ об адмирале Нахимове, которую не приняли к публикации, а автора обвинили в сионизме и чудом не посадили. Так вот в ней изложена почти вся подноготная основателя мишпохи - отца адмирала НАХИМОВА.

- Интересно! - вскрикнул я.

Мои глаза и рот так распахнулись, что старушка, морщась, показала на пальцах – насколько их сузить.

- Кстати, вполне вероятно, что не всё, что изложено в книге о Нахимове, истина последней инстанции, но мне неймётся тебя просветить для ликвидации прорех в твоём образовании.

Старушка поджала губы, прикрыла глаза и приподняла косматые белые брови.

- Первопредком мишпохи Нахимовых был никто иной, как отец адмирала Нахимова, отставной майор (фамилия его, к сожалению, мне не известна). Этого майора за двадцатипятилетнее безупречное исполнение воинского долга в качестве кантониста, наградили, на минуточку, поместьем и разрешили поменять свою фамилию на русскую с окончанием на «ОВ». Он, недолго думая, придумал себе фамилию, образовав её от своего собственного имени. Понял, от какого имени?

- Не понял.

- И не мудрено. Ты знаешь такое русское имя – НАХИМ?

- Не знаю.

- Потому что такого русского имени нет в помине. А у иудеев - есть. Это имя - НАХИМ. Теперь ты понял – какую кантонист майор Нахим придумал себе фамилию? Очень простую. Имя НАХИМ. Надо, чтобы фамилия оканчивалась на «ОВ»: отсюда и фамилия - НАХИМОВ. А вот сын того майора - кантониста НАХИМОВА и есть знаменитый русский флотоводец – адмирал НАХИМОВ. Но ты ни в одной энциклопедии не найдёшь ни слова, ни даже намёка какой он нации? Коль скоро нигде ничего не написано, а Нахимов - русский флотоводец, значит он, на минуточку, для всего мира кто? Русский. Так вот - мы ИЗ МИШПОХИ адмирала НАХИМОВА. Хотя он, будто бы, ЖЕНАТ НЕ БЫЛ И ДЕТИ ЗА НИМ НЕ

ЧИСЛЯТСЯ, но он оказался ВЕСЬМА ПЛОДОВИТЫМ и ОСТАВИЛ ПОСЛЕ СЕБЯ несколько, как бы посовременнее сказать, ПОБОЧНЫХ, нет, гражданских, потомков. МЫ СЧИТАЕМ СЕБЯ ОДНИМИ ИЗ ЕГО НАСТОЯЩИХ НАСЛЕДНИКОВ. Мы - настоящая мишпоха. ПОЧЕМУ? ПОТОМУ ЧТО МЫ СЧАСТЛИВЫЕ, А ПОЧЕМУ МЫ СЧАСТЛИВЫЕ? ПОТОМУ ЧТО МЫ ТАЛАНТЛИВЫЕ! ТЕПЕРЬ ТЫ ПОНЯЛ, КЕМ ты, конечно предположительно, можешь себя считать? В ПРИНЦИПЕ?! - старушка самоутвердительно покивала головой. - Впрочем, Юрий, оставим этот, возможно, не вполне уместный разговор. Я кажется зарапортовалась. Расскажи о себе. Кто ты? Что ты? Откуда ты? Скажи для начала, чем ты увлекаешься? Как сейчас говорят, какое у тебя хобби? В чём проявляется, если оно - таки, проявляется, твоё природное дарование?

- Вообще-то, я приехал в ваш академгородок на научную конференцию по нанотехнологиям.

- Ты уже студент?

- Абитуриент. Пригласили, – я решил похвалиться, - как победителя школьной олимпиады по физике. А заодно меня надоумили показаться классному хирургу.

- Юрий, неужели ты такой умный, что занимаешься нанотехнологиями? Я знаю? Это же такие крохотусенькие частички - без микроскопа не увидишь.

- Это точно! Нано – это одна миллиардная часть метра, нано – на порядок тоньше женского волоса.

- И чего же из этих нано-частиц мастерить?

- Пока только ещё собираюсь.

- И что – если не секрет? В медицине твои нано-частицы можно будет применить?

- Да уже применяют.

- С ума сойти! Вот тебе, если угодно, косвенное доказательство, что ты можешь считать себя причастным к мишпохе адмирала НАХИМОВА. Гордись. А ты думаешь, кем был КОЛУМБ? А КРУЗЕНШТЕРН? А МАГЕЛЛАН? А РОБИНЗОН? Можно перечислять до бесконечности. Но я о них заговорила - знаешь, почему? Потому что по не уточнённым сведениям, они были знаменитыми талантливыми иудеями. НО НЕ ЖИДАМИ, как евреев обзывали, и продолжают обзывать некоторые, даже облечённые властью, черносотенцы. Кстати, я, кажется, забыла представиться? Извини, ты можешь называть меня просто Баба Ента. Я, кстати, когда вышла замуж за Нахимчика, тут же сменила свою фамилию ВОВСИ и стала Ентой Яковлевной Нахимовой - Вовси. А со временем, просто НАХИМОВОЙ. Прости, я тебя перебила. Колись, как сейчас говорят, дальше. Поощрённый Ентой Яковлевной, я принялся нудеть поподробнее: о маме и её НЕДИАГНОСТИРУЕМОМ диагнозе, о моей здравовозбудительнице Мань-Мане, о «повидавшем на своём веку» друге Васюгане, о том, о сём, в надежде, что бабулька не выдержит и перебьёт. И дождался, как только я произнёс выражение - «хирургическое вмешательство», бабулька отзавесила одно ухо от волос и принялась засыпать меня вопросами.

- Интересно, какая же причина, вынудила тебя, можно сказать, юношу, обратиться к хирургу?

- Банальная. С здравовозбудительницей Мань-Маней у меня не получилась генеральная репетиция соития.

- Молодёжь сходит с ума! - дёрнулась Ента Яковлевна. - Какая «генеральная репетиция» у тебя с ней не получилась? И почему, на минуточку, сразу операция? Несчастные дети матерей - одиночек, - схватилась за грудь баба Ента. - Их мамочки заняты своими женскими проблемами, а мужские проблемы сыновьям приходится решать «обезьяним методом тыка». Откуда же ты, Юрий,

приехал?

- Из Поволжья, Ента Яковлевна.

- Что у вас, в вашем Поволжье, нет грамотных специалистов - андрологов? В вашем городе есть же какая-нибудь больница?! Неужели ближе нашей Нахимовской не нашлось?

- Судьба распорядилась – не иначе, баба Ента. Во-первых, дали денег на дорогу, обещали общагу, надавали кусков на пропитание. Как раз здесь ваш классный хирург Нахимов, срстил ногу моему другу Васюгану. Вдобавок моя мама была когда-то знакома с хирургом Нахимовым, Вот и надумал: если уж «моржеваться», то только у хирурга Нахимова.

- Что значит – «моржеваться»? - пожала плечами баба Ента. - Больше сорока лет работаю урологом - гинекологом, а такой термин первый раз слышу. И для этого «моржевания» может сгодиться твоя нано-композиция?

- Мне кажется - может.

- Надо спросить Нахимчика. Он знает всё.

Баба Ента сложила ладони рупором и прокричала:

- Нахимчик!

Никто не отозвался.

- Он работает. А когда Нахимчик работает, так кричи, стреляй, бомби – он глух и нем.

- Нахим Наумович, - ещё громче крикнула баба Ента, развернувшись к двери в глубине комнаты.

- Я покричу ему через дверь. Он, как Ландау, способен одновременно писать, слушать, есть и говорить. Если его заинтересует, он отзовется.

Она прокашлялась.

- Нахимчик, ответь. Ты можешь себе представить, кто к нам явился? Юрий из Поволжья, как раз из того города, где мы раньше работали и обитали. Фамилия его, как наша, НАХИМОВ. Правда он никаких родственных претензий не предъявляет. Тебе это о чём-нибудь говорит? У него дело к нашему сыну, как к хирургу. Как ты думаешь: это может быть некий новоявленный родственник по гражданским связям нашего дон Жуана - Кихота Мордусика или он просто однофамилец? Ему нужна срочная операция. Но какая – он сам не может точно объяснить и называет «МОРЖЕВАНИЕ». Ты когда-нибудь слышал о такой операции?

Старушка повернула голову ко мне.

- Кресло заскрипело – значит Нахимчик услышал! - она выставила указательный палец. - Но ещё не заинтересовался!

Она прижала палец к губам.

- Юрий! А как тебе мама посоветовала представиться знакомому хирургу?

- Мама сказала, чтобы я передал ему привет. И что она ему давно всё простила, но никогда не забудет, как я её понял, в хорошем смысле слова.

- Мордусик ей чего-то наобещал или, не дай Бог, задолжал?

- Я старюсь маму лишний раз не беспокоить. У неё нашли чего-то недиагностируемое. Она, правда, не верит, думает болезнь от сильной слабости из-за нервов.

- У тебя есть с собой фотография твоей мамы? - спросила баба Ента.

- У мамы, вообще, нет её «фоток»: говорит - плохая примета.

- О Господи! Грехи нашей молодости – они идут с нами в ногу до конца наших дней. - Как ты думаешь, Нахимчик, мы знаем Юрину маму? Ну, пусть не я, даже не Мордусик, так, может быть, ты? Ты ведь у нас всё, вся и обо всех знаешь. Тем более, ты тоже подвизался на полставки онколога в той больнице, в те достопамятные времена? Отзовись, Нахимчик! Или ты спишь?

- Как может отозваться человек, если он спит? - послышался из-за двери тихий мужской голос. - Я только пытаюсь понять, почему я, по-твоему, «подвизался», а не консультировал?

- Подвизался – тебе больше подходит.

- Интересно почему?

В дверях нарисовался богоподобный, во всех библейских смыслах, старичок.

- Потому что ты, Нахимчик, не столько консультировал, сколько охотился на двуногих миниюбочниц. Скажешь, у тебя не было краткосрочных связей с младшим медицинским персоналом больницы? Будь спокоен, мне обо всех твоих пассиях докладывали. Да я сама всё знала, видела и переживала. Просто у меня, даже по молодости, хватало ума - смотреть на твои шашни сквозь пальцы. Но и сквозь пальцы, на минуточку, мне всё было прекрасно видно. Тем более, если хочешь увидеть хорошее – увидишь, а если хочешь усмотреть плохое – то, паче чаяния, усмотришь. Скажи спасибо Создателю, что тебе на меня крупно повезло: наш покой мне был дороже женского шпионского азарта.

- Енточка, попридержи язычок, ты даже не знаешь явившегося к нам молодого человека, Юрия. У стен нашего дома, и, я уверен, не только у стен, есть уши, глаза и даже обоняние. Ты, кстати, не могла этого не знать. Просто тебе доставляет удовольствие лишний раз посыпать перца на незатянувшиеся раны моей молодости.

- Оставь в покое перец. Скажи, ты в курсе, что это за операция по моржеванию мужчин?

- Это то же самое, что операция по омедузыванию женщин.

- Я серьёзно спрашиваю. Это операция необходима нашему гостю.

- А если серьёзно, то о такой операции не слышал. Думаю, это просто ненормативный термин. И что он означает, надо поинтересоваться у «воров в законе».

- Разве доктор наук может позволить себе серьёзно поговорить с акушеркой? - отмахнулась баба Ента. - Вот, если бы я была женой Ладнау или Вовси, ты бы распластался.

Старичок выразительно вздохнул и гротескно поклонился бабе Енте. Потом обратился ко мне с неожиданным монологом.

- Я только могу предположить, что мама нашего неожиданного гостя Юрия - одна их тех впечатлительных особ, которая имела благородство понести от твоего Мордусика плод любви, который не в силах была зачать его эмансипированнейшая благодетельная, дай её Бог арабского скакуна на Земле Обетованной, куда она эмигрировала на время своей секс-скотской жизни.

- Нахимчик, объясни, на минуточку, почему ты выразился - «от твоего Мордусика»? Или ты до сих пор позиционируешь себя Нахимом, не помнящим родства, а меня считаешь непорочной девой Ентой? Так я должна тебя огорчить – ты, в очередной раз, ошибаешься. Я, если и была когда-то непорочной девой, то только до того злосчастного момента, когда ты повторно развёлся с той, с которой многожды сводился, и я пригрела тебя на своей рекордной страдальческой груди.

- Побойся Создателя, Ента! С кем это я, интересно узнать, многожды сводился? - Иисусом Христом распялся у стены Нахимчик - Молодой человеку, Юрий, подумает о нас чёрт знает что.

- Мало ли чего, на минуточку, он о нас подумает? Пусть знает правду, - старушка нахмурилась. - Что, разве ты не сбегал от меня к своей, на минуточку, не знаю какой по счёту, женщине, или любовнице (я знаю?) - признаваться в выбросе гармонов, а, может, и в горелых чувствах? Я знаю? Разве ты потом не пришлёндраля ко мне зализывать раны? Твоё счастье, что я

не злопамятна и совершенно лишена чувства ревности. Другая бы на моём месте тебя прокляла или, на минуточку, прибила поварёшкой.

- Ента, мне кажется, ты совершенно не кстати затеяла эту междуособную свару, - покачал глобусообразной головой Нахимчик. - Но, уж коль скоро спор возымел место, то, чтобы у Юрия не составилось ложного представления о наших семейных взаимоотношениях, пусть ему будет известно: вторично, с одной и той же женой, не разводят. Я, было дело, съездил к бывшей жене и её, Божьей милостью, не успевшему стать моим сыну. С единственной целью оставить им всё до последней нитки. И не жалею, потому что помог «бывшей» найти себя - в этой жизни, а сыну - в той.

- Ты оставил ей всё до последней нитки, потому что она, на минуточку, без этого не давала тебе развод, профессор. Ты бы и меня, будь твоя воля, оставил той, своей бывшей, «прости господи». Я никогда не забуду, что ты даже вернулся ко мне в брюках её сожителя - тире - твоего непутёвого двоюродного брата! Ты помнишь те брюки? Ещё бы немного, и они свалились бы с твоей худобы: так ты извёл себя бесовскими страстями?! В то время ты, на минуточку, променял голову на тохес. Юрий, ты, на минуточку, знаешь, что означает последнее слово? Так знай - это та часть тела, на которой сидят.

Ента Яковлевна зажмурилась и постучала себя по лбу кулачком. Получилось глухо, но, видимо, не безболезненно, потому что она тут же принялась нянчить кисть, морщась в улыбке.

- Юрий, юноша, извини нас - стародёжь! Мы так редко разговариваем в последнее время. Старость - не радость, молодость - не мудрость. Или наоборот - я знаю?! Скажи, если я покажу тебе фотографию твоей мамы, ты её узнаешь?

- Уж как получится, Ента Яковлевна.

- Меня, в советские времена наградили фотоаппаратом «ФЭД», и я имела глупую привычку - фотографировать всех входящих и выходящих. Как эти фото в своё время пришлись кстати! Я имела смелость сфотографировать Нахимчика не с кем-нибудь, а с самим Отцом всех народов, кроме одного: это, на минуточку, спасло Нахима Наумовича от многих неприятностей. Во времена Нахим Наумович лечил всех сильных мира сего, за что его чуть не отправили к сильным мира ТОГО. Хвэйс. Нахимчик, будь так любезен, не сочти за труд принести мою трофейную шкатулку: мне её, на минуточку, подарил самый прогремевший в годы войны маршал, который переплюнул в военном искусстве самого Генералиссимуса. Я принимала роды у его полевой походной супруги. Создатель, неужели я так долго живу, что ты забыл, за кем поставил меня в очередь?!

Нахимчик быстро развернулся кругом, и вскоре баба Ента вставила крошечный ключик в сундучок красного дерева.

Сундучок пропиликал мелодию незнакомого марша, и крышка отворилась. Баба Ента посидела минуту-другую с закрытыми глазами и поднесла к переносице платочек. Немного погодя, она, шмыгая носом, зарылась в пожелтевших альбомах, картонках и бумагах.

- Архив Нахимовых, - дрогнувшим голосом произнесла она. - Как я умудрилась пронести его через все обыски и переезды - одному Создателю известно.

- Вот, полюбуйся, Юрий! - баба Ента после долгих поисков достала пожелтевшую фотографию «9 x 12» и, заморгав, протянула её мне. - Здесь запечатлена та женщина, которая когда-то явилась в наш дом со свёртком. В свёртке оказался чудесный новорожденный ребёнок. Я их сфотографировала. Не узнаешь?

На фотографии я едва разглядел контуры двух разновеликих голов: одну, побольше - в платочке, и другую, поменьше, - в шапочке. Бумага пожухла,

черты лиц были почти неразличимы. Само собой, узнать было невозможно.

- Нет, Ента Яковлевна, - не узнаю.

- Вполне возможно, ты, Юрий, прав, и тебе просто некого узнавать. Если это твоя мама, то, в то время, когда она явилась в наш дом с тобой наперевес, она, на минуточку, была не старше тебя теперешнего, если не младше. Но, как говорится, ещё не вечер. Вот когда на Шабат соберётся вся МИШПОХА, тогда мы и вернёмся к этому разговору. Ты не возражаешь? Почему ты такой скромный и застенчивый, Юрий? Мамино воспитание?

- Ента Яковлевна прикоснулась ко рту ладонями.

- Всё, заткните меня, или я подавлюсь собственным красноречием. Из меня получилась бы хорошая дознавательница. Но всё - больше вы от меня не услышите ни единого слова, пока я, на минуточку, не заговорю снова. Болтушка я, Юрий, правда? Не смейся, доживёшь до моих одиноких лет, ты себя не узнаешь, в худшем смысле этого слова. Всё. Молчу, как рыба, хотя, есть сведения, что рыбы тоже переговариваются, правда, неизвестно по - каковски? Нахимчик, скажи что-нибудь, чтобы я замолчала – у меня, на минуточку, разболелись желваки. Ужас! Я же не смогу прожевать даже рыбные котлеты.

- Енточка, тебе не кажется, что пора прекратить кормить молодого человека, (носящего, к тому же, нашу фамилию), бреднями и псевдофотографиями? Не лучше ли покормить его с дороги нашим домашним обедом? Тем более, сегодня, как ты, слава Создателю, вспомнила, ШАБАТ! И не исключено, что мы даже представить себе не можем, на каком уровне пройдёт предстоящая встреча Юрия с нашим Мордухом?!

- Нахимчик, как я могла забыть ШАБАТ, когда на нём держится наша МИШПОХА. А кто к нам сегодня пожалует – покажет время. Кстати, возможны сюрпризы.

Юрий, ты, на минуточку, первый и очень значимый сюрприз. Нахимчик, наберись немного терпения: твои утренние рыбные паровые котлеты ещё не готовы.

- Я не умру с голоду: я уже выпил все твои целебные отвары и настойки.

Подожду. Но Юрий с дороги. Покорми его. Тем более, у нас нынче должна быть хорошая кухня. Ведь тебе помогала готовить его ординаторша АННУШКА. У неё золотые руки.

- Мне кажется - не только руки, но и всё остальное. Иначе ты не принял бы эту, безотказную во всех отношениях, девицу в ординатуру. Не пора ли прекратить её всестороннюю эксплуатацию? Тем более, по некоторым сведениям, она не умеет держать язык за зубами?

- По-моему, это ты не умеешь держать язык за зубами. О какой безотказности Аннушки может идти речь?

- А разве кто-то из вас с Мордусиком за ней не ухлёстывает? Нахимчик! Я знаю, что я говорю.

- Побойся Создателя, Ента! Какие ухлёстывания в мои годы?

- Это ты побойся Создателя! Уж кто-кто, а я знаю твои донжуанские задатки. И кончаем спор.

Ента Яковлевна улыбнулась.

- Юрий, надеюсь, ты понимаешь: спор - не вор, но жёстче шпор. Главное в данный момент - шабатный завтрак. Он начнётся с минуты на минуту, как только будут готовы кошерные рыбные котлеты.

- Я не голоден! - вскрикнул я.

- Он не голоден?!- взмахнула руками баба Ента, - где это тебя накормили, интересно знать?

- Я поел пирожков.

- Где?

- На вокзале.

- Ты сумасшедший, Юрий!? Кто же ест вокзальные пирожки? Ты представляешь, чьё там мясо и на каком масле жарят вокзальные пирожки? На долгоиграющем алифковом. Я не оговорила: не на оливковом масле, а именно, на алифковом? Олифа - это же канцероген, получаемый из перегорелого растительного масла: ясное дело, не оливкового, а подсолнечного. Или твой желудок переваривает нано-ядо-химикаты? Я знаю? Когда-то я тоже любила вокзальные пирожки с ливером. Но это был настоящий советский ливер – не тот, что сейчас - тьфу! Юрий, помоги мне подняться на обе ноги и доползти до кухни.

Баба Ента остановилась перед холодильником и отдышалась.

- Слава Богу, сейчас у нас есть припасы, из которых можно приготовить всё, что душе угодно. Настали обжорковые времена: не продовольственно-карточные и не талонные. Создатель всё же добрался и до «глубины сибирских руд». Сейчас такие времена – были бы деньги! Я угощу тебя кошерными паровыми щучьими котлетам и – пальчики оближешь!

Баба Ента приоткрыла дверцу холодильника и вдруг вскрикнула.

- Нахимчик! Ну-ка признавайся, не была ли у нас, на минутку, эта свора твоих голодных аспирантов?

- А если «да» – то что?

- Ничего. Просто они, слава Создателю, подъели всю вчерашнюю еду. А я ещё думала, как с ней поступить?

- Почему ты думаешь, что это аспиранты?

- Потому, что больше некому. Ты вчерашнее не ешь, а я не имею привычки перекусывать между едой.

После долгой паузы раздался умиротворяющий голос Нахима Наумовича:

- Так скажи аспирантам «спасибо» и покорми Юрия обещанным завтраком и меня - заодно.

- Не волнуйся, Нахимчик. Ты же знаешь: я ничего никогда не забываю. Ты будешь есть кошерные котлеты, Юрий?

- Если вы угощаете? - поспешил ответить я, захлёбываясь фонтанирующей слюной.

- Иди уже, пока на кухне всё не сгорело. Ты же что-то греешь?!

- С каких это пор, Нахимчик, тебя стали волновать хозяйские дела, в которых ты согласишься столько же, сколько я - в твоих хромосомах. К твоему сведению, на остром пару ничего не может сгореть. Профессор, не позорься перед молодёжью. Кстати, Юрий, сегодня кошеварю я: наша домработница отпросилась в церковь. Я подхватил бабу Енту под ручку. Она, хватаясь за попадавшуюся под руки, мебель, зашаркала, втягивая ноздри, на запах горелого.

- Жалко, что ты, Юрий, не гуманитарий. Я с помощью одной роженицы раскопала кое-какие материалы о нашем первопредке – отце адмирала Нахимова, кантонисте с большой буквы. Почему с большой? Потому что не так-то просто в те времена выйти на пенсию в чине майора царской армии. Ты представляешь, каким нужно было обладать умом и талантом, чтобы в те юдофобские времена кантонисту(!) пробиться в большие военачальники?! А майор царской армии - это же чин!

- Енточка, ты, по-моему, заговариваешься. Давай позавтракаем – потом доскажешь.

- Я целыми днями молчу, как рыба в тряпочку, боюсь помешать твоему псевдотворчеству. Разреши мне поговорить с молодым человеком, пока у меня не закончился словарный запас. Если мои предположения чего-то стоят?! А я уверена, что мои предположения имеют под собой почву. На минутку, я просто удивлена, почему за время пропажи Юрия из нашего поля зрения, никто не надоумил его приехать повидаться, тем более, что его портретное сходство с

адмиралом Нахимовым не вызывает сомнения. Кстати, Нахимчик, ты, как всегда, прав: вода из-под котлет, как нарочно, испарилась, и они немного усохли, - повысила голос баба Ента.- Но я, как оптимистка, на минуточку, настаиваю: паром рыбу не испортишь, жаром голод не уймёшь. А вот отогреть душу можно. Но только внутренней энергией родства! Правда, Юрий!? Скажи чего-нибудь, не молчи, я устала от собственной трескотни.

Я не придумал ничего умнее, как поблагодарить бабульку за гостеприимство.

- Он это называет гостеприимством, - хитро прищурилась баба Ента, - ты просто не представляешь, - она вдруг затряслась от смеха, - сколько родных, близких и просто пришлых гостей появляются на ШАБАТ в нашем доме! Если бы я не продолжала консультировать всех этих теперешних бизнес-леди, моей пенсии ветерана труда, нищенской полставки, вместе с пенсией профессора Нахимчика, не хватило бы даже на нашу домашнюю мишпоху. Правда, грех жаловаться: Мордусик, слава Создателю, избавился от официальных алиментов – не разбери-поймёшь кому?! И, на минуточку, наше прозябание стало намного веселее. Правда, он взвалил на свои плечи какие-то неофициальные алименты, но это уж, как говорится: «Рогатого – могила исправит».

- Чего ты мелешь, Ента? Побойся Создателя, - Нахимчик махнул рукой и поморщился. - Что о нас подумает Юрий?!

- От моих слов ничего в нём не изменится. Вон он уже смеётся над нами. Мы смешные, правда, Юрий? И прижимистые? Ты ведь так подумал? Мамино воспитание – не так ли?

Я ничего не успел подумать, потому что загляделся на руки Нахимчика, которыми он принялся вращать, как пропеллерами.

- Енточка, ну, вот сколько раз я должен повторять одно и то же? Что у тебя за привычка, притворяться хуже, чем ты есть. Ты же добрая, гостеприимная, чуткая. Не корчь из Бабы Енты - Бабу Ёшку. Зачем тебе, чтобы люди, и Юрий, в частности, о нас подумали хуже некуда, что мы крохоборы и анти-альтруисты?

- Ты уверен, что все, кого мы привечаем, по прошествии времени думают о нас хорошо? Пока они в доме – таки-да. Но стоит им выйти и кого-нибудь встретить по дороге, будь уверен, они тут же обмолвятся о нас в зависимости от взглядов на национальные меньшинства: «Живут из первых рук, а гостей покормили из вторых. Что с них взять, с этих жидомасонов». Я знаю?

Баба Ента с нарочитым опозданием зажала рот ладонью.

- Енточка! - зычно окликнул бабулю Нахимчик. Пока я жив, я не устану повторять то, что считаю правдой. Ты, Юрий, кстати, тоже прими к сведению на будущее. Так вот, да будет вам обоим известно, что, по крайней мере, в нашей мишпохе всегда превалировала главенствующая заповедь древних иудеев: «Везде и всегда еврею надо жить не по-жидовски, а по-библейски»! То есть так, чтобы последнему юдофобу даже в голову не взбрело обозвать иудея жидом». Ибо жид - понятие наднациональное, скорее даже, религиозное. Это бранное прозвище ортодоксального иудея, чьё эгоцентрическое восприятие окружающих зиждется на псевдозаповедях Торы, которые противоестественны соборному русскому православному сознанию. Ведь никто не назовёт умного дураком. Правда? Так же как никто не назовёт щедрого жидом?!

Баба Ента посверлила пальцем висок и прикрыла глаза.

- Юрий, скажи откровенно, ты согласен с этой проповедью профессора-атеиста или это бред оболваненной антисиионистской пропагандой профессора-диссидента-космополита?

- По-моему, сионисты как раз проповедуют совсем другое, - осторожно решил сумничать я.

- Я не Сталин и плохо разбирался в национальных вопросах. Ну, пускай себе

род (или мишпоха) Нахимовых берёт своё начало из каких-то кантонистов. Мне-то что? Мама никогда не говорила мне о происхождении отца. Скорее всего, её этот факт почти не интересовал: она предпочитала жить по русскому принципу: «Будет день и будет пища, а вчерашний день не сыщешь».

- Ента, ты слышала?! - Нахимчик даже приподнялся на носочки, - мальчишка, пацан, а соображает в актуальных вопросах лучше заслуженного врача Российской Федерации!

Наумчик вдруг быстро скрылся за дверью, а я остался стоять с открытым ртом, соображая, откуда мама в последний момент узнала, как она сказала, примерный, но на поверку оказавшийся точным, адрес хирурга Михаила Нахимовича? Мама никогда, за здорово живёшь, ничего не делала. Я ещё не решил: продолжать позиционировать себя Юрием, не помнящим родства, или раскланяться? Правда, неожиданный процесс незлобного общения не позволял мне грубо нарушить таковой.

Сомнения, очевидно, читались на моём лице, потому что баба Ента хитро прищурилась.

- Так что выбирай, Юрий. Имеет тебе смысл продолжать вникать в наши семейные поиски или, куда проще оставаться тем, кто ты есть, сыном своей русской мамы?!

У меня хватило ума промолчать.

Немного погодя снова появился Нахимчик, но побритый и в нарядной синей шелковой пижаме. Он подошёл ко мне, приобнял за плечо, предложил сесть рядом с ним на диван и, как я понял, так расчувствовался, что начал называть меня, непривычно для моего уха - «голубком».

- Голубок,- застенчиво улыбнулся Нахим Наумович, - пока не появился наш классный, как ты его назвал, хирург, поведай нам с бабой Ентой о своём житье-бытье.

Он заметил моё смущение, и сам начал отвечать на заданный вопрос.

- Он уже рассказывал, - вмешалась баба Ента, - не приставай к мальчишке.

- Фамилии Нахимов более трёх веков, - воздев руку к потолку, торжественно, как первомайский призыв, произнёс дед Нахим Наумович. - Раньше такой фамилии просто не было на Руси, да и сейчас её крайне редко встретишь. А всё потому, голубок, что фамилия эта берёт начало от имени твоего прапрапра... далее везде... деда. (Нахимчик или не слышал рассказа бабы Енты или специально повторял историю мишпохи, чтобы я в неё поверил). Отец основателя моей мишпохи (прискорбно, но против правды не попрёшь) родился и вырос за чертой оседлости, и по достижении соответствующего возраста его определили в кантонисты. Знаешь, кто такие кантонисты? Это воины русской царской армии, одной из многочисленных, прижившихся на Руси национальностей (в основном – еврейской), которые верой и правдой защищали Россию от всех и вся. За это после окончания срока службы, которая длилась двадцать пять - тридцать лет, кантонисты обретали полную свободу, получали достаточный пай земли, а главное - право взять себе любую русскую фамилию. Поэтому, когда у нас в России ты слышишь фамилии, скажем, Сидоров, Петров, Иванов, Кузнецов, Нахимов, Пирогов, то это означает только одно: эти люди верой и правдой служили нашему отечеству: остальное – не столь важно. Одним словом, отслужившие кантонисты становились полноправными и православными русскими людьми. Моего прапрапра...деда звали Нахим. И он, честно отслужив кантонистом, а возможно и сверх того, вышел в отставку в чине майора, и, ничтоже сумняшеся, взял себе фамилию Нахимов, производную от своего имени Нахим. Эта фамилия и дала начало моей мишпохи, а, говоря русским языком, большого рода-племени, из которого вышли достойные своего времени

люди. У прапра...деда Нахимова было ещё сколько-то сыновей, которые, к сожалению, неизвестно чего собой представляли как деятели. О дочерях мне ничего неизвестно. Да не о них, в данном случае, речь.

- Тебе, Юрий, не мешает знать, что Нахим Наумович с некоторых пор (умолчу, с каких, - со временем, возможно, узнаешь) превратился в отчаянного женоненавистника. Поэтому надо делить все его гендерные высказывания на три, а то и на семь....

- Вот так, голубок, - побагровел Наумчик. Мне показалось, что ему доставляет удовольствие сам процесс разговора, а возможно, и моё внимание. Дальше тебе расскажет феминистка и, волей случая, мать моих сыновей, прототип героини пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке» - баба Ента.

Неожиданно Нахим Наумович склонил голову к двери и прислушался. В прихожей кто-то закашлялся собачьим лаем, и профессор спортивной ходьбой удалился в свой кабинет. Пока за дверью продолжался кашлевый лай, баба Ента рупором приложила руки ко рту и зашептала мне на ухо:

- Ты думаешь, почему от нас сейчас сбежал дед Нахимчик? Они с сыном, Мордусиком, с некоторых пор в распре и не разговаривают. Честное слово! Мне смешно, но они оба делают вид, что не замечают друг друга и переговариваются только через меня, будто я переводчица с русского на русский. Это было бы комично, если бы не выглядело идиотски. Но они выдерживают паузу и позу. Кроме как «салонный дебилизм», я это назвать никак не могу.

Баба Ента неожиданно для меня по-православному (справа налево) перекрестилась и продолжила.

- Хочешь знать, почему они друг с другом не разговаривают? Ты не поверишь, но отец с сыном, профессор с доцентом, доктор наук с кандидатом, не разговаривают потому, что один обозвал другого, не больше-не меньше, мишугинэ, то есть, дурачком. Как тебе это нравится?

- А кто кого назвал? - осторожно спросил я.

- Как ты сам думаешь, кто кого?

- Думаю, что отец сына.

- Как бы не так: отец – сына, это бы ещё куда ни шло. Представь себе, что всё наоборот: сын назвал отца дурачком.

- А за что?

Кашель в прихожей стих, но никто не появился.

- Я знаю? Спроси меня чего –нибудь полегче. Думаешь, они мне рассказали? Я только ухватила краем уха, как Мордусик сказал: «Эх, и мишугинэ же ты, отец, после этого. Наивный еврейский дурачок»! А Нахимчик ему на это ответил:

«После этого лучше я буду наивным мишугинэ, чем циничным умником вроде тебя»! А после чего - «после этого», о чём у них состоялся спор на повышенных тонах, убей меня, я не знаю и не могу понять.

- Енточка, скажи ему! - прокричал через дверь Нахим Наумович. И баба Ента подмигнула мне, шепнув: - Начинаются переговоры на высшем уровне идиотизма.

- Ты меня слышишь, Ента?

- Слышу, слышу, говори.

- Если, паче чаяния, Мордух будет спрашивать, то передай ему, что я ознакомился с рефератом его статьи на предстоящей конференции в Берлине. То, чего он нафантазировал, не просто «мичуринско-лысенковско-лепешинский» бред применительно к человеческому организму, а антинаучная вредная демагогия, ничего общего не имеющая к разработкам доктора Елизарова. И я буду первым, кто выступит против его лженаучных постулатов о применении нано-технологий в операциях по наращиванию костно-мышечной ткани. Передай ему, что кости и мышцы – две ипостаси системного научного подхода, но разных

технологий. И передай: пусть не считает себя прозорливее Папы Римского. Секреты Вселенской Академии Духа открываются только творческим умникам и навечно закрыты для умников. Кстати, статью он написал безграмотно во всех отношениях. Только не вздумай делать акцент на двух моих последних фразах. Поняла?

- Да, поняла, уймись, наконец, - махнула рукой в сторону двери баба Ента. - И дураку ясно.

- Вот ему и передай, - послышался довольный голос Нахимчика, а я тут по бумаге поскребу, по мыслям помету: авось, Создатель введёт в мою голову какое-нибудь взвешенное просветление.

- Лучше приляг, вздремни, трудоголик многожильный, - грозно выкрикнула баба Ента. Сколько можно изнурять себя научными предвидениями? В твоём кабинете вторую ночь горит свет. Попроси Создателя, чтобы он послал в твою голову покой и сон. Ещё удивляешься, когда тебя принимают за ненормального? Побойся Создателя.

- Бога бояться – рая не видать. Я уж как-нибудь распоряжусь отпущенным мне псевдодолголетием, на своё усмотрение.

* * *

Хлопнула входная дверь, и на пороге появился мужчина. И я сразу успокоился, потому что вошедший, ну уж никак не показался мне «вылитым «я», каким, по вздохам мамы, представлял я своего взаправдашнего отца, если мама до сих пор скрывала, что он жив и здоров. Даже нано-биологического разряда между нами не возникло. И естественно, мы не бросились друг другу в телесериальные объятия с криками: - Папа! Сын!

- Михаил Нахимович, ты, как нельзя, кстати, - официально произнесла баба Ента, кивнув в мою сторону. - По твою душу явился, не знаю – вызванный, не знаю – самозванный, не знаю – посланный свыше молодой человек. Он, на минуточку, из мест нашего досудебного прошлого. Могла я его раньше где-то видеть. Или только во сне?

- Я не понял, на что ты намекаешь, мама.

- Михаил Нахимович поклонился мне, а потом устало прошагал к бабе Енте и чмокнул её в щёку. Потом повернулся ко мне и, пронзив рентгеновским взглядом, протянул руку.

- Михаил Нахимович. Поговорим чуть позже.

- Юрий, - соглашательно кивнул я на его крепкое рукопожатие.

- Сегодня Шабат?! - улыбнулся Михаил Нахимович. - Кто пришёл в этот дом, может считать себя, если не родственником, то, по крайней мере, не чужим человеком.

- Мордусик, - сказала баба Ента. - Если ты скажешь, что вы с Юрием видите впервые в жизни, я не удивлюсь. Но мне, на минуточку, кажется, хотя я слаба глазами, тем более без очков, что в вас есть что-то общехарактерное? Например, нахимовский нос без горбинки. Я не права?

- Нос без горбинки, - усмехнулся Михаил Нахимович, теребя левой рукой правое ухо, - по определению уже не может быть нахимовским. И если ты видела нашего гостя, то вспомни где - у тебя же поразительная память.

- Была, да старость унесла.

Мгновение спустя, Баба Ента забормотала, будто про себя, но достаточно громко, чтобы все слышали.

- Слава Создателю, меня осенило. Слышишь, Мордусик, не знаю, к месту или нет, - она хлопнула себя по лбу ладонью. - Это было ещё в советские времена.

Помнится дело было как раз накануне нашего принудительного отъезда в эту нашу теперешнюю Тьмутаракань. Ты, Мордусик, тогда учился в аспирантуре. Тебя уж осудили на поселение. И это случилось как раз тогда, когда Нахима Наумовича уже выпустили на свободу из следственного изолятора как непричастного к когорте «врагов народа». Я, как всю мою сознательную жизнь, паковала узлы. Ты пропадал в своей клинике. Нахим Наумович дневал и ночевал на своей кафедре. Я собиралась отнести ему куски, чтобы он хоть чего-нибудь взял в рот. И вдруг звонок в дверь. Я ещё подумала, кто бы это мог быть среди бела дня? Открываю, смотрю: стоит молодуха, которая, на минуточку, пару раз уже была в нашем доме с свёртком в руках. Молодая, симпатичная русская. Я знаю?

- Ты забываешься, Ента! - выкрикнул из соседней комнаты Нахим Наумович. - Ты это только что уже рассказывала Юрию.

- Ну и что? Я не имею права повторить наболевший рассказ? Не хочешь— не слушай, а вспоминать не мешай. Я, на минуточку, не для тебя рассказываю. Я хочу достучаться до ошибок совести Мордуха. Так вот, как сейчас помню, эта девица молча протягивает мне что-то запелёнутое и задаёт вопрос, что я прикажу ей делать с новорожденным внуком: она сама не знает, но точно не отдаст его в детский дом. Я не успела раскрыть рот и глаза, как новоиспечённый родственник принялся издавать нечеловеческие вопли. Мы с этой красной девицей (имя её я, на минуточку, запомнила) перебросились парой тёплых фраз, и я, взглянув на зарёванное лицо младенца, почему-то вспомнила своё безотцовское младенчество, и растрогалась. «Будь по вашему, юная мама, - сказала я. - Если новорожденный вам не нужен, и, тем более, у вас нет сомнений, а единственное доказательство причины вашего материнства - обещание уже женатого отца ребенка жениться на вас, (хотя, мало ли чего он мог на вас наобещать), то оставляйте своего, надеюсь, первенца. — У нас в доме найдётся, чем его покормить, во что одеть и кому воспитать». И, что ты думаешь, она мне ответила? - Ах, вот почему наш папочка даже не удосужился явиться в родильный дом?! Ах, он оказывается уже женат? Ах, вот почему он настаивал на аборте?! Тогда передайте ему: «Бог ему судья! Ноги моей никогда не будет в этом доме, и пусть он нас не ищет. Нам такой папулечка и на дух не нужен!

- Ента, - опять раздался голос Нахима Наумовича, - сколько раз можно рассказывать одно и то же одними и теми же словами одному и тому же человеку, у которого в голове только содом и гоморра? Ты всегда стучишься после предупреждения внутреннего голоса: «Осторожно! Двери закрываются!».

- Наумчик, прошу тебя, не затыкай рот немой и немощной. Пока эта девица со свёртком стоит у меня перед глазами, я не замолчу. Тем более она явилась, на минуточку, как сейчас помню, в то самое антисемитское время, когда ты, Наумчик, правдами - неправдами спас Мордусика от расстрельной статьи, выудил из секретного отдела АНОНИМКУ на МОРДУХА с доносом, что он является агентом англо-израильской разведки «Джонт», и по её юдофобскому заданию принуждает к сожительству русских невинных предабортниц.

- О какой же чуши ты вспомнила в Шабат?! Постеснялась бы мальчишку, что он о нас подумает? - срывающимся голосом прокричал через приоткрытую дверь Нахим Наумович. - Ты прекрасно помнишь, что Мордусик тебе ответил: «Пусть эта антисемитка подаёт на алименты!» Твои взывания как об стенку горох?!

- Я не мог так ответить! - повышенным тоном сказал Михаил Нахимович. - У меня память, слава Создателю, как у всех Нахимовых. Я прекрасно помню, что я тогда сказал: «Мама, если та, что приходила, задумается не о себе, а о ребёнке и полной семье, пусть подаст на алименты!»

- Но я хочу при жизни быть уверенной, что мишпоха Нахимовых не закончится. Я

всю жизнь мечтала о внуке. А у тебя, Мордух, женушка, как только забеременела, так сбежала за границу, и если она там, паче чаяния, родила, то, на минуточку, не от тебя, тогда как та, которая забеременела от тебя, прокляла тебя и исчезла с лица земли. Или я ошибаюсь?

- Ента, ну сколько можно чесать языком?

- Я не чешу, я говорю правду. Я годами молчала, но я могу хотеть стать бабушкой. Ещё не поздно.

- Ента, ты хочешь, чтобы кто сделал тебя бабушкой? Может быть я? - вышел из своего кабинета дед Нахим, - тогда найди себе достойную замену. Я постараюсь к своему восьмидесятилетию сделать тебе такой желанный подарок.

- Очень остроумно, Нахимчик. Только вчера я, на минуточку, делала тебе укол от давления, а сегодня ты уже хорохоришься. И он ещё улыбается?! Скажи, Мордусик, твой отец в своём уме?

- Мама, ну, не передёргивай. Ты давно уже бабушка и, твоя внучка, кстати, обещала приехать.

- Это ещё надо доказать, что она внучка, а не штучка, - отмахнулась баба Ента. - Хочу быть бабушкой внука, а не внучки. На минуточку, я как сейчас помню, из тех пелёнок выглядывало лицо мальчишки. Ты, на минуточку, Мордусик, тогда поклялся мне, что та женщина с ребёнком дадут о себе знать.

- Я попросил раввина, он, по своим каналам ищет их днём с огнём. Но пока безрезультатно.

- По раввинским каналам он никогда не разыщет русскую женщину, тем более её сына.

- Да я же, кажется, предупреждал тебя, мама: уже разыскался один внук, но, к сожалению, не мой.

- Так вот я и посчитала, что Юрий и есть тот внук, и присматриваюсь к нему. Я знаю? Тем более у него наша фамилия Нахимов! Разве нет?

- Мне до колик в пустом желудке надоела эта перепалка. Я достал из кармана рюкзака паспорт и протянул Михаилу Нахимовичу. Тот раскрыл его и передал своей маме.

- Вот читай, мама. Юрий не твой внук.

- Чего я там не читала? Читай сам.

- Юрий не Нахимов. Юрий по паспорту НАКИМОВ.

- Чуёт моё сердце, - придавила рукой обширную грудь баба Ента, - это протест мамы Юрия, чтобы ты, Мордусик, их обоих, если бы даже искал, то не нашёл. Она, как мать-одиночка, брошенка, видимо, изменила твою фамилию, одним росчерком пера сменив в метрике букву «Х» на букву «К». Я бы, будь я на её месте, возможно, тоже так сделала.

- Всё, Ента! Баста!- замахал обеими руками Нахим Наумович, - митинг, посвящённый розыску виртуального внука, объявляется закрытым на ШАБАТСКИЙ завтрак. Меняем тему. Все садятся за стол.

Нахим Наумович придержал за рукав заспешившую на кухню Енту Яковлевну и во всеуслышание шепнул.

- Мать, скажи ему русским языком: пусть лучше он спросит, зачем Юрий его разыскивал, по какой нужде явился в больницу, а оттуда в наш дом, и чем конкретно он как хирург, может ему помочь, причём, видимо, срочно? А сама перестань строить из себя Голду Меир и покорми, наконец, нас с Юрием своими паровыми щучьими котлетами. Шабат никто ещё не отменял!

Я догадался, кого дед Нахим называл в третьем лице (он, его, ему), и попридержал язык.

- Уймись, Нахимчик, - подыграла деду баба Ента и глянула сначала на меня, а потом на Михаила Нахимовича. - Он как раз и собирался спросить Юрия о

причине его неожиданного появления. И спросил бы, если бы я, на минуточку, не вылезла со своим поганым старушечьим языком.

Михаил Нахимович повертел пальцем у виска. Я озабочился сутью моего предстоящего ответа.

- Прошу прощения, мне смешно самой от себя, - вдруг рассмеялась баба Ента. - По сравнению с тобой, Нахимчик, я, на минуточку, отчаянная идиотка. Кто у нас в доме профессор? Не я же, - Баба Ента резко снизила тональность. - Кто я? Я никто, - так, врач-акушер, правда, высшей категории. Но я не настолько выжила из ума, чтобы забыть то злополучное время, когда в нашем доме проходил чуть ли не бразильский киносериал с вами обоими в главных ролях?

- Енточка, побойся Бога. Что ты имеешь в виду? Какой бразильский сериал в те – сталинские времена? - произнёс Нахим Наумович.

- Тот самый сериал, когда вас обоих затаскали правонарушительные опричники, которые обвинили вас во всех смертных и несмертных грехах, за исключением каннибализма и кровопийства. Я знаю?! Тебя же обвиняли в аморальном разложении студенческой молодёжи, в криминальном прерывании беременностей малолеток, в семитизме, вейсманизме-морганизме, космополитизме?! И всё из-за той проклятой анонимки, свалившейся на ваши головы, как салют во время отступления на заданные рубежи, я знаю?! Слава Создателю, что в органах нашлись ваши, Нахимчик и Морсик, ученики и пациенты, у которых хватило смелости признать вас обоих «не от мира сего» и надоумить вас добровольно (я знаю?!) бросить обжитую квартиру на набережной и переехать всей мишпохой сюда, в этот, забытый в то время властью и Создателем, край, к чертям на кулички. Я отчётливо помню, как мы, по крайней мере я, были готовы размазать по стенкам дома всех до последнего, злосчастных сочинительниц анонимок на мужскую половину Нахимовых? Правда, благодаря стечению адских обстоятельств, мы с тобой, Нахимчик, остались безвнучатыми дедом и бабой. Я знаю?

Баба Ента вдруг осеклась и, уняв дыхание, махнула рукой на приоткрытую дверь на кухню.

- Мордусик, прости меня за ворчание, но спроси, на минуточку, Юрия, чем ты как хирург можешь ему помочь. Как, ты сказал, Юрина фамилия, я запомнила? Не Нахимов, а НАКИМОВ? Только брошенная женщина могла придумать такую месть отцу своего ребёнка! Боже, на минуточку, сегодня не шабат, а какой-то шабаш!

Мордусика почему-то, перекосило и перекорёжило, будто он, не сходя с места, попытался установить мировой рекорд по поднятию тяжестей. Правда, он усилием воли тут же сорвал «попытку» и обратился ко мне.

- Ответь, Юрий, и погромче, чтобы слышали все, кого это, хоть немного волнует. А волнует всех! С чем ты приехал? Чего ты ждёшь от меня как от человека и как от хирурга? Короче, за какой помощью прислала тебя твоя мама?

- Мама меня не присылала ни за чьей помощью. Она знает, что я прибыл сюда на конференцию, и мои исследования могут пригодиться для использования в медицине. У меня лично к вам, Мордух Нахимович, просьба, и не как к человеку, а только как к хирургу. Но, если можно, я расскажу вам о ней конкретно, с глазу на глаз.

- Ты слышишь, Ента, как к человеку к нему нет никаких претензий, - раздался голос Нахима Наумовича. - У Юрия природная интуиция. Он не в каждом двуногом видит человека. В кого бы это он?

- Уймись, Нахимчик, все давно догадались, кто у нас в семье главный парапсихолог, - иронично хмыкнула баба Ента. - Кстати, сколько тебе лет, Юрий? - «Без гака» - семнадцать, - соригинальничал я.

Баба Ента застывшим взглядом уставилась в потолок.

- Слышал, Нахимчик, Юрий сказал: «Семнадцать без гака?»- По-моему, остроумно?

Она заулыбалась, прикрыв дырозубый рот ладонью.

- Дай бог памяти подсчитать, в каком возрасте, Юрий, твоя мама произвела тебя на свет? Не «с гаком» ли шестнадцать? Или ей было больше?

Я слушал, открыв рот, потому что боялся пропустить хоть одно услышанное слово членов мишпохи. Сколько их? Дед, баба, сын, его эмигрировавшая супруга, какая-то самозванка-сумасбродка с сыном Мордусика, – уже семь человек. А ещё кого-то разыскивает раввин. И, если Васюган не брешет, он, по его уверениям, «седьмой мишпохи боевой»! Настоящие семь «я»! У нас с мамой никаких «семь я» не получалось и уже не получится. Я с мамой, «сам два», в одной подвальной комнате в лабиринтах театрального закулисья. Мама несколько раз находила мне какого-нибудь псевдовзаправдышнего папу, якобы вдруг явившегося с небес. Но мне все они не нравились. А точнее я им не нравился, потому что только мешал общаться с мамой наедине. «Разборки мишпохи» на повышенных тонах, как это не удивительно, мне казались интересными.

- Сколько маме лет? - пытаюсь сориентироваться, врать мне или говорить правду, тянул я с ответом. Я её никогда не спрашивал. Но вообще-то, нас с ней иногда принимали за жениха и невесту.

Мне пришло в голову во всеуслышание похвалиться мамой, и я заявил.

- Мама в свободное от костюмерно - театральной деятельности время, солирует в русском народной хоре.

Михаил Нахимович поиграл желваками. Баба Ента обратилась непонятно к кому:

- Ну, что вы на это скажете? Мальчик нуждается в помощи хирурга, а его мама выступает себе в русском хоре! Хорошенькие мамы пошли! Но то, что именно в русском – это характерно, правда, Нахимчик?

- Что я должен на это сказать, - вздохнул Нахим Наумович, - кроме того, о чём ты сама, я думаю, прекрасно догадалась? Давайте садиться к столу.

Баба Ента подняла брови и покачала головой. Потом сделала мне подзывающий жест рукой и прошептала:

- Юрий, если тебе, на минуточку, показалось, что ты попал в сумасшедший дом к двум выжившим из ума старикам и их донжуанствующему сыну, то ты недалёк от истины. Но главное, ты молодчик, что нас разыскал. Это чудо!

* * *

Как только мы расселись вокруг стола, Михаил Нахимович на минуту отлучился и вернулся с графинчиком, наполненным жидкостью вишнёвого цвета. Потом он так же молча поставил около себя стаканчики, налил в них из графинчика и поднял руку. Дед Нахим сжал челюсти и спрятал руки под стол. Баба Ента поставила стаканчик передо мной, потом подумала, произнесла: «Пусть не обед, но уже можно «лехаим». И подтянула стаканчик к себе. Она ещё немного поразмыслила и поставила стаканчик перед тарелкой хмурающегося Нахима Наумовича.

- Я не буду, - буркнул тот, - с утра «лехаим» только некоторые алкоголики.

- «Лехаим», - шепнула мне на ухо баба Ента, - это по-русски «выпьем». Ты уже пьёшь?

Я даже не успел кивнуть, как под Михаилом Нахимович заскрипел отодвинутый стул.

- Лехаим! - громко произнёс он, махом отпил крошечный глоток из стаканчика и осторожно опустил последний на стол.

Я решил последовать, как говорится, его примеру. Только я, как было принято у нас с мамой по праздникам и дням рождения, поднялся со стула, опрокинул в глотку всю рюмку и крякнул от удовольствия. Тут же по телу растеклось сладкое согревающее - не поймёшь что: то ли слабое вино, то ли креплённый сок. Михаил Нахимович скосился на меня, удивлённо кивнул и залпом допил свой стаканчик, добавив:

- Ты прав, Юрий, «лехаим» так «лехаим». Только закусывай.

Баба Ента выпила вино и зажмурилась. Потом со второго тыка попала вилкой в рыбную котлету на подносе, потянула её к своей тарелке, и в этот момент противно задребезжало дверное стекло. Рука Бабы Енты дёрнулась, котлета сорвалась, ударила в край полного стаканчика Нахима Наумовича – тот выпрыгнул из-за стола, а вино потекло по крахмальной скатерти. Баба Ента подхватила с колен полотенце и выбросила руку к краснеющей луже. Край полотенца, как в телевизионной комедии, зацепился за графин с вином, тот опрокинулся, и все вскочили со своих мест во избежание неприятностей. Но естественно, скорость брызг превысила мышечную и красные пятна покрыли одежду всех, кроме меня и Нахимчика, пытавшегося спасти скатерть. Стук в стекло усилился.

- Можно я открою? - вызвался я спасти ситуацию и бросился к входной двери. За дверным стеклом маячил Васюган. Когда я чуть не сшиб его дверью, он поднёс руку к губам и прохрипел:

- Молодчик что ты прорвался к Мордуху! Плохо только, что эти Нахимовы по субботам вырубают телефон.

Я легонько ткнул его кулаком в поддых и возмутился.

- Мы же договорились, что ты всё возьмёшь на себя. Хоть планшеты пристроил? Васюган, артистично схватившись за живот, вытянул из джинсов портсигар и протянул мне.

- Угощайся, стреляные. Конференция откроется только послезавтра. Москвичи ещё не прилетели.

Я оттолкнул портсигар от лица – тот вылетел из руки Васюгана и исчез в кустах.

- Передай Мордуху, - присел на корточки Васюган и выбросил вверх руку с найденным портсигаром, - я протолкнул его в президиум конференции.

- Ты надрался? - пошмыгал я ноздрями.

- Я сперва подрался за место для нашего планшета, а потом уже надрался, - самодовольно ответил Васюган, - но всё для успеха нашего безнадёжного дела.

Я вцепился в ворот его рубашки, но сил поднять его с корточек не хватило и пришлось присесть рядом.

- Вечно ты, Васюган, чего-нибудь отчубучишь. Мордух хирург, а не технарь.

- Юрок, его весь город, знаешь, как уважает? Не смотри что не титульной нации, он же даже депутат городского совета.

- Иди проспись, - тихо свирепел я. - Ты где обосновался?

- В случае чего - найдёшь меня в студенческой общаге. Тем более, если тебя не забреют в больницу.

- Кто меня забреет? Сегодня какой-то шабат. Михаил Нахимович под этим, - я щёлкнул себя в шею, - лехаим.

- Ю-пэ-рэ-сэ-тэ! Ты ещё не договорился о «моржевании»? Коси, Юрок, под сына Михаила Нахимовича, как я тебя науськивал. Разжалобь его! Он добрый, наивный – поверит, как мне. Улыбнись, скрой жалкую рожу, прохнычь: «Михаил Нахимович, не дайте сгинуть во цвете лет, тем более, мама больна, уехала за диагнозом. Только на вас надежда. Если вы меня не заморжуετε, то умрёт

ольшая любовь из-за мелочного недуга. Я бы сроду не решился к вам обратиться, но я, судя по маминым уликам, ваш сын, плоть от плоти, ваш Сивка-Бурка. Всмотритесь - во мне всё ваше. Мама показала мне ваше фото в юности: вы там копия я!» Юрок, не скромничай! Скромность украшает дурость - лживый трёп правдивей глупой правды.

- Васюган, меня ничего не получится. Как это я вдруг смогу такое набрехать? Я же крещёный, трезвый, я Михаила Нахимовича первый раз в жизни увидел. У него глаза такие - не обманешь. И нисколько он на меня не похож. Чего он обо мне подумает?!

- Попытка не пытка. Ну! Мы же обо всём договорились. И мама твоя будет только рада!

Васюган вытащил из джинсов фляжку, раскупорил и сунул горлышком в мой рот.

- Глотни для храбрости! Никто ничего ни о ком плохо не думает, а подумает, да не скажет. Всё решает случай или случка. Жизнь даётся один раз и её надо суметь прожить.

Я чуть не подавился, но немного обжигающей жидкости мгновенно усугубили «лехаим». Васюган заламывал руки и корчил рожи.

- Юрок, не физдипюли. Я смог усыновиться, а ты, — и подавно, сможешь внаглую. Нахимов, он же, как Мозай, всех своих детей от «ошибок молодости» в ковчег - и в дамки. Он прямо, можно сказать, отец-герой нашего времени. Только кто чуть поприбеднится — он сходу усыновляет или удочеряет. Ты думаешь, МАНЬ-МАНЬ кем ему приходится? Седьмой водой на киселе? Это её Василиса Абрамовна подсуетилась через «лыхаим» и «ширяим» с прокурором и сосёт с Мордуха алименты. Меня Аннушка, Мордуховская ассистентка, прямо перед сращением отпиленной ноги надоумила косить под незаконного гражданского сына Мордуха. А то как бы, мол, он не оттяпал по самый отпил? К слову, его Аннушка всеми телесами только на мужиков заточена. Только прикоснись пальчиком - она и расснегурится.

- При чём здесь твоя Аннушка?

- Не моя, а Мордуховская помощница - хирургиня. Русская что спереди, что сзади. Безотказной доброты бабец — не то что «топ-поп» Мань-Мань. В случае чего-сошлись на меня. Аннушка и за тебя замолвит бабское словечко. А то и сама тебя «заморозит». У неё ноги - от подмышек, руки — до щиколоток, а душа — «от» и «до». Наглей, Юрок, а то не видать тебе озабоченных дам, как мне— студенческих корочек.

- Скажи лучше, Васюган, ты выполнил наш с тобой уговор?

- Не плюй себе на уши — всё путём. Я думаю из-за чего подрался и набухался? Планшеты без меня привезли и разместили на задворках. Отмазал, чтобы перевесили в самый центр. Потом глядь — на них всё - без наших поправок. Гаджи Иванович наобещал, а сам — в кусты. А меня не подпускают. Ну и пригодилась тюряжья школа выживания.

- Васюган, смотри без подвоха! У меня уже, как ты говоришь, в Бауманке всё схвачено. Всё в твоих интересах. Не упusti шанс, чтобы потом не заикался, что тебя не включили в ректорский список за твою пятую графу, которую, кстати, отменили.

- В Московских вузах ничего не отменили. Чего же я сам себе враг, Юрок. Одно боязно - вдруг какой-нибудь очкарик спросит о нанотехнологиях, а я — ни в жилу? Юрок, помозгуй, может всё переиграем, тем более шабат!

- Уговор дороже денег, и, главное, Васюган, не забывай. Ты чин-чинарём выиграл у меня в твою же придумку - «ДУЖКУ». Выполняй моё желание. Я железно хочу, чтобы ты поступал вместе со мной. И Гаджи Иванович в курсе нашего

договора, ещё сказал мне: «Я сам как нацмен натерпелся по самые не могу, пусть, хоть Васюгану улыбнётся его иудейская фортуна».

Я заметил на крыльце Михаила Нахимовича, расцвеченного красными винными звёздами, но его окликнули, и он затоптался на месте. Тихо, Васюган, умолкаем. Я отпустил ворот рубашки Васюгана, и тот мешком завалился на какую-то ветку, а с неё - на землю. По-моему, Михаил Нахимович сделал вид, будто никого не заметил, и вернулся в дом.

- Васюган! - вдруг осенило меня. - Как мы забыли: на обратной стороне планшета наши карандашные подписи. Сотри мою!

- Чего же ты раньше молчал?! - простонал Васюган. - Сроду мне не везёт. Теперь придётся проникать через охрану. Ещё бутылка.

- Возьми заначку, Васюган, - я сунул ему в карман последнюю купюру. - К Михаилу Нахимовичу зайдёшь представиться?

- Ты что, Юрок, чтобы я в поддатом виде? Ни за что. Он меня запризирает. Не забудь сказать ему, что я протолкнул его в Большие Бугры. Только не говори, что это моя работа. Он тщеславный- халяву не любит. Возвращайся, Юрок, в дом, а я линияю. Колись, добивайся «МОРЖЕВАНИЯ» и знаешь чего: ты пока ничего не говори Мордуху Нахимовичу, кем ты ему приходишься. Я совсем забыл: в медицинском обществе не фартово делать операции своим родным и близким. После операции усыновишься, я замолвлю словечко, а заодно и Аннушка. Помчусь - сотру с планшетов улики, - почти протрезвел Васюган.

На наше голосование - вместо легковушки у ворот полисада затормозил самосвал.

- Друг, выручай!- оттащил я Васюгана от ветрового стекла. - Отвези моего друга, куда он скажет.

Шофёр понимающе заулыбался.

- Баба запилила? Не хуже моей. Влазь!

Я затолкал Васюгана в кабину и бесшумно закрыл дверцу.

Шофёр лихо выжал сцепление, и самосвал рванулся с места, завалив Васюгана с сидения на дно кабины.

Это спасло меня от расспросов подоспевшего Михаила Нахимовича. Он успел переодеться, и его белый костюм сверкал на солнце.

- Какой-то шофер адрес перепутал, - для конспирации приврал я, спрашивал дорогу в университет.

- И ты объяснил?

- Ага, - продолжил я лгать.

Михаил Нахимович понимающе кивнул, а мои щёки, наверняка, покраснели.

Мы пошли по тропке к дому. Я испугался, что уже вот оно крыльцо, а я ещё не решился на откровенный разговор, поэтому принялся шагать почти приставным шагом. Михаил Нахимович заложил руки за спину и, чтобы не обогнать меня, тоже замедлил шаг.

- Ты хотел пошептаться со мной с глазу на глаз, - положил он мне руку на плечо. - Самое время исповедаться: у кого чего болит? Хочешь, начну я со своей мишпохи? У нас такой обычай: кто в первый раз явился на ШАБАТ, тому - все про всё.

Я обрадовался, потому что не знал, с чего начать.

- Вот, например, у меня после дурацкой словесной дуэли с отцом душа не на месте. Кто с отцом спорит, тот ничего не стоит. Тем более, мой отец практически самообразованием прошёл путь от детдомовца до профессора. Когда получал паспорт, его современный опричник отговаривал от фамилии Нахимов. Ты, мол, своим иудейским носом фамилию великого русского полководца, только испоганишь. А отца с метрикой на ноге подбросили в детский дом. Он ни в какую:

пишите, как мама в метрике записала, Нахим Наумович Нахимов. Наоборот хорошо; мол, русская фамилия Нахимов от иудейского имени Нахим. Нерушимое братство народов. Ему это потом припомнили на допросах по сталинскому «делу врачей».

- А мне Ента Яковлевна про вашего первопредка Нахимова рассказывала.

- Ты её рассказы просеивай. Мама моя - это Шолом -Алейхем в юбке. Чего взбрѣдет в голову, то и зафиксирует, а потом сама поверит и всем открывает глаза, как на архивные раскопки. А с другой стороны у нас во всеядной России, чего не нафантазируй, то или уже сбылось, или наверняка сбудется. Баба Ента с дедом Нахимом из одного диссидентского полка. Отец мотал срок за личное, по анонимке, она – за общее, по тексту в центральной прессе. А по случаю, Баба Ента отбывала срок в одной камере с какой-то известной антисоветчицей-литераторшей. Та и рассказала ей свою историю: мол, страдает за роман о мишпохе Нахимовых. Баба Ента всё приняла за чистую монету. Вот теперь сама чего-то ежедневно пишет «в стол»: какие-то «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АНТИМЕМУАРЫ». Правда, ни один ещё её подстольный опус людям глаза не открыл. Вопрос - почему «антимемуары»? А чёрт их знает?! Скорее всего, потому что мемуары не о самой Енте Яковлевне. А главное, наверное, потому что «мемуары» - украшательство всего и вся, а у мамыши - фольклор: архивные раскопки и домыслы, в основном, пессимистические и семитские. А может, она задумала всех подурочить? Баба Ента – великая, как она себя называет, «САТИРИЧКА, ЖИВУЩАЯ В ШУТНИКОВЫЙ ПЕРИОД».

- Михаил Нахимович,- подал я голос, - а поссорились-то вы с НАХИМОМ НАУМОВИЧМ из-за какой такой генетики? - неожиданно обнаглел я от любопытства.

- Понял, откуда ты взял слово «генетика»? Слушай, было такое дело. Я в пылу взаимных упрѣков брякнул, что, мол, адмирал Нахимов, как многие великие мореплаватели, вряд ли имел потомство, а дед меня уел: «Адмиралу было возможно не до сук, но им лестно знакомство со знаменитым капитаном, а твоим, Мордух, сукам – не до твоих детей». А я психанул и припомнил ему: «Ты обрѣк меня на бездетность. Зачем ты сделал аборт моей супруге Розалии?». А дед - в оправдание: «Твоя Розочка побожилась, что зачала ребёнка не от тебя». «А от кого?»- спрашиваю. «Она не сказала!» - отвечает. Не сказала от кого, говорю, значит от тебя, больше не от кого. После того разговора мы и цедим слова сквозь зубы. А тебе я, знаешь, почему исповедуюсь?

Михаил Нахимович вдруг расхохотался.

- Потому что по случаю шабата, моя аспирантка Аннушка устроила мне после ночного вызова на срочную операцию предрассветный «лехаим», чтобы Ента Яковлевна зря не обозвала меня «ИУДЕЙСКИМ ПЬЯНИЦЕЙ».

Я спохватился.

- Чуть не забыл, Михаил Нахимович. Васюган просил передать вам, что протолкнул Вас в «высокое жюри или президиум» научной конференции по нано-технологиям.

- Это он только что забегал? Почему он сам мне не сказал? - почему-то нахмурился Михаил Нахимович. - Что за манера – всё чужими руками? Закладывать Васюгана не хотелось. Я вспомнил мамины кривые ухмылки: «Русские, даже по пьянке, никогда не ябедничают, а наоборот, специально надираются до шортиков, чтобы сказать правду-матку в глаза».

Поэтому я промолчал. Михаил Нахимович стиснул челюсти.

- А, вообще-то, Васюган мог бы зайти на шабат: залез в душу – уважай и слушай.

Я опять промолчал, потому что не понял: кто кому залез в душу. Васюган во

время нашей поездки после бутылки «вокзальных чернил» трепался, что Михаил Нахимович предлагал его официально усыновить, да тётя Зина ни в какую: побоялась потерять льготы за опеку.

Поэтому я дипломатично повернул разговор в другой фарватер.

- Васюгана не поймёшь. Он замучился самоутверждаться: считает себя обделённым, обиженным.

- Чем же он обижен, кроме своих выкрутас?

- Нацией.

- А мне говорил, что гордится. - Михаил Нахимович прищурился. -А ты, Юрий?

- Чего мне – русскому? Я наоборот, Васюгану, пытаюсь внушить, что у нас все нации равны.

- Как это ты ему внушаешь?

- Да вот, хоть, к примеру, сейчас, на конференции по нано-технологиям. Васюган уверен, что его работам не дают ход, потому что он еврей. Правда, это было ещё до отмены пятой графы. Но вроде, его и сейчас заставили записать нацию в какую-то особую анкету.

- Неужели правда? - остановился Михаил Нахимович.

- Поклялся. Правда. На этот раз Васюгана не должны затереть.

- Уверен?

- Железно. Работа почти принята к публикации. Правда, предстоит внести мелкие коррективы, но это исправимо даже по интернету.

* * *

Я нарочно муссировал национальный вопрос, потому что не очень-то понимал суть маминого странного прозрения. Мама эмоциями жила. Мне не понять, зачем она все мои школьные годы скрывала от меня тайны отцовской биографии? Наверняка была веская причина. Наверное, побоялась испортить мне карьеру или, не дай Бог, нанести психологическую травму? Рассудила по-своему, по-великорусски: пусть лучше сын растёт совсем без отца, чем с отцом – не титульной нации?! В стране сорока одной революции всё меняется со скоростью смены власти! Когда мама заполняла мою метрику, графа «национальность» была определяющей всё и вся. Может, из соображений перестраховки она исправила в фамилии отца букву «Х» на букву «К»? Недаром любимой маминной поговоркой была неопределённая: «Всё может быть, но всё быть может».

Михаил Нахимович неопределённо покачал головой.

- Теперь твоя очередь исповедоваться: зачем ты меня разыскивал?

Я не знал, с чего начать? Не хотелось сразу показаться дураком, поэтому я начал с главной, по моей мысли, причины - с маминной недиагностируемой болезнью.

- Если как на духу, то моей маме в нашей поликлинике поставили не диагностируемый диагноз. Ей советовали ехать в Москву, а она ни в какую. Бог дал, Бог и возьмёт. НЕТ, мол, НИЧЕГО СЛУЧАЙНЕЕ СЛУЧАЙНОГО СЛУЧАЯ. А тут как раз Васюган отбыл «срок», хвалился всем пришитой вами ногой, и мы стали маме советовать ехать к вам, нет, мол, хирурга лучше. Она почему-то, тем более, ни в какую. Тогда Васюган меня надоумил, и я поставил маме условие: «Не обратишься к столичным врачам, и я, тем более, не обращусь к сибирскому хирургу». И мама вдруг передумала. Ладно, говорит, ты, сын едешь к Васюганову хирургу, а я – в Москву. А тут как раз – конференция в вашем городке, и вот я здесь.

- Мама тебя не держит за взрослого?- усмехнулся Михаил Нахимович.

- Моей мамой не покомандуешь, - с отчаянием ответил я.
Из раскрытого окошка столовой послышался надрывный крик бабы Енты.
- Где вы там застряли, мишугинэ? Шабатский «а фиш» остывает.
Михаил Нахимович поморщился и заткнул ухо пальцем.
- Ты меня искал, именно, как хирурга? Говори, по какому поводу?
- Михаил Нахимович,- сказал я. - У меня такое дело, только не знаю, как объяснить.
- Объясни как сумеешь - я пойму.
- Мама сказала, что у меня там (я показал на ширинку), то же самое, из-за чего её подруга рассталась со своей «первой скрипкой», да так и прожила «брошенной - непрошенной».
- Ты свои мужские проблемы обсуждаешь с мамой? - удивился знаменитый хирург.
- Больше не с кем: отец мой не вернулся с полёта. Ещё с другом Васюганом - он и навёл на вас.
- А можешь чуть поконкретнее?
- Могу, всё банально. С одной подругой у меня ничего не получилось, - смутился я и, подумав, добавил. - Ну, по мужской части. Грубо говоря, туда не попал.
- Тяжёлый случай, - понимающе покачал головой Михаил Нахимович. - А как отреагировала твоя подруга?
- Прочитала мораль. Лучше бы ты, Юрий, занимался спортом на свежем воздухе, чем компьютером - в своём затхлом подвале. Хотя бы заморжуйся, как Васюган «на зоне», а то никто за тебя замуж не выйдет.
- Спросил бы у неё, что это за «моржевание» учинили твоему Васюгану на зоне?
- Мне Васюган и без неё объяснил. Моржевание – это что-то вроде пломбирования.
- А может дело не в тебе, Юрий, - нагнал на лоб морщины Михаил Нахимович. - А в твоей подруге?
- В ней? - я распахнул рот шире ворот.
- Может, у твоей Мань-Мани, например, патологическая девственность? А она сама ничего в этом не понимает.
- Васюган говорил: ничего особенно патологического, - отмахнулся я. - Всё как у всех.
- С твоими познаниями в медицине всё ясно,- покачал головой Михаил Нахимович. - Считаю, Юрий, тебе подфартило. Я как раз кропаю докторскую по теме «сексopatология». Короче, я тебя положу на обследование, а пока - пойдём в дом – шабат зовёт!
Мы шагали медленно, обрывая по пути единичные вишенки, и Михаил Нахимович философствовал:
- Создатель с созданием человека явно перемудрил. Столько лет медицине, а нано- хирургия практически в зачаточном состоянии. Вся надежда на вас с Васюганом, если не погрязнете в личном счастье. Подумать только, - какой-то крошечный прокол в генетике, несоблюдение геометрических пропорций, и вся многотысячелетняя соитийная жизнь индивидуума – на смарку. И что остаётся? Попытаться словом и биополем исправить, на авось, помарку природы. А тут, как не хорохорься, время уходит, силы улетучиваются, мозги сохнут, мужская твердь слабеет и, на поверку, получается парадокс. Понял какой? А такой - я, признанный среди коллег хирург от Бога, практически оказался последним Нахимовым. А задача состоит в том, чтобы сохранить мишпоху и преумножить наследственные дарования. Какие – говорить не буду, но сама жизнь подсказывает: среди потомков много светлых индивидуальностей было, есть, а

вот будет ли – вопрос? Разветвлённое древо Нахимовых крепко творческими личностями, честными работниками, администраторами, патриотами, воинами, но, где они - наследники? На меня была вся надежда. А я не оправдал доверия. На мужской пол проруха: мальчики - одни самозванцы, а дочь, девочка, не продолжательница рода. Не поверишь, но, борясь со своим комплексом «пролонгированного коитуса», я превратился в охотника за всеми, кто позволял себя догнать. И на финишной прямой ни судей, ни зрителей!? У меня от гражданских соитий, наверняка, народились наследники, о которых я понятия не имею. И это наказание мне за то, что влюблял в себя девушек скромных, красивых, добрых, послушных и, преимущественно, русских. И все они, сдаётся мне, меня любили, хотя, кто познает женскую душу, - упустит физическое тело! Вот я как-то надумал перед надвигающейся немощью разыскать своих наследников и, как говорится, помочь им, чем смогу – деньгами, словами, медициной. Я уж и РАВВИНА ПОДКЛЮЧАЛ, и СВЯЩЕННИКА, и МУЛЛУ, и телевизионщиков. Прячутся от меня зазнобы моей молодости. Некоторые, наверное, даже не сказали обо мне моим потомкам, другие наплевали на алименты. А может, мои сожительницы виртуально схоронили меня, чтобы дети не задавали лишних вопросов. Тебе, кстати, мать чего сказала на дорожку? Сказала: «Ты, Юрий, почти вылитый отец! Просто ужас»!

- Почему «ужас»?

- Потому что, мол, стала я, Юрий, бояться тебя.

- В каком смысле?

Говорит: «Юрий, я стала бояться согрешить с тобой: хуже греха не придумаешь».

- Чревато! А ты хоть раз видел своего отца?

- Где же? Мама говорила: «Смотри в зеркало и заруби на своём носу: «твой отец, как Экзюпери, не вернулся с полёта и не вернётся».

- Ты даже на фото отца не видел?

- Мама уничтожила все фотографии. У нас даже нет фотографий бабушек-дедушек.

Михаил Нахимович похлопал меня по плечу.

- Чего хорошего в фото? Видеть бывших - одно расстройство.

Из дома раздались крики из разных комнат. В открытые окна поочерёдно вылетали фразы предков Нахимовых. Мы вошли и застыли у стола.

- Ента! Дай ему денег и попроси сходить в магазин, купить какой-нибудь «лехаим». Как бы не хватило! – кричал Нахим Моисеевич.

- А где деньги, Нахимчик? - кричала баба Ента.

- Ты не знаешь, где деньги?

- Представь себе – не знаю. Ты их каждый раз перепрятываешь.

- Побойся Создателя! Я перепрятываю? Я не перепрятываю – я забываю, куда положил. Посмотри, где всегда, в шкатулке.

- Я смотрела. Шкатулка – «бар», деньги - «ёк»!

- Значит, их разобрали в долг мои аспиранты. Они жаловались: им задержали стипендию. Пошарь в моём портфеле, там должен быть гонорар за книгу «Диетическое питание пожилых». Я всё забываю вручить деньги тебе.

- Ты их, наверное, давно вручил какой-нибудь непожилой, кто не нуждается в диете, - рассмеялась баба Ента, - портфель пуст, как винная полка нашего холодильника.

- Ты всё ещё не нашла деньги?- после паузы выкрикнул Нахим Наумович.

- Успокойся, - отозвалась баба Ента, - нашла.

- Тогда почему ты отвечаешь таким недобрым тоном?

- Потому что это не деньги: их хватит только кошке хвост завязать или коту

пестик.

- Ах да, вспомнил, Енточка. Я поделился с этим нищим Алямсом, который вечно сидит у входа в институт.

- Нахимчик, это уже даже не смешно. Сколько можно подавать милостыню этому бомжу? Сколько раз я тебе говорила: скажи ему, что у тебя тоже нет денег.

- Представь себе, Енточка, на этот раз я последовал твоему умному совету, и знаешь, что Алямс мне на это отвечает? Он заёрзал на своей подстилке и страшно удивился: «Как, профессор, у тебя тоже нет денег?» Я вывернул пустой карман: «Нет»! Тогда Алямс подвинулся и сказал: «Профессор, садись рядом»!

Михаил Нахимович побросал в карманы маковые булочки и подтолкнул меня к выходу.

- Мама, мы взяли перекус на дорожку! - крикнул он, сойдя с порога. - Мы с Юрием слетаем в мою клинику, а на обратном пути забежим за «лехаимом». Уточни, чего конкретно купить?

- Ничего не покупайте. Без «лехаима» обойдётся! - выкрикнула из окошка баба Ента. - Лучше расскажи Юрию чего-нибудь хорошее о нашей мишпохе. Скажи, что у нас собран достаточный материал об адмирале Нахимове. Кто знает, может быть из Юрия получится какой-нибудь Шолохом-Алейхем? Я знаю? Может, он захочет написать с серии «ЖЗЛ» развёрнутую правду о мишпохе Нахимовых?

- Побойся Создателя, мама, и проглоти пилюлю от головной боли. Смеёшься? В России - о мишпохе?! - повысил голос Михаил Нахимович. - Подумай, мама! Кто прочитает об отце НАХИМЕ, кроме редакторов из «органов»?

- А что? Ты считаешь, в органах мало толерантных мужчин? Я где-то читала, что даже наш президент вовсе даже не антисемит?!

- Я не стану морочить Юрию голову. Пусть занимается своими нано-технологиями. А о праотце Нахиме и его мишпохе сочиняй сама.

- Я сочиняй! Интересное дело! - выбросила руку из окна баба Ента. - Когда мне сочинять? У меня что - семь пядей во лбу! У меня, как у всех женщин, две извилины, и обе – не в голове. От этих взрослых деток надо иметь я не знаю что?! У меня уже, кажется, кончился ресурс терпения. Всю жизнь страдаю, потому что я, сколько себя помню, всегда была женщиной, а не гражданочкой. И Нахимчик, слава Создателю, до сих пор всегда мужчина, а не облако в штанах! Правда, только когда ему это выгодно.

От выкриков Бабы Енты дребезжали стёкла, но она, видимо, напала на любимую тему.

- Женщина может всегда, даже если она не может, а мужчина, даже если он может, не всегда может! Я знаю? Мужчины хотят только одного: облегчать себе жизнь с помощью нас, женщин. О, Создатель! Преврати мужчин в женщин, хоть на сутки, чтобы они поняли, какие они подлецы.

Мы вышли за калитку. Я остановился, чтобы дослушать дебаты старичков.

Мордух крикнул «Догоняй», но остановился в двух шагах от меня.

- А главное, ты, Юрий, попомни мои слова, - продолжала выкрикивать баба Ента, - ни под каким видом, не старайся за счёт других, облегчить свою личную жизнь, Будь яблоком, которое упало далеко от дерева, подарившего ему жизнь.Пусти в этой жизни свои, пусть корявые, корни, но не цепляйся за крону: останешься пустоцветом и, самое обидное, тебя просто сожрут.

- Чего ты орёшь? - перекричал её Нахимчик. - Они с Юрием уже тебя не слышат.

- Может, я сама для себя кричу, - ответила смешком баба Ента. - Разве я сказала какую-нибудь глупость?

- Избави Бог, - отозвался Нахимчик. - Глупость – это моя прерогатива. Ты у нас всегда глаголишь только библейские истины.

- Увы, мой заслуженный деятель, придётся тебе ещё немного меня потерпеть: уж какая есть, а пока - объешься груш. Я теперь, говоря словами поэта, твоя «единственная пассия», которой ты уже не изменишь, как в бытность доцентом. В старости-то жена больше нужна, чем в молодости. Ты уже без меня и кошке хвост завязать не сможешь.

- Была бы кошка, да пестик – с ножку! - неожиданно громким смехом отозвался Нахим Наумович.

* * *

Я почувствовал как цепкая рука Михаила Нахимовича дернула меня за рубашку, и мы зашли в какое-то полутёмное деревянное строение у самого забора: то ли баню, то ли кладовку, то ли беседку. Михаил Нахимович щёлкнул выключателем, и стало светлее, чем снаружи. В беседке, кроме протёртого кожаного диванчика, ничего не было, даже столика. Хирург жестом предложил мне приспустить штаны и прошёл сквозь узкую портьеру: я услышал всплески воды. Михаил Нахимович вернулся, вытирая руки бумажным полотенцем.

- Приготовься, как допризывник на медицинском осмотре в военкомате.

- Я повиновался.

- Заглянем в колодец, - присел передо мной на корточки Михаил Нахимович. Он даже не стал меня ощупывать, а только вздохнул.

- Наряжайся.

Потом мы сели рядом на тахту.

- Ты, Юрий, спеши облегчить свою жизнь.

Я прикусил губу.

- Кто тебе надоумил «заморжеваться»? Только не темни.

- А я сроду не темнил. Посоветовали двое: Мать-Мань и Васюган.

- А мама что сказала?

- Посоветуйся с хирургом, если удастся – лично с вами.

- Михаил Нахимович опять нырнул за портьеру и оттуда сказал:

- Какие-то странные у тебя советчики. Чуть что – сразу облегчать себе жизнь.

Позиция недоумков: чуть что - в омут или в операционную. Операционное облегчение, Юрий, - последнее дело, если оно не необходимо, конечно.

Насколько я помню и знаю, никто из мишпохи Нахимовых не стремился к беспроблемной жизни. Жизнь, в юности, должно принимать, какой она тебе ниспослана Создателем. У взрослых свои сшибки. Учись, Юрий, на своих ошибках – на чужих скучно. Рассуди сам, если бы я не ошибался, разве смог бы я стать хирургом - андрологом - гинекологом?! Живи мужским умом и поступай, как тебе подсказывают твои мужские гормоны, не иди на поводу, даже у колдуний своих вещих снов, пусть даже у них под одеждой молочные ноги и кисельные руки.

- От отодвинул рукав и я увидел наручные часы, по задумке, форме и фантазии напоминающие «жидкие часы» Сальвадора Дали. Михаил Нахимович повернул рычажок, и они пропели мелодию «МОЙ ЛИЗОЧЕК».

- Часы - подарок европейского медицинского сообщества за операцию по пришиванию, как я её называю, «муде к бороде».

Он явно хотел меня рассмешить, и это ему удалось.

- А если серьёзно, то я восстановил молодому мужчине детородный орган, который откусила его жена, но не от избытка чувств, а от их недостатка.

- Он опять зашёл за занавеску, и я услышал шум непрерывной струи.

- Так вот, Юрий, по мужской части у тебя, на первый взгляд, всё в порядке. Но первый взгляд самый несовершенный. Всё врёт про любовь с первого взгляда.

Любовь с первого взгляда - это выстрел дури, с одной стороны, и капкан, с другой.

Я попросился за штору. Михаил Нахимович перехватил мой насыщенный взгляд и сделал разрешающий жест.

- Таких часов нет ни у кого в мире, - услышал я через штору. - Их сотворил в единственном экземпляре мой дед по материнской мишпохе, царство ему небесное, в чванливой, пропади она пропадом, зажавшейся Америке. Дед приезжал на закате советской власти и подарил мне часы в день защиты кандидатской диссертации. Сейчас у меня на выходе докторская. Если мой Нахим Наумович и иже с ним не забросают меня чёрными шарами, я скоро защищусь. А дед по линии Енты Яковлевны так и не прижился ни в какой загранице, потому что, по сути, он был исконно русским евреем. Знаешь, что я имею в виду под этим сравнением? А вернее, не я – эта истина общеизвестна. Хочу и тебя просветить. Каждая нация: существительное, тот же англичанин, бразилец или немец, да тот же еврей - существительное. Только «русский» - прилагательное. И отвечает не на вопрос «КТО», а на вопрос «КАКОЙ?» Посему, кто родился и прожил среди русских, проникнут русским общинным духом качества: какой ты хороший или плохой, чёрножопый или белозадый, добрый или злой, короче, щедрый или жадный? И если существует русская зависть, то только зависть к доброте души человеческой. Все люди, почти всех прочих наций, принадлежат каждый собственному «ЭГО» и думают думают только о своей «ТОХЕС». А русский не чурается всех, принадлежащих России. Другой такой страны для кантонистов и прочих изгоев нет и не будет никогда на земле. Поэтому все на Россию и зарятся: хотят её, пытаются изнасиловать, посягают на неё, завидуют ей, мечтают поссорить с живущими на её земле национальностями - изгоями. Одним словом, пыжаты сжить со света. Но это вряд ли кому удастся. Злом православный народ не задушишь, не убьёшь. Но как же трудно оценить своё поведение по меркам библейских заповедей и, тем более, заповедей иудейской Торы? Много проще - думать и заботиться о собственной «тохес», то есть заднице.

- Вы только не сердитесь на меня за моё неожиданное вторжение в вашу мишпоху, сказал я, чтобы Михаил Нахимович не подумал чего плохого, и удивился: так помрачнело его лицо. - Просто подвернулась командировка на конференцию, и маму надо было уговорить поехать в Москву.

Михаил Нахимович протрубил надутыми щеками неизвестную мне мелодию.

- Я всё думаю, как тебе лучше помочь. Сдаётся мне, что ты обращался со своей Мань-Маней, как полуненормативно будь сказано, как с матёрой новорожденной!

- Заморжьте меня, ради Создателя, и всё будет, как надо.

- Мне представляется, ты, Юрий, просто с перепугу ПРОМАХНУЛСЯ.

- Как это я промахнулся, если кровь была моя?

- Как тебе сказал, что твоя?

- Видел собственными глазами. Кровь хлестала из меня, а из Мань -Мани только слёзы.

- Кровушка она, у русских и евреев, у девственников и недорослей, у тебя, блондина, и брюнетки Мань-Мани (я удивился, откуда он знает, какого цвета волосы у моей Мань-Мани), одного и того же цвета, и при соитии появляется из одного и того же места. Ты просто промазал, Юрий: кровь была общей. И вообще, Юрий, ты меня озадачил. Больше двадцати лет, без малого, оперирую, а операцию по «моржеванию» сроду не делал. Убей, даже не представляю, что, конкретно, моржуют и, главное, как?

- Да сделайте, – я показал на свой гультфик, - как у Васюгана.

- У Васюгана – зэковское компрачикосское издевательство. Если это

«моржевание», то я за это не возьмусь.

- Ничего не издевательство! Васюган на девках проверял, говорил, все хвалят. Другое дело, там самодельщина из подручных материалов, а вы уж подберёте чего-нибудь более благородное.

- Ладно, будем, как говорится, мозговать, - пробурчал Михаил Нахимович, - потому что ты практически здоров, как допризывник. Тебе, голубчик, не заморжёвываться надо, - он с шумом протрубил через кулак мелодию «Марсельезы», - а найти подходящую моржиху.

- Вы не поняли, у меня чего-то не так, когда я, как на медосмотре в военкомате, с глазу на глаз с Мань-Маней.

- Где уж мне понять?! - усмехнулся хирург. - Не учи отца сношаться! У тебя всё через чур так.

- А какую же мне надо моржиху?

Михаил Нахимович протрубил марш «Прощание славянки».

Я не знал, как реагировать, поэтому просто сложил руки, как мусульманин при молитве и нарочито гротескно опустил на колени.

- Вы не сомневайтесь, Михаил Нахимович, деньги я найду.

- Он найдёт!- недовольно фыркнул классный хирург. - Чтобы найти деньги, надо, чтобы кто-то их потерял.

- Мы с Васюганом дорогой всё обмозговали: ехали на третьих полках общего вагона, сэкономили на билетах, набрали с собой сало и сухарей, заначили суточные и квартирные. А не хватит на операцию, пойдём по трамваям с песнями Высоцкого, собираем. Васюган и гитару с собой захватил. Поёт под Высоцкого лучше того самого: лауреат студенческой бардовской песни, хоть и не студент ещё.

- Я потом скажу, с кем тебе надо будет рассчитаться, - угрюмо заметил Михаил Нахимович.

- И главное, Михаил Нахимович. Нельзя ли, чтобы вы лично заморжевали меня, потому что у вас золотые руки?

- Если ещё не знаешь, то знай: есть у хирургов такая профессиональная примета - родных и близких не оперировать.

- Но мы-то с вами не близкие и, тем более, не родные, - возразил я.

- Родственную связь может доказать только генетический анализ, - почему-то усмехнулся Михаил Нахимович. - Возможно, есть в наших с тобой геномах то, что нас сшивает черно-белыми нитками, но «на живую», а это значит – на время общения. Так-то.

Он похлопал меня по плечу и продолжил проповедь.

- Шутка! Но в каждой шутке доля секса. Без секса только юношеские угри делают карьеру. Последние научные изыски, если они не авантюрные, показали, что все земляне произошли от одного единого генома. А потом расплозились, разбрелись потомки древнего «ГЕНОМА» по планете, сбросили волосяной покров, прихорошились разными цветами кожи, наполнились кровью различной реологии (по-просту «текучести»), заголосили на разных языках, наизобретали различные орудия уничтожения и, главное, вместо «дружбы в любви» стали пропагандировать «вражду в ненависти». А всё потому, что Создателем задумана тотальная нехватка всего и вся: кому - еды, кому – воды, кому – власти, кому - страсти, кому - силы, и всем ежечасно - соитийных игрищ. Грубо говоря, зачесались у геномов кулаки, опустошились желудки, задубели мозги, набрякли детородные органы. С ростом людского поголовья у каждого рода- племени появился свой вождь. Вожди были разные. И народы появились разношёрстные: которые посмышлнее, которые потрудлюбивее, которые поплодовитее, и самые продвинутые – которые поадаптированнее. Понял – о ком я?

- Не совсем, - откровенно ответил я.

- Славянская простота! - одобрительно выставил пятерню Михаил Нахимович. - Отца не нашёл - в маму пошёл?!

- Я кивнул. Потому что почуял, как остатки «лехаима» расплавляют мозги хирурга в соответствии с маминым присловьем: еврейский пьяница с полурюмки валится! А Михаил Нахимович продолжал отрезвляться пламенными речами.

- Только Создатель знает, насколько кто кому генетический родственник. Это я тебе как геронтолог- гинеколог внушаю! Но Создатель не священник, не раввин, не мулла, не лама: он проповедует на языке, неслышимом мирянам. И только через мужское семя, подсказывает каждому - всякому, скольким количеством детворы он должен обогатить свою мишпоху.

- И скольким? - не сдержал я любопытства.

- Скольким? Скольким получится!- выразительно вздёрнул брови Михаил Нахимович. - Я, например, до сих пор не в курсе, на сколько людей моё молодое семя увеличило мишпоху Нахимовых. Хочется думать: не меньше, чем на футбольную команду на пару с балетной труппой. Но на данный отрезок времени наскреблась только парочка-другая и то почти виртуально. Но я живу в надежде, что со временем объявятся и остальные.

- Почему?

- Потому что я стал популярным врачевателем, обо мне пишут и говорят, мне внимают! Меня даже показывали по телевизору. У меня появились новые возможности. Прекрасный пол легко западает на варварский пол, когда последний даёт о себе знать любыми публичными способами. А ты, Юрий, скажи, как на духу: ты хотел бы, к примеру, чтобы у тебя был такой отец, как я?

- Я на всякий случай, поспешил отрицательно замотать головой, а то отец сына сроду не прооперирует.

- Нет, уже не хотел бы, - и с моего языка сорвалась Васюганова пошлятина: - Хороша ложка - к обеду, а «кондом» - к сексу.

- Кто это тебе сказал? - икнул Михаил Нахимович.- Неужели мама?

- Нет, мама со мной на такие темы не откровенничает. С подружками - откровенничает: говорит, они облегчают ей жизнь.

- Я уж чую, каким завистливым образом они облегчают жизнь твоей маме. Добрая она?

- Она даже называет сама себя «простодырой».

- Тяжело ей с тобой, - кивнул Михаил Нахимович.

- А вы как думает? Это только всяким старым девам и юным корягам просто без «мужской части»: натянули на свои мужские седалища брюки - и с головой в политику. А одиночкам, кто без мужчин не может, кроме подушки и уткнуться некуда. Тем более, когда дети подрастают, а квартира - комната в полуподвальном цокольном этаже школы.

Михаил Нахимович поджал губы и некоторое время молчал, глядя в небо. Потом морщины на его лице разгладились.

- Слушай, Юрий, что тебе надо будет сотворить. Я ещё толком не усёк, что тебя угнетает в процессе взросления, но почему-то мне хочется тебе помочь. Сделаем так. Ты откуда -нибудь, хоть с улицы, позвонишь в «Скорую помощь» и скажешь, что с тобой случилось что-то экстра-ординарное. «Скорая» привезёт тебя в приёмный покой моей больницы: она как раз сегодня дежурная. А я накажу, кому нужно, чтобы срочно вызвали меня. И заварим медицинскую кашу!

- А что со мной может случиться экстраординарное? - попытался уточнить я.

- Да что угодно: тебя могут встретить бандиты, изнасиловать зэчки, отравить в общепите, или ты вдруг поскользнулся на ровном месте, подрался из-за невесты,

навредил сам себе! Жизнь непредсказуема, а ЧЕЛОВЕК, ВООБЩЕ, ЖИВЁТ ВО ВРЕД СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

- Михаил Нахимович немного помолчал и воздел к небу палец.

- Но «Скорая» - только после шабата. Тёмные дела надо делать засветло, после хорошего обеда и приятной беседы с умными людьми. - Ладно, Юрий, пойдём обратно в дом, - похлопал меня по плечу Михаил Нахимович. - Шабат – дело мишпохальное! Мишпоха тем и хороша: что кормит- поит без гроша.

* * *

Увидев нас, баба Ента хлопнула в ладоши.

- Хватит бить баклуши, лоботрясы, а домработница отпросилась и оставила меня- один на один с курниками.

Я отправился на кухню помогать бабе Енте, а Михаил Нахимович развалился в кресле. Неожиданно бабулька с ловкостью факира сунула руку сперва в недра бюстгалтера, а потом - в карман моих брюк. Мою ногу легонько кольнуло – я удивился, достал это «что-то», разглядел и ещё больше удивился – это была обычная куриная ДУЖКА.

Баба Ента заговорчески приставила палец к углу губ и хитро улыбнулась.

- Пригодится, когда приспичит. Тебе же, я думаю, надо, чтобы было по твоему. А Мордусика можно заставить сделать не по его победой в игру, «Бери и помни», кстати, любимой всей нашей мишпохой.

- И для ещё большей конспирации закричала на меня:

- Кто же так орудует сковородником, ты же обожжёшься, торопыга!

- А где сковородник? - вытаращился я, и баба Ента, замахала на меня обеими руками.

- Ты же его держишь. - И сунула мне в руку пассатижи.

- Вынимай пироги.

* * *

Мысли вертелись в моей голове как шары в лохотроне. Я старался разгадать тонкий замысел Енты Яковлевны. Дужка колола бедро, но шары пробуксовывали. Дома в нашей с мамой повседневной пище куры были редкостью. И не потому, что маминой зарплаты и моих «премиальных» хватало только на вегетарианскую пищу: просто из-за маминого предубеждения - куры напоминали ей «беззащитных двуногих дур».

Михаил Нахимович попросил совместить завтрак с обедом, и мы с Бабой Ентёй забежали из кухни в столовую. Дужка оттопыривала брючный карман, и мне приходилась время от времени менять её расположение под строгим взглядом бабы Енты.

- Доставай, Юрий, свою «подкидную дужку», - перебирая между пальцами ложку с вилкой, прозорливо усмехнулся Михаил Нахимович. - Только сыграем в бери и помни на желание?! Твое желание в моих руках. Я у тебя выиграю, несмотря на сионистские происки бабы Енты. Я, вообще, чемпион «мишпохи» и синагоги по втиранию «дужки» в чужие руки.

- Какую «дужку»? - прикинулся я простофилей, но азарт переборол осторожность. - Я не знаю, как играть в «бери и помни».

- Однако название игры запомнил?! - погрозил мне котлетой на вилке Михаил Нахимович.

* * *

Я не прекращал удивляться. Явно семья принимала меня за кого-то инкогнито, которого ждали. Поэтому я чувствовал напряжение, но решил – раз пошла такая «лыхаимка – режь последний огурец!

- Огурчик передай, мамочка, - протянул руку через стол Нахим Наумович, и мне показалось, что он давно прочитал мои мысли.

- Юрий, - захрустел огурцом Михаил Нахимович, пригубив лехаим», - Мама не научила тебя, как играть в «Бери и помни»? Это же проще белой горячки: надо просто сломать куриную дужку на две части и ждать прокола соперника!

- Какого прокола? - продолжил я изображать невинность.

- Когда он возьмёт из твоих рук какой-либо предмет и от счастья забудет правило игры! - подыграл мне Михаил Нахимович. - К твоему сведению, Юрий, «Бери и помни» - самая распространённая еврейская народная игра после шахмат, - своеобразный еврейский покер. Смекалка, тактика и стратегия – основа победы. Игра в «дужку» проста и доступна, как вдова первогодка, если последняя не еврейка.

- Но я, во-первых, не еврей, а, во -вторых, кроме обмана, в чём смысл игры «бери и помни» ?

- Не обманывайся и выиграешь, - взяла слово баба Ента.- Смысл обычный, еврейский: лехаим, спорим, ломаем. А потом надо одурачить того, кто с тобой ломал эту дужку.

- Как?

- Не прикидывайся глупее, чем хочешь нам продемонстрировать, ты всё понял, если не понимал раньше нас, хмыкнула баба Ента. - «Дужка» - игра на внимание. Ты протягиваешь своему сопернику любой предмет и, как только он возьмёт его в руки, быстро говоришь: «Бери и помни»! И проигравший обязан исполнить любое твоё желание.

- Любое - любое? - переспросил я.

- Кроме лишения жизни, конечно! - подытожила баба Ента. - Но само собой, соперники до начала игры обговаривают свои желания.

- А если проигравший не возьмёт обломок дужки?

- Вот и надо сделать так, чтобы захотел и взял, - вытер рот Михаил Нахимович. - Дужку надо всучить любым ненасильственным способом. Например, ты спросишь меня: «Михаил Нахимович, тебе деньги без сдачи и отдачи нужны»? Я скажу: «Давай!» Ты сунешь в мою руку пачку банкнот - я от радости не успею сказать спасительное: «Беру и помню». Тут ты и заорёшь: «Бери и помни!»

- И вы должны будете исполнить загаданное мной желание?

- Точно. Даже, желательно в указанный тобой срок! Слабо со мной сыграть? Ломаем?!

- А не с вами тоже можно дужку сломать?

- С кем хочешь, хоть - с бабой Ентай. Но что с неё возьмёшь, кроме пенсии.

- Что за споры в Шабат? - шутливо замахнулась поварёшкой баба Ента. - Быстро налетайте на курники, не то они остынут и станут неаппетитными, и запивайте яблочным компотом.

- Юрий, ты не знал, что такое куриная дужка и как играть в «Бери и помни?!»- развеселился Михаил Нахимович.

- И чего в этом удивительного? Может быть, Юрий не знает и что такое курники? - подмигнула мне баба Ента, - У честного Нахима - душа без грима.

Я истолковал знак бабы Енты как команду: «Вперёд»! И не придумал ничего умнее, как поприбедняться.

- Я, вообще-то, не люблю игры «один на один». Проигрывать обидно, а выигрывать безжалостно. Мама всегда упрекала меня, что я – чемпион по

играм «сам с собой», и поэтому обвести меня вокруг пальца проще, чем институту.

Голова Мордуха медленно опустилась на сложенные в замок пальцы: неужели он продумывал, как похитрее всучить мне эту усохшую «дужку».

- Итак, Юрий, хватит «лехаим», давай «ломаем», и помни - это игра порядочных евреев. Проиграл – расплатись.

- Я готов.

- Загадывай своё желание.

- Загадал.

- Обнародуешь, чего хочешь в случае победы, или засекретишь?

- Чего там секретить? - почесал я затылок. - Если я выиграю, то вы, Михаил Нахимович, лично сделаете мне операцию по моржеванию.

- Вот так гость у нас – всем гостям гость: обнаглел, как Ермак в Сибири, ишь как раздухарился. Ещё неизвестно, какая предстоит операция, и есть ли в этом «моржевании» реальная необходимость, а он уже себе соломки подстелил, - улыбнулся Михаил Нахимович, но, помолчав, протянул руку для спора.

- Хорошо, Юрий. пусть будет по-твоему. Но если я выиграю, то уж извини: ни за какие коврижки не буду делать тебе это дурацкое моржевание.

- Это не по правилам, Мордусик, - замахала руками баба Ента, - ты должен загадать своё личное желание, а не отрицать желание противной стороны.

- Хорошо, - кивнул Михаил Нахимович. - Тогда если я выиграю, то потребую от Юрия просто исполнить моё желания. А уж какое – моё дело! Лады?

- Пусть, - возразил я, - может ещё я выиграю?

- Уж больно ты уверен в себе, Юрий, - покачала головой баба Ента. - На словах все мужики дон Хуаны, а на деле – Лепореллы.

- Когда-то надо начинать самоутверждаться, - вздёрнул я свой дарвиновско – толстовско - полунахимовский нос картошкой.

- И всё же, Мордусик, по неписаным правилам игры, ты должен сперва оговорить своё конкретное желание, - повысила голос баба Ента.

- Хорошо, мама, - хлопнул по столу Михаил Нахимович и съехал со стула, придав ногам почти горизонтальное положение. - Пусть будет по-твоему, а значит, справедливо. Объявляю, что ты, Юрий, обязан будешь сделать, если проиграешь. Слушай внимательно, и, если моё условие покажется тебе невыполнимым, заранее откажись, потому что я люблю играть на честность, так сказать, вкрутую, а не всмятку.

- Он откинул голову на спинку стула, прикрыл глаза и помолчал.

- Говори уже, не мытарь душу, - нарушила затянувшееся молчание баба Ента.

- Жду, что скажет наш отчаянный однофамилец? - булькнул через губу Михаил Нахимович, пусть согласится до того, как.

- От согласен, говори, - ответила за меня баба Ента.

- Я согласен, - твёрдым голосом подтвердил я и выпил пододвинутую мне рюмку Нахима Наумовича.

- Тогда объявляю! - поднялся со стула Михаил Нахимович, и как с трибуны, парадным голосом произнёс. - Юрий! Эх, Юрий, мне бы твои годы!

- Его годы его уже не устраивают, - во всеуслышание шепнул мне на ухо Нахим Наумович.

- Так вот! - призывным тоном продолжил Михаил Нахимыч. Если я выиграю, то ты, Юрий, набьёшь морду своему лучшему другу ВАСЮГАНУ.

Я чуть не подавился маслином. Баба Ента, вовремя хлопнула меня по спине.

- Мордусик, возьми свои мишугинские слова обратно. Чему ты учишь мальчишку? Ты сам, хоть раз за свою жизнь ударил человека по лицу.

- И очень жалею, что в своё время не ударил того, кого следовало бы. Пусть Юрий проявит себя как настоящий мужик.

- Настоящий мужик должен, по твоему, ни за что бить по морде своего лучшего друга Васюгана?

- У Юрия своя голова на плечах: не хочет – не будет со мной ломать дужку.

- Кто это - Васюган? - наклонил голову к бабе Енте Нахимчик.

- Тебе это вовсе не обязательно знать. Ты, слава Богу, не Вовси.

- Вовси, к твоему сведению, знал и позволял себе всё. Следователи, кстати, за это его уважали.

- Тебя они, слава Богу, тоже выгораживали, правда, не все.

- Баба Ента почему-то нахмурилась,

- Мордусик, постыдился бы выносить сор из избы чужими руками. Пусть твои взгляды на жизнь останутся между нами.

- Вах, вах, вах! Зачем - между нами? - с акцентом армянского анекдотчика отреагировал Михаил Нахимович! - Пусть понюхает весь кагал!

- Угомона на тебя нет, Мордусик?! Чего-нибудь да взбредёт в твою вдовецкую голову.

- Мамочка! Ты же сама всё время твердила: «Появился бы среди нас ШОЛОХОВ-АЛЕЙХЕМ, он такое бы написал о нашем народе».

- О каком народе?! - подал голос Нахим Наумович. - Сколько осталось в стране этого народа? Сколько не выехавших, не ассимилированных, не крещёных, не состоящих? Раз-два и обчёлся!

- Тут я с тобой не согласна, - отдёргнула тянущуюся за огурцом руку Ента Яковлевна. - Правду, Нахимчик, не мешает знать даже юдофобам. В недалёком будущем вся планета заговорят на одном языке...

- Надеюсь, не на иврите? - хмыкнул Михаил Нахимович.

- Циник, умолкни! - отмахнулась баба Ента. - И когда люди заговорят на одном языке, им совсем не помешает знать, как не надо жить во вражде и ненависти, а надо будет знать только, как надо - в любви и дружбе.

- И тогда они вместо всяких талмудов начнут читать твои антимемуаризмы?! - вдруг заразительно, до слезинки из глаза, засмеялся Нахим Наумович. - И будут учиться новым семейным идилиям на примере нашей полуиудейской - полуславянской мишпохи? Не смешите ёрника – нет еврея - дворника. Его настроение цепной реакцией прошло по сидящим за столом: сначала засмеялся Михаил Нахимович, потом я, а потом и сама Ента Яковлевна. Отсмеявшись, Михаил Нахимович потребовал вернуть на стол «лехаим».

- Твоё слово, товарищ МОРЖ,- повернулся ко мне с полной рюмкой Михаил Нахимович. - Ломаем дужку на моих условиях, или ты упадёшь в моих глазах «по мужской части». Ты побеждаешь – я тебя оперирую, я побеждаю - ты бьёшь по морде своего друга Васюгана.

- Пожалей мальчишку, - произнесла печальным тоном Ента Яковлевна. - Может этот Васюган сделал для Юрия только хорошее?

- А может я и хочу, чтобы он перестал делать для Юрия только хорошее. У всякого «хорошего» есть свои отягчающие обстоятельства.

- Отягчающими обстоятельствами, Юрий, - вытянул в мою сторону шею Нахим Наумович, - твой знаменитый хирург на слог «хе» называет, кого бы ты думал? Детей! Не больше – не меньше! Блудливому быку в своём стойле пресно, в чужом – тесно.

- Нахимчик, жуй-жуй, глотай уже! И ты, Юрий, не принимай все «подначки» за чистую монету: уж такая у нас «ржачливая» мишпоха.

- Ента Яковлевна, - выкрикнул я, потому что, назло всем, опять сделал «лехаим»,

- играем мы с Михаилом Нахимовичем, так что вы, пожалуйста, не жалеите меня.

Решается, если на то пошло, судьба любви иудейской дочери Мань-Мани и русского Вани - Юрия! Но не штаны же проиграю!

- Как знать, - отозвалась, по дороге на кухню, баба Ента, - иной раз лучше проиграть штаны, чем их содержимое.

- А это уже, баба Ента, дело двух играющих! - прикрикнул Михаил Нахимович. - Всё, Юрий, «лехаим», ломаем, играем, побеждаем. Лады?!

Дужка сломалась с треском.

- Так нечестно, - тут же объявил хирург, - у тебя остался длинный конец дужки, а у меня – короткий: плохая примета - давай меняться.

Я чуть было не попался на эту примитивную хитрость, но в тот самый момент, когда я уже протянул руку, чтобы взять короткий конец дужки, появилась баба Ента.

- Что за шум, а дужки нет? - вскрикнула она, и моя рука опустилась, не дотянув до рокового длинного конца дужки каких-то пару сантиметров.

- Сорвалось из-за тебя, мама, - опустил свою половинку дужки Михаил Нахимович, а то бы Юрий проиграл.

Он по-кошачьи зажмурился и потёр ладони.

Я дал себе слово быть внимательнее. А во-вторых, надо было ещё раз хорошенько продумать стратегию и тактику игры на победу. Я так ещё и не определился с самим собой: куда забросила меня судьба, кто я, и за кого меня принимает Нахимовская мишпоха, позволяя вольности и панибратство?

- Я уже решил, - повторив «лехаим», хлопнул в ладоши Михаил Нахимович. - Я предложу включить игру «Бери и помни» в Олимпийские игры. Как вы на это смотрите?

Он обвёл всех мутным заносчивым взглядом.

- Здорово! - одобрительно выкрикнул я. - Только, может, сначала в чемпионат России?

- Точно, - поддержал меня Михаил Нахимович, - чемпионат России по еврейской игре! А в Израиле пусть разыграют чемпионат по «кулачным боям».

- Не поняла. Чемпионат по игре в «дужку» какого уровня, - забеспокоилась баба Ента, чемпионат дома, двора, больницы, квартала? Я знаю? Города, страны, континента, мира?

- Синагоги, - буркнул набитым ртом Нахим Наумович.

- Ты же молчал?! - отмахнулась баба Ента. - Чего вдруг сумничал?

- Дурак не подскажет – умный не поймёт, - сверкнул глазами Нахим Наумович. - У него же недержание мысли! А ты до сих пор сомневалась, Ента? Стыдоба! Мать! И не знаешь талантов собственного сына- классного хирурга по «моржеванию» и «мышеванию».

Я под шумок не придумал ничего лучше, как сделать внеочередной «лехаим», после чего баба Ента убрала со стола не только спиртное, но и рюмки.

- А может я уже чемпион дома и всей больницы, да и всего города по игре в «дужку», - вдруг повысил голос Михаил Нахимович. - Может, я на «дужку» однажды душу живой женщины выиграл?

- Это какую же женщину он, интересно, выиграл? - вопросительно глянула на Нахимчика баба Ента. - Я знаю? Или ты знаешь? Или мы знаем?

- Обыграть женщину в «дужку?! Не представляю!- буркнул Нахим Наумович и остановил взгляд на, видимой только ему одному точке прошлого. - Возможно, он имеет в виду воображаемую женщину или женщину, поддавшуюся из корыстных соображений. Как по-другому, не знаю?!

Старожёны синхронно пожали плечами и баба Ента принялась накладывать в тарелку Нахимчика самые не подгорелые куски курника и всякие разносолы. А Нахим Наумович провожал её поварёшку вилкой и твердил.

- Будет, Енточка, будет – я столько не съем.

- Съешь! - убеждённо провозгласила Ента Яковлевна, и Нахим Наумович покорно кивнул.

Михаил Нахимович кисло улыбнулся, двумя пальцами взялся за ножку рюмки и завертел её вокруг оси.

- Спиртосодержащее, Юрий, - многозначительно произнёс он, - одно из трёх великих чудес света, изобретённых неизвестными гениями. Первое чудо – шахматы, второе – карты, третье – водка. Никто не знает, кто изобрёл первые два чуда, но все в мире знают, кто изобрёл сорокаградусную водку. Это Менделеев. На сорокаградусной водке он защитил докторскую диссертацию. У него была вот такая башка, (Михаил Нахимович показал, какая она большая). Известно, что жена у Менделеева была красавицей, может поэтому он всю дорогу ставил опыты по совершенствованию качества водки, лично на себе. Жаль, что в нашей мишпохе не было такого гения. И вообще, был ли Менделеев иудеем – доказать невозможно, и это естественно: только русский изобретательный ум мог придумать такой напиток. МЕНДЕЛЕЕВ – гений. Сорокаградусная водка – единственное всемирно - историческое открытие, в котором ещё не засветились иудеи. Почему? Потому что пить водку можно только тем, чей организм вырабатывает, хотя бы минимальное количество алкоголя и у кого самый длинный кишечник. У любого русского общая длина кишечника на метр длиннее, чем у самого прожорливого европейца. Поэтому русского похмелить - что еврея напоить. Большинство выпивающих людей - банальные бытовые пьяницы, к которым я себя тоже иногда отношу. Алкашам, в организмах которых не вырабатывается алкоголь, предельно трудно получать «чувство глубокого удовлетворения» от альтернативного центра радости, например, от упоения прекрасным полом, от увлечения профессиональным спортом, любительской рыбалкой, охотой, в крайнем случае, от омута творческой деятельности - от всех этих «хобби» в организме тоже вырабатывается алкоголь.

- А вам, латентным вундеркиндам, вообще, «лехаим» не полагается, - Михаил Нахимович махнул рукой и опрокинул со стола вилку. - Тем более, со взрослыми и, паче чаяния, с женщинами. Одно из трёх: или «лехаим», или женщина, или творчество. Мало, кто способен совместить несовместимое, - и то – по молодости. Я пытался стать одним из таких немногих - кишка тонка. И обиднее всего - никакого дохода?!

Раздался звонок в дверь, и Михаил Нахимович выбежал из комнаты, но почти тут же вернулся, потрясая телеграммой.

- От какой-то МА-МА?! Интересно, кто это? Скорее всего, от какой-нибудь неблагодарной пациентки. Или от благодарной?

- Михаил Нахимович, как веером, помахал нераспечатанным красочным бланком.

- Может, от супруги начальника колонии, мама? Уж не ждёт ли она от меня какого-нибудь Подвохушку?

- Язык твой поганый, Мордусик, - выкрикнула Ента Яковлевна.- Постеснялся бы Юрия!

- Мама, ты должна гордиться моей нахимовской потенцией!

Михаил Нахимович перекрестился, сдавлив кордонки телеграммы и заглянул внутрь, как в подзорную трубу.

- Интересное дело – телеграмма от Ма - Ма?! - приподнял он плечи до ушей. - А не тебе ли эта телеграмма, Юрий? Может быть от твоей Ма-Ма - от мамы? Или от твоей небожительницы Мань-Мани? Точно, Юрий? Как это я сразу не догадался - телеграмма тебе?!

Я выставил ладошку. Михаил Нахимович двумя пальчиками протянул мне

телеграмму, но когда я предусмотрительно буркнул «Беру и помню», его рука с бланком телеграммы разминулась с моей.

- Юрий, Юрий! Чем чёрт не шутит, когда ведьма спит?

* * *

Я как раз подумал о Мань-Мани, можно даже сказать, фантазировал, как вернусь во-свояси со своим лотерейным билетом, заморожёванным на соитийное счастье получше Васюгана! У девушки-то «лотерейка» всегда с собой, им проще: целуйся в розницу, сожительствуй оптом. Я даже не успел сообразить, откуда Мань-Мань могла узнать адрес Нахимовых, если меня самого только перехлестнувшие случайности занесли в дом к Нахимовым? Я даже забеспокоился: чего там у неё могло стрястись, не запаниковала ли она от моей первой капли крови? Я вдруг до боли в паху захотел глянуть в её протуберанцевые очи на фоне белого, как у всех рыжих, чела. Мне почему-то представилось, что её мама, Василиса Абрамовна, созвонилась с моей мамой и тут же погнала Мань-Маню на почту с наставлением: «Бери бразды правления в свои руки и отстаивай их до замужнего конца».

Мне не терпелось узнать: о чем там, в этой телеграмме?

Мне казалось: в её тексте должно быть закодировано какое-нибудь непредсказуемое последствие случайного случая?!

НАШИ ДРУЗЬЯ

Рафаэль Кислюк

Рафаэль Давидович вновь порадовал нас своими жизненными зарисовками. Читайте и наслаждайтесь.

РАССКАЗИКИ

*Нет на свете дела труднее,
чем писать простую, честную прозу о человеке.
Э. Хемингуэй*

Есть такой закон: «Стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать».

Вот мы и жили, познавая всё на своей шкуре. Говорят, что на своих ошибках учатся, а на чужих делают карьеру. Мы, судя по всему, карьеру не делали. Нам не следовало, конечно, прибегать к собственному опыту, но мы, тем не менее, прибегали. Зато жили весело и интересно.

Вот я рассказы эти написал для чего?

Чтобы вы, молодёжь, знали, что мы были обычными мальчишками и девчонками, и жили, а, если было время, то и веселились, как могли.

ТУФЛИ

Жили мы в то время в Таджикистане. Работали на «шестерке» - так в миру называли атомный комбинат. Предприятие было огромное, работало на нем триста тысяч человек, и состояло оно из полутора десятка рудников, где добывали ураносодержащую руду, нескольких фабрик по обогащению урана, ряда сопутствующих заводов и всякого рода автохозяйств, снабженческих баз и прочих подразделений.

Обитали мы на центральной усадьбе, где располагались: дирекция комбината, две обогатительные фабрики, завод горного оборудования, авторемзавод и ЦНИЛ (Центральная научно-исследовательская лаборатория), база оборудования и снабжения, техникум и необходимая социалка. Учитывая, что это было атомное хозяйство, обеспечение промышленными товарами и продуктами, по тем временам, было на высшем уровне.

История, о которой я хочу вам рассказать, произошла в 1952 - 1953 годах.

Работал я в те времена начальником литейного цеха на заводе горного оборудования. Что интересно, руководителями больших подразделений на комбинате, как правило, были молодые инженеры. На заводе работало порядка трех тысяч человек, и лишь пятеро из них (начальник завода, главный инженер и трое руководителей экономических отделов) были сорокалетние люди. А остальные - молодые специалисты. Надо отдать должное, тогда молодым доверяли больше, чем десятилетие спустя.

Но всё это - лирическое отступление.

Перехожу к сути. На нашем заводе начальником ОТК работал Николай Липчак, мой товарищ двадцати пяти лет от роду, инженер-механик. Апрель 1952-го, субботний день, мы вдвоем, получив какую-то премию, идём домой. Николай вспоминает, что Дуся, его жена, посоветовала ему купить на лето брезентовые туфли. На сленге того времени они звались «прюнелевые». Коля предлагает:

- Давай зайдём в магазин.

Я соглашаюсь, и мы дружно заворачиваем на нашу торговую улицу (благо городок состоит из десятка улиц и все они с одной стороны). Мы заходим в промтоварный магазин и покупаем прекрасные брезентовые туфли за пять рублей.

В качестве разъяснения сообщаю, что зарплата у нас была в пределах двух тысяч рублей, а с учетом премиальных доходила и до трех.

Совершив столь ценную покупку, мы почувствовали непреодолимое желание её обмыть, разъяснив друг другу, что иначе туфли носится ни за что не будут.

Коля, осознав всю серьезность момента, сразу же предложил попутный ресторанчик и мы, немедленно развернувшись, ринулись в указанном направлении.

По пути нам повстречались еще двое наших: Юрий Власов, главный механик завода и Иосиф Гершкарон, начальник центральной энерголаборатории. Им разъяснили серьезность мероприятия, и они немедленно включились в процесс.

Через час нас было шестеро и мы, уже достаточно заряженные, пошли ко мне.

Дома было три двадцатилитровые бутылки домашнего виноградного вина, одну из которых мы выпили практически всю. К этому моменту нас было уже восемь и, чтобы лучше носилось, мы вынуждены были зайти еще в два или три дома (сейчас уже и не упомню).

В десять вечера мы разошлись с чувством выполненного долга.

Утром раздаётся звонок:

- Где мои туфли, которые мы с тобой вчера купили? – вопрошает Николай.

- Я точно не помню, но ты их все время носил с собой! – припоминаю я.

- Видимо, я их где-то потерял! - кручинится он.

- Да ты же их всё время держал в коробке под рукой!

- Держал..., но где теперь – не знаю...

- Подожди, подожди, коробка же порвалась, и ты их на шнурках носил через плечо.

- Давай соберем всех ребят с женами, может кто-то вспомнит?

Мы так и сделали: собрались всех вчерашних обмывальщиков, обошли все места, где были, но никаких следов не нашли.

Мы даже выпили по этому поводу, то есть за розыск, но когда и это не помогло, решили остановиться, так как подсчитали, что затраты на розыск и обмыв составили от двух до трех сотен рублей.

Конечно, об этом событии узнал весь наш городок, и многие предлагали нам свои услуги по розыску туфель. Могу сказать, что такие ассы своего дела, как начальник отдела «К» контрразведки майор Журкин, начальник милиции подполковник Гельберг и начальник ГАИ майор Донцов тоже участвовали в розыске, но все было напрасно.

...Прошел год. Это знаменательное событие стало забываться и вдруг...

Началась предпервомайская генеральная уборка квартир. Мы тогда жили в коттедже - три комнаты, большая веранда, огромный сад на десять соток, гараж, два сарая. Одним словом, - все нужно было привести в порядок, как того и требовал ритуал подготовки к празднику.

Мы с Сонечкой с энтузиазмом взялись за дело. Квартира была быстро приведена в порядок, и мы дружно взялись за веранду, где кроме стола и стульев стоял большой сундук с посудой и охотничьими принадлежностями.

Мы были потрясены - за сундуком, около стеночки лежали Колины туфельки почти в первозданном виде!

Я немедленно позвонил Николаю, и был объявлен общий сбор.

Мы, конечно, немедленно отправились в ресторан. К нам систематически присоединялась проходящая публика: ведь эту историю о туфлях знал

практически весь городок.

Второе чествование туфель обошлось не менее чем в тысячу рублей.

С того времени прошло более пятидесяти лет, но в памяти все абсолютно свежо.

Украсьте И ВЫ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЕСЁЛОЙ ШУТКОЙ

В 1952 году горно-обогатительный комбинат, на котором имел честь трудиться Рафаэль Давидович, получил большую премию за достигнутые успехи. Кроме того, четверо работающих получили персонально, то ли Сталинскую, то ли Ленинскую премию. Сами понимаете, что такое дело не могло быть просто заштатно отмечено. Работали они не просто много, а предельно много - по двенадцать часов в сутки, с одним выходным.

Рафаэлю позвонил Сева Ставский, главный инженер большой обогатительной фабрики. Он был одним из четырех лауреатов, а лет ему было всего двадцать семь.

Было около шести вечера.

Вот Сева и говорит:

- Рафаэль, ты в курсе, что я уже стал «великим» тружеником?

- Конечно, это знает весь наш гигантский городок!

- Так вот, в семь вечера встреча в ресторане, будет еще один «великий». Кстати, имей в виду, что у Сони педсовет и ты свободен, как ветер!

В семь вечера Кислюк был на мероприятии. За столом были два лауреата, начальник милиции, два директора завода и руководитель подстанции. За соседними столами тоже были поощренные труженики. Все шло штатно, и к двадцати трем часам публика начала расходиться.

Группа, членом коей имел честь быть Рафаэль Давидович, уходила последней, и на выходе из парка они ясно поняли, что ворота стоят неправильно.

Ворота были сделаны из деревянных реек, и высота их была более четырех метров. Чтобы исправить вопиющую к их душам несправедливость, ворота были сняты с петель.

В это время подошли два милиционера и, обращаясь к своему начальнику, попросили поставить ворота на место. Но не тут то было! Это не удавалось никак! Даже влезший на забор лауреат, попытавшийся поправить петли, ситуацию не изменил. Работы продолжались более часа, но желаемого результата не достигли. Возможно, что большой удачей был тот факт, что лауреат не рухнул с забора, хотя руки себе он всё же поранил.

Через определённый период, стало очевидным, что без погрузчика эту проблему не решить. Кислюка, как самого «опытного» специалиста по погрузчикам, отправили на завод за техникой. В течение последующего часа ворота всё-таки были поставлены на место. К трем часам ночи Рафаэль уже практически был дома, а утром на погрузчике поехал на работу.

Вот собственно и вся история с воротами в парк.

ПРОВОДЫ

Как-то в пятидесятых годах, работая на комбинате, я был в командировке в Ташкенте. Одновременно там же был мой друг Виктор Мотылев. Мы оба Ташкентские жители и, по существу, были в командировке дома. Виктор тоже работал на комбинате главным инженером нашей подстанции. Отец Виктора был заведующим кафедры виноделия в нашем политехническом институте. На фронте он потерял одну ногу и ходил на костылях.

В день отъезда на комбинат, я зашел за Виктором, благо, что наши родители

жили рядом. Витя с папой отмечали его отъезд хорошим вином, и я сразу к ним присоединился. Время в запасе у нас было, и мы им рационально воспользовались, приняв на грудь приличную дозу. Учитывая, что Витин папа был винодел, мы по приходу автомобиля, взяли с собой еще две двадцатилитровые канистры с хорошим вином. Витин папа, поехал в аэропорт нас проводить. В Ташкентском аэропорту был наш комбинатский авиаотряд, со своими самолетами и билеты покупать было не нужно. Просто записывал свою фамилию в журнал, садился в самолет и летел домой. Командиром самолета, на котором мы должны были лететь, был мой сосед по дому, Василий, он же герой Советского Союза. В порту, мы уже совместно приняли на грудь, сели в самолет вместе с Витиным папой и полетели к нам. К счастью, в экипаже был второй пилот, и мы благополучно долетели. Из аэропорта поехали к Виктору на квартиру, благо было воскресенье. Ольга, жена Виктора, была в Самарканде у своих родителей. Моя жена еще училась в Ташкенте в институте, и мы по-холостяцки, вместе с Виктором, его папой и еще с парой ташкентских ребят отлично провели выходной. Часов в двенадцать я отправился домой, а в два часа ночи, мне позвонила мама Виктора. Она спросила, не знаю ли я, где Сергей Викторович, куда он собирался пойти после вашего отъезда? Я, надо признаться, долго не мог понять, о чём она, собственно, спрашивает. Наконец, до меня дошло, и я был рад ей сообщить, что все в порядке. Мы хорошо долетели, Сергею Викторовичу очень понравились наши квартиры: и моя, и Виктора. «Так что, Сергей Викторович у вас?» - изумилась она. И только после этого я понял, что Сергей Викторович улетел совершенно неосознанно. У него утром лекции, - сказала мама. - Что делать? - Ничего, - ответил я. - Мы его как-нибудь отправим. - Она говорит, что все больницы Ташкента обзвонила, всех друзей и его сейчас все ищут, а у Виктора телефон не отвечает. Но я-то понимал, что они с папой просто беспробудно спят. И такие истории приключались в нашей Чкаловской эпопее.

АНКЕТА

За полгода до окончания института к нам приехал для подбора кадров в создаваемые атомные хозяйства полковник КГБ Волошин. Он приглашал на собеседование студентов - дипломантов. Отбор производился по определенным параметрам, никому не известным, и, судя по всему, им самим созданным. Соискатели заполняли анкету (по нескольку экземпляров) по шестнадцать листов. Работа была страшно нудная и отнимала уйму времени. Кроме того, само заполнение граф анкеты требовалось делать по определенным правилам. Каждый из нас, кого отбирали, заполнял три экземпляра для Волошина, а через полгода, по приезду на место назначения, еще четыре экземпляра. Одновременно со мной на комбинате анкеты заполнял Иосиф Гершкарон - фронтовик, бывший командир подводной лодки. Имел два ордена боевого красного знамени и еще какие-то награды. Иосиф обладал огромным чувством юмора, блестяще играл в преферанс и потрясаяще красиво рассказывал анекдоты. Вот сидит Иосиф перед начальником управления кадров комбината, полковником Горюновым, и слушает его замечания. Я сижу рядом и слушаю их разговор. Горюнов понимает, кто сидит перед ним и все его замечания чисто формального порядка. Неожиданно Федор Дмитриевич Горюнов оживился: - Вот вы тут пишете, в разделе, «что еще вы хотите рассказать о своих

родственников», что ваша теща очень симпатичная женщина.

- Что тут вам непонятно? - спрашивает Иосиф.

- Но это несерьезно, - говорит Горюнов.

- Нет. Вы просто не знаете мою тещу.

- При чем тут теща? - удивляется Горюнов.

- Но вы спрашиваете, что я хочу сказать о своих родственниках, вот я и отвечаю! Я, сидел рядом и наслаждался.

Впоследствии они стали друзьями.

СВАДЬБА СВАДЬБЕ РОЗНЬ

Об одной свадьбе я хочу рассказать.

Было это мероприятие в 1954 году. Как и ранее, все происходило в бытность работы на атомном комбинате. Дело в том, что тогда мы были очень молоды и поступки наши соответствовали возрасту.

Начальником электроцеха у нас был Юрий Афанасьев. Он защитил кандидатскую диссертацию и уехал в Киев за новыми научными достижениями. Свято место пусто не бывает, и на освободившуюся должность был назначен с нашей подачи, Евгений Золотухин. У Жени была очень колоритная внешность: ярко-рыжий, с пышной шевелюрой, огромным количеством веснушек, небольшого роста, в постоянно веселом настроении и располагающей улыбкой. Он был холост и, конечно, нас это не устраивало. Как же так, мы все, можно сказать, «зависимые», а он, видите ли свободный художник!

Ну, это конечно, так, к слову.

У нас была общая приятельница Зиновья Степанова, двадцати трех лет от роду. Работала она заведующей аптекой и была не замужем. Небольшого роста миленькая, пухленькая блондинка. Мы все предполагали, что она тоже хотела замуж, но холостяков среди нас не было. Мы Женю сразу же предложили жениться, объясняя, что должность начальника цеха предполагает солидного семьянина. Женю же в то время было двадцать три года, и он считал (надо признать, что, возможно, вполне справедливо), что абсолютно не готов к семейной жизни, хотя истины ради нужно сказать, что к Зиновье он был неравнодушен. По этому поводу был срочно создан оргкомитет. В него кроме меня вошли: Юрий Власов, главный механик завода, Николай Липчак, начальник ОТК, Александр Тиман, главный энергетик и Виктор Мотылев, главный инженер энергоузла.

Был разработан план действий. В него вошли следующие мероприятия:

1. Решение квартирного вопроса. Из однокомнатной квартиры организовать получение трехкомнатной.
2. Посодействовать их влюбленности. Очень сложный вопрос.
3. Решить проблемы с загсом. Создать обстановку необратимости.
4. Меблировать квартиру. Сброситься и приобрести в качестве свадебного подарка, всю необходимую мебель.
5. Привлечь общественность, т.е. друзей.
6. Был установлен срок исполнения – три месяца.

Представьте, что все, действительно, было решено в эти установленные сроки! Вот, что значит правильная организация.

Свадьба была потрясающе красива. Заставили молодоженов выпить пиво из ночного горшка, украсив это пиво тремя сосисками.

Вот такая история.

Вскоре мы уехали из этого городка, а через пятнадцать лет приехали и встретились с этой семьей. Надо признать, что жили они хорошо и счастливо, к

этому времени у них уже было двое взрослых детей.
Вот такие «пирог»!

ПОЛЕТ НА УТ- 2

Я уже ранее писал, что в Ташкентском аэропорту в пятидесятых - восьмидесятых годах, был авиаотряд, принадлежащий нашему комбинату, куда входило десяток самолетов УТ-2, два больших самолета, типа ИЛ-12 и ЯК-40. Аналогичный, но более оборудованный участок был в Хорезмском аэропорту.

В 1952 году я был в командировке в Ташкенте, по поводу приобретения электродов для нашей дуговой электропечи по производству стального литья. Проблему с электродами я решил и возвращался домой. Приехав в аэропорт, встретил товарища, Иосифа Гершкарона, который тоже летел домой. Мы заказали самолет двухместный УТ-2 и отправились обедать в ресторан. Капитально подкрепившись и, как положено, приняв на грудь, мы вернулись в отряд. Наш летчик уже тоже прибыл на работу. Мы по всем правилам погрузились в самолет, привязались ремнями.

Небольшой нюанс - в этом самолете пассажиры сидят лицом друг к другу. Был июнь месяц, дикая жара и мы предвкушали приятный полет с прохладой. На этих самолетах нет никаких колпаков, только пластиковый щиток перед лицом пилота. Приблизительно через сорок минут полета мы пролетели Кураминский перевал, как вдруг самолет стал резко вибрировать. Пилот оглянулся. Лицо его было крайне взволнованно. Я сидел лицом к нему, и он жестом показал, что будем садиться. Я показал аналогичный жест Иосифу.

Надо честно сказать, что мы немедленно протрезвели. Страшно вибрируя, самолет все-таки приземлился на пашне, пробежал полсотни метров и клюнул носом. Дернулся и двигатель, закрепленный на растяжках и... выпал на землю. Вот тут-то мы поняли, что каждый из нас «родился в рубашке». Район, где мы, так сказать, приземлились, называется Янтак и от него до нашего городка 50 или 60 километров. Колхозники видели нашу посадку и быстро к нам прибежали. Уже с ними мы пошли в правление колхоза и позвонили на комбинат.

Два часа, которые мы провели в правлении этого высокогорного колхоза, показались нам самыми счастливыми в жизни!

Вот такой трагикомический случай произошел с нами при полете на УТ-2, он же назывался «ночной бомбардировщик».

ПАРТИЙНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АКТИВ

В далекие доперестроечные времена, когда ещё все мы жили в Советском Союзе, на больших предприятиях, райкомах, горкомах, обкомах и ЦК коммунистических партий республик раз в год проводились партийно-хозяйственные активы. Как правило, на этих собраниях подводились итоги работы за определенный период и ставились задачи на перспективу. На активах присутствовали вышестоящие руководители.

Когда к нам на очень дальнюю периферию, приезжал кто-то из большого руководства, мне (начальнику литейного цеха) звонил начальник комбината, генерал Борис Николаевич Чирков и называл время посещения. К этому времени я готовил плавку стали и в период посещения, образцово – показательно разливал 200-300 килограмм нераскисленной стали. Этот процесс выглядел очень эффектно: летит огромное количество искр, всё сияет и переливается.

Расплавленную таким феерическим образом сталь, мы выливали в изложницы, так как она негодна для заполнения форм.

Активы у нас на комбинате проводились обычно в марте. В это время в тех краях довольно прохладно и идут холодные дожди. Упоминаю об этом потому, что в данной истории погода сыграла существенную роль.

Для проведения актива к нам приехал генерал Карпов, начальник нашего главка. По тем временам, это был один из руководителей отрасли, где министром был Славский. По протоколу, за день до совещания, он был у меня в цехе и смотрел представление со сталью. Меня он похвалил. Спектакль ему понравился. Актив проводился в помещении кинотеатра, который не отапливался и был построен из дерева. Сиденьями служили простые стулья, которые во время спортивных занятий, складывались у стенок. Комбинат только строился, и вся социалка была временной.

Собралось человек триста: руководители рудников, геологических партий, разного рода предприятий. На сцене президиум - полтора десятка хозяйственных и партийных руководителей. От нашего предприятия восемь делегатов. Я сижу в зале рядом со своим товарищем, начальником геологической партии Борисом Хоментовским. Передо мной - Ганибаев Руслан, начальник механического цеха на нашем заводе, мой приятель.

Выступило уже два десятка человек, в том числе, и начальник главка Карпов, и генерал Чирков, и, по сути дела, всё шло к финалу.

Все уже порядком устали. Вся публика в плащах. Раздевалки конечно не было. Руслан тоже в плаще, пояс сзади собран в петлях. От нечего делать, я его пояс развязываю и привязываю к стулу. В это время, какой-то деятель начинает критиковать с трибуны продукцию, изготавливаемую цехом, которым руководит Руслан Ганибаев. Начальник политотдела, который ведет актив, предлагает Руслану объяснить, как это они дошли до такого безобразия. Руслан встает и с ним вместе, с грохотом поднимается стул. Зал взрывается гомерическим хохотом. Все устали, и эта развязка как нельзя кстати. Мы с Борисом поняли, что нам будет большой втык, быстро поднялись и стали развязывать пояс, но его заклинило и мы, мешая друг другу, развязывали его еще целую минуту. Карпов тоже хохотал вместе со всеми, а затем спросил генерала:

- У тебя тут что, одно хулиганье работает, как же они сталь варят?

Он меня, конечно, узнал.

- Не знаю, что с ними делать. Вот второй, который со сталеваром рядом сидит, так он мне шлет радиogramмы по работе и каждую заканчивает словами, «Обнимаю и целую Хоментовский». Кстати, товарищ Красноперов здесь присутствует? Это главный бухгалтер комбината.

- Я, здесь.

- Так, вы, вычтите из зарплаты любителя нежностей, стоимость поцелуев в десятикратном размере.

Вот был такой эпизод на партийно-хозяйственном активе крупнейшего атомного комбината. Кстати, вся аудитория состояла из двадцатидвух - двадцативосьмилетних мальчишек.

Ими был создан атомный щит родины, который и сегодня защищает Россию. С того времени прошло более пятидесяти лет.

ДОЛБЕЖНИК

Сразу объясню для непосвященных, что долбежный станок применяется для нарезки зубьев шестерен и прорезки шпоночных канавок.

Произошел этот случай в начале 50-ых годов на том же самом знаменитом атомном комбинате.

Завод горного оборудования, где я работал начальником литейного цеха, изготавливал запасные части для оборудования обогатительных фабрик. Работа фабрик строго контролировалась КГБ, и о простое фабрики немедленно информировалось руководство страны. В 1953 году, для одной из шаровых мельниц, мы отлили стальную заготовку горловины мельницы. Заготовка весила около тонны и представляла собой довольно сложную конструкцию. Обработать ее должны были в мехцехе.

В это же самое время за ввод одного рудника мы получили большую премию и, конечно, сразу ее обмыли. Пришел я домой в первом часу ночи, конечно, крупно поддатый. Вдруг, в три часа ночи стук в дверь - меня срочно вызывают на завод. Привезли меня чуть тёпленьким и сразу в кабинет начальника завода. В помещении человек десять и как минимум половина из них работники отдела «К» (контрразведка). Я начал трезветь.

- Вы, почему передали в мехцех бракованную горловину? Из-за вас простаивает фабрика.

Всей командой идем в цех и, действительно, на долбежном станке стоит горловина, и на месте шпоночной канавки прорезана дыра. Я понимаю, что срочно нужно делать новую горловину и говорю, что немедленно приму меры. Ночью собираю рабочих, сам сажусь на мостовой кран и мы формуем горловину. Всю историю нечего пересказывать. Главное, при проверке на разметочной плите выяснилось, что брак сделал долбежник при установке горловины на станок.

Утром на завод приезжает генерал и ему всё объясняют. Мы идем в мехцех, он внимательно осматривает горловину, а к этому моменту мы уже придумали, как ее починить. Генерал уже в хорошем расположении духа говорит долбежнику:

- Ты знаешь разницу между хорошим и плохим долбежником?

- Да, - говорит рабочий, - зависит от квалификации.

- Нет, - говорит генерал, - хороший долбежник - это долбежник, а плохой - долбоеб.

Генералу очень понравился собственный каламбур, и он не однажды его применял, правда, уже по отношению к другим профессиям.

ОХОТНИЧЬИ ТРОФЕИ

В ста километрах от нашего городка, в предгорье Шахрихана, находился райцентр Ура-Тюбе. Мы, жители городка, ездили туда для закупки картофеля и прочей сельхозпродукции, для заготовки на зиму. Кроме того, этот горный район, имел хорошие охотничьи угодья. Особенно много было там диких кабанов и летающей дичи.

В одно из осенних воскресений я собрался поехать в Ура-Тюбе за картошкой. Приехав на базар, я встретил жену нашего начальника завода, Дарью Ромашкевич. Она тоже приехала на заготовки. Муж ее был заядлый охотник и за день до этого уехал на охоту, как потом выяснилось в этот же район. Приобретя по три мешка картошки, мы с Дарьей пошли по базару посмотреть, чего еще можно прикупить. В мясном ряду местные охотники продавали свои трофеи, а шесть из них продавали уток. И тут мы видим, что сам Ромашкевич собирается купить уток. Тихо подходим сзади, и Дарья ему нежно говорит:

- Возьми вон ту, что справа от тебя.

- Хорошо возьму эту, - отвечает Ромашкевич (он пока ещё не осознал).

Потом был гомерический хохот. Смеялись все: мы, весь базар и еще десяток наших соседей по городку.

На следующий день в заводской стенгазете был описан и разрисован этот эпизод.

Хорошо, что у нашего шефа было сильно развито чувство юмора, и он на нас не обиделся.

НЕ СОСТОЯВШИЙСЯ ВОЯЖ В ЛЕНИНГРАД

Начальником сталеплавильного участка в цехе работал Константин Калиновский. Был он из так называемых пэфээловцев, а по специальности инженер-литейщик. Взяли его на должность начальника сталеплавильного участка. Работник он был хороший, дело освоил быстро. В цехе его уважали. Единственной чертой, не красившей этого, во всех смыслах славного человека, была большая любовь к выпивке. В работе этот недостаток не проявлялся, т.к. дисциплину он себе нарушать не позволял.

Немного отвлекусь от Калиновского и объясню, как делалось домашнее вино, в имевших место условиях жизни в Средней Азии.

Виноград был нипочем. На рынке виноград был за даром, то есть 20 копеек за килограмм.

Так, например, у меня дома снимали до 500 килограммов прекрасных плодов. Мы с Сонечкой обычно делали 100-150 литров собственного, очень вкусного вина. (К сведению, чем выше сахаристость винограда, тем крепче вино из него полученное).

Константин, естественно, тоже не отставал от общества и делал несколько бутылей вина в сезон.

Бутыли были 20 литровые.

Да! Нужно рассказать о Костиной семье. Она, то есть семья, жила в Ленинграде и состояла из жены и двух дочек. Жена категорически не хотела ехать к нему, хотя бы даже для того, чтобы повидать своего мужа, который прошел войну и адские страдания.

Ну да вернёмся к нашему повествованию.

К сожалению, Костя очень прилично пил. Например, был часто замечен, за непопаданием в калитку собственного дома.

Выглядело это так: он отходил от забора на пять-десять метров и с разгона пытался попасть в проём, но у него ничего не получалось. Многие, пронаблюдав три или четыре раза его отнюдь не снайперские попадания, не выдерживали и доводили его до квартиры.

Но сейчас не об этом.

В конце 1953 года с пэфээловцев сняли ограничения по поездкам в другие регионы страны, и Костя решил быстро выехать в Ленинград, чтобы встретиться с семьей.

Товарищи по работе делали все возможное, чтобы он быстрее уехал на встречу с семьей.

Но был один нюанс.

У него оставались три бутылки вина, которые ему хотелось выпить, что он, надо сказать, и сделал.

Получив отпуск, он установил одну из двадцатилитровых бутылей на стол, вставил в нее трубочку с лабораторным зажимом, который надёжно укрепил в руке, и, улёгшись на кровать, начал пить вино. Когда рука слабела, зажим отключал подачу жидкости. Вот, что значит умелец - самородок!

Первую бутылку он осилил за неделю.

Ему взяли билет на самолет до Ленинграда. Ребята-сталевары сдали его багаж и лично посадили в самолет. В то время летали винтомоторные самолеты, и время полета до Ленинграда было четырнадцать часов с шестью посадками для дозаправки.

Первая посадка была в Ташкенте. Всех высадили из самолета. Это делалось из соображений безопасности (в те времена пассажиры свободно выходили из аэропорта на площадь и ждали объявления на посадку).

Наконец, посадку объявили, а Костя в это время продолжал спать на площади. Самолет с его вещами улетел в Ленинград, а он спокойно остался на скамеечке в Ташкенте.

В это время, экипаж другого самолета, который летел на атомный комбинат, собирал своих пассажиров, и одного у них не хватало. Они увидели спящего Костю и решили, что это их законный пьяный пассажир. Они посадили его в салон своего самолета и привезли обратно.

Выгрузив Костю, летчики посадили его на скамеечку, но уже в родном аэропорту. Представляете моё изумление, когда я, сидя в кабинете, получаю телефонный звонок: «Вот я так и не улетел», - печально говорит Костя. «Не может быть, тебя сталевары Березинкин и Укрещенок лично засунули в самолет!» - ору я и посылаю ребят в аэропорт, где они, расследовав обстоятельства, сообщают нам об этой в высшей степени печальной эпопее.

Нет повести печальнее на свете...

Меня все подначивали в разных ракурсах по-поводу данного мероприятия, и я вынужден был терпеть. В конце концов, позвонил Чирков и спросил меня, какая разница между Ленинградом и Ленинабадом, имея ввиду, что корни одинаковые. Я, конечно, тоже был не овечкой и сказал ему, что мы готовим курс лекций по географии и обязательно прочтем его руководству комбината.

У них тоже были закидоны, которые можно было обсуждать.

ВЫИГРЫШ

Сразу после войны государство стало выпускать займы, для продажи их населению. Они назывались «займы для восстановления народного хозяйства». Весь народ обязан был на них подписываться, причем не ниже месячного заработка. С каждой нашей зарплаты ежемесячно удерживали не менее десяти процентов. В конце года нам выдавали облигации. По этим облигациям проводились розыгрыши, и понемногу кто-то выигрывал. У нас были приличные средние заработки, и облигации были на довольно большую сумму.

Вот в один из очередных тиражей мы и выиграли по трем облигациям тысячу рублей. Облигаций по этому займу у нас было на восемь тысяч. Поэтому, ничего сверхординарного не произошло, но было приятно. Соня взяла эти облигации на работу с тем, чтобы после работы получить выигрыш.

Работала она в политехническом техникуме. Придя в преподавательскую, она сказала, что мы неожиданно выиграли сразу по трем облигациям. Заведующим кафедрой физкультуры был чемпион Советского Союза по толканию ядра, Пospelов Николай Иванович. Человек он по характеру был хороший, но извилин у него в голове было столько же, сколь и в том ядре, которое он столь успешно толкал. Вот Пospelов и спрашивает у Сони:

- А, как это у вас получилось, что сразу по трем облигациям?

Тут уж Соня, сразу вошла в темп розыгрыша:

- Мы написали письмо, министру финансов Звереву. Объяснили ему, что облигаций много, а эффекта нет. Приложили номера облигаций и вот эффект.

- Слушай, а ты что мне не могла подсказать.

- Вот, я тебе и подсказываю, - ответила Соня.

Все замерли, но стоило, Пospelову выйти, как грянул нечеловеческой силы смех. Далее история разворачивалась по следующему сценарию: придя домой, Николай Иванович, закатил крупный скандал жене.

- Вот видишь, люди не ждут когда повезет, а сами принимают меры. Разве мы не можем тоже попросить министра?

Как позже стало известно, в тот же вечер, он написал письмо министру финансов Звереву. В нем, он перечислил все имеющиеся у него номера облигаций и наименование займов.

Прошел месяц или два, все конечно забыли об этом розыгрыше. И тут Николай Иванович отзывает Соню в сторону и говорит, что он тоже написал министру, но ответа до сих пор нет, а прошло уже много времени. Соня, чтобы его не разочаровывать, говорит:

- Нам тоже не было ответа, но вот, неожиданно, проявилось в тираже.

Затем Соня посоветовала ему, чтобы он никому не рассказывал о том, что он тоже писал министру, ибо мы понимали, что если он узнает правду, то обида будет смертельной. Через год Николай Иванович с семьей уехал в Москву. У него было двое сыновей, подававших большие надежды в спорте, и он решил представить их в столице специалистам.

В последствии его сыновья стали большими спортсменами.

АЛИМЕНТЫ

Было это в 80-е годы. В то время я работал начальником управления «АВТОВАЗТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ», которое осуществляло руководство всей системой техобслуживания вазовских автомобилей в СССР. В стране работало более трехсот станций и центров, обслуживающих более трех миллионов автомобилей. Главный расчетный счет был в Тольятти, и мы осуществляли финансирование всей системы из нашей бухгалтерии. Прямая зарплата руководителей на местах осуществлялась напрямую из управления. И вот какой интересный случай однажды произошёл.

Провожу утреннее еженедельное совещание. В кабинете за столом сидят два десятка первых руководителей служб управления. Я только приехал из длительной командировки, и совещание идет достаточно напряженно.

Неожиданно заходит секретарь и, подойдя ко мне, говорит на ухо.

- Вас срочно просит к телефону ваша жена. Она очень взволнована, говорит, что дело очень срочное.

Я извинился перед сотрудниками и взял телефонную трубку:

- Немедленно приезжай на наше почтовое отделение.

- Что случилось?

- Я, тебе говорю, немедленно приезжай!

- У меня совещание и я не могу все бросить и уехать.

Я вешаю трубку.

Через минуту секретарь снова просит меня взять трубку, жена опять требует приезда на почту.

- Объясни, причем здесь почта?

- Кому ты в Краснодаре платишь алименты? Пока ты мотаешься по командировкам, видно еще и детей делаешь! Пришел возврат алиментов, видно твоя любовница куда-то переехала!!!

Абсолютно ничего не понимая, я спрашиваю главного бухгалтера, какой возврат моих алиментов? Он вроде тоже ничего не понимает, но глаза у него начинают бегать. Я предлагаю ему немедленно поехать на почту и разобраться в происходящем.

Он уезжает, а мы продолжаем работу, но я уже вздернулся и, конечно, сворачиваю совещание через двадцать минут.

Тут надо уточнить: у меня действительно не было на стороне никаких детей.

Но почему-то я заволновался. Вероятно, сработало мужское чувство, а вдруг? Как говорит Михаил Жванецкий: «Одно неосторожное движение - и ты отец». Я вам скажу из опыта работы на Ташкентском заводе РТИ, что влипнуть можно не только в историю, но и в провокацию. Не знаю, как назвать этот несчастный случай, просто слушайте.

Было это в 1965 году. Работал я тогда директором завода РТИ, там трудилось около 2000 женщин и не более 500 мужчин. Оговорюсь, что по совету жены я принимал рабочих при открытых дверях. Однажды, ко мне на прием пришла девушка, на вид лет девятнадцати, не буду ее описывать, но скажу, что она была очень хорошенькой. Работала, она в одном из цехов завода. Она напрямую сказала, что любит меня, и что если я не разделю ее чувства, то она покончит с собой. Я, надо сказать, ужасно перепугался, начал что-то ей говорить, потом позвал секретаря и просил уже ее поговорить с этой девушкой. Через два дня она выпила уксусную кислоту и, конечно, попала в больницу. Пролежала она там неделю, а следователи изыскивали причин. Как хорошо, что была открыта дверь! Вот бывают и «такие пироги».

Но вернемся к алиментам. Возвращается главбух и говорит, что это недоразумение. Оказывается, у нас из руководителей, семьдесят человек платят алименты, а наша бухгалтерия отправляет всем деньги от моего имени. Я, конечно, был возмущен глупостью, которую допустила бухгалтерия.

А когда я пришел домой, жена рассказала следующее: она пришла на почту с возвратной квитанцией и сказала, что ее муж, то есть я, никому алиментов не платит. Ей же показали документ, по которому я плачу и главное, не только одной женщине!

- Этого не может быть, - говорит жена.

Мужчины стоящие рядом, сообщили, что жены, как правило, не знают про алименты.

Конечно, вся очередь развеселилась. Стали активно обсуждать ситуацию и, естественно, давать советы. Все сразу забыли, что куда-то торопились. Женщины начали сочувствовать и говорить, что все мужчины сволочи.

- У меня муж ничего от меня не скрывает, - говорит жена.

Тут уж включились в обсуждение мужики. Соня заводилась все больше и больше. А потом, последовали звонки и, конечно же, мне досталось.

ЧУЖАЯ СЕМЬЯ ПОТЁМКИ

Жизнь крепко меня научила тому, что чужая семья потемки.

Было это в 1953 году. Работал я всё на том же атомном комбинате, начальником литейного цеха. Совершенно неожиданно меня избрали секретарем парторганизации.

В то время начальником ОТиЗа нашего завода, был некто Виталий Колобанов. Надо сказать, отличный мужик, компанейский, хороший специалист своего дела. Но был у него один крупный недостаток, он по-пьяни был очень агрессивен. Буквально в первый же выходной, после моего избрания, звонит мне домой жена Колобанова и говорит, что Виталий крупно напился, топором разбил шкаф и гоняется за ней и детьми, с криками «убью!». Было воскресенье, я собрался на тренировку на стадион, а тут такое «ЧП». Я бросил чемоданчик и побежал к ним домой. Бедлам я увидел страшный, и отец семейства действительно был с топором. Первым делом я его пару раз ударил, он упал и почти сразу протрезвел. Затем, он меня опознал и заверил, что все будет в порядке.

На второй день я провел заседание парткома, и мы исключили его из партии.

Наше решение подтвердило и партийное собрание, хотя друзья мне говорили, что

этого политотдел не утвердит. С Колобановым я был дружен и очень переживал за случившееся.

Прошел приблизительно месяц.

И вот назначено заседание политотдела. Политотдел имел права райкома партии, а у нас так и вообще неограниченную власть. Политотдел из-за секретности напрямую подчинялся специальному отделу ЦК КПСС. Начальник политотдела перед заседанием говорит мне: «Ты не заводись. Само собой разумеется, что Колобанова мы не исключим, сам подумай, сколько людей у нас пьют по-черному, всех же не переисключаешь!»

На заседание Виталий пришел со своей женой. По наивности, я решил, что ее специально пригласили для остроты вопроса.

Все было с точностью донаоборот.

Его мадам выступила и практически все свалила на меня. Во-первых, сказала, что я избил её мужа, а она просто позвонила, чтобы я его успокоил. Сообщила, что у него серьезные переживания по поводу работы, а я вместо того, чтобы разобраться и помочь пришёл и его избил.

Я был потрясен.

Члены партийной комиссии политотдела все понимали, но слушали со всей серьезностью. Виталию воткнули выговор и с этим разошлись. Прошло какое-то время, два или три месяца и Виталий опять пошел вразнос. Опять звонит его жена и просит помощи, иначе он ее убьет.

Я попросил, чтобы она позвонила мне именно в тот момент, когда он ее убьет. К большому сожалению, через несколько лет Виталий спился и погиб. Этот случай сделал меня умнее в решении семейных конфликтов.

Мудрость дается через опыт.

Мне и дальше много раз приходилось участвовать в разрешении семейных конфликтов, но с тех пор, опыт семьи Колобановых всегда для меня являлся отправным.

ОПЕРАЦИЯ «СТАДИОН»

Буквально в самом начале создания комбината, был построен прекрасный стадион - гаревая дорожка, яма для прыжков, волейбольные, городошные и баскетбольные площадки.

Весной 1952 года, для проведения сборов, приехала сборная страны по легкой атлетике. Как-то раз, по окончании смены два сталевара Иван Укрещенок, Юрий Березинкин, Я и Саша Кочерга, решили зайти на стадион и посмотреть, как тренируются прославленные спортсмены.

Естественно, одежда на нас была рабочая, а сталевары щеголяли в суконных куртках и тяжелых ботинках.

Мы уселись на первом ряду трибуны недалеко от тренеров.

После того, как на наших глазах провели два забега на 800 метров, Укрещенок сообщил, что «бегать они не умеют». «Вот поставили бы мне две бутылки водки на финише, я бы их всех сделал». «А побежишь?» – мгновенно заинтересовался я. «С удовольствием!», - сообщил Иван.

Я дал Саше Кочерге деньги и послал сбегать за водкой.

После двинул к тренеру и предложил провести соревнование между сталеваром и спортсменами.

Тот с радостью согласился.

Перейду к описанию Укрещенка. Рост его 180 сантиметров, сухощав (ни единой жиринки), легко поднимает 200 килограммовую изложницу. Как-то в городе он отлупил семь местных хулиганов, а потом непринуждённо пробежал те самые

пресловутые двенадцать километров.

Но ближе к делу.

Иван раздевается и остается в семейных трусах. Мы с Юрой снимаем носки и отдаём Ивану, ибо, вы понимаете, что гаревая дорожка не позволяет бегать босиком.

Подходит Саша со свертком. Спортсмены веселятся и дают Ивану шуточные советы, подначивают.

Иван хорошо на все это реагирует, просит не обижать старика.

Ему в то время было 27 лет.

Тренер на забег ставит трех мастеров спорта.

Выстрел стартового пистолета и все устремляются вперед. Иван сразу набирает большую скорость и отрывается на первом же круге не менее чем на пятьдесят метров. Начинается второй круг, и Саша на линии финиша ставит сверток.

Мастера пытаются догнать Ивана, но куда там! Он еще прибавляет скорость и блестяще заканчивает дистанцию первым. Сразу берет сверток и говорит: «Ну что пошли, обмоем?»

Тренеры и спортсмены потрясены. Ведь нужно еще учесть, что было это после ночной смены! Главный тренер говорит: «Отдайте его нам, он через год будет чемпионом мира».

Но все мы понимаем, что пэфээловца не пустят никуда.

ТРАГИЧЕСКОЕ И СМЕШНОЕ

То, что я сейчас расскажу, действительно имело место быть в конце 1941 года.

В тот период тысячи граждан Москвы, студенты ВУЗов и техникумов, работали в Подмоскovie, строя линию обороны. Мы, группа четырнадцатилетних подростков, поступающих в спецшколу, тоже трудились вместе со взрослыми, копая рвы и строя землянки. Немцы уже были под Москвой и, время от времени, наш район тоже подвергался минометному обстрелу.

Работало нас в этом районе всего человек триста, считая молодежь и взрослых. Кормила нас полевая кухня, а котелки и ложки выдали каждому персонально. Во время обстрелов мы прятались в построенные нами же землянки.

На второй или третий день обстрела, мой товарищ Виктор Жданов, как-то замешкался и попал под обстрел. Это произошло в пятидесяти метрах от землянки. Он мне кричит:

- Рафка, помоги, меня засыпало землей.

Мы, трое ребят, рванули на помощь к товарищу. Он действительно был засыпан землей по самую грудь. Не обращая внимания на обстрел, мы руками разгребаем землю. И вдруг видим: у Витьки нет одной ноги. Она в метре от него лежит прямо в сапоге.

Это было страшно.

С помощью еще двух мужчин мы положили его на одеяло и бегом понесли в палатку полевого госпиталя, благо она была в сотне метров от нас. Хорошо еще, что кровь пошла, когда мы его уже принесли в госпиталь. После этого меня и еще одного мальчика рвало, наверное, целый час. Так Виктор Жданов, будучи четырнадцати лет от роду, стал инвалидом войны.

Руководителем работ, на нашем участке, был отставник, капитан, Николай Куценко. Был он нормальный мужик и все время сокрушался, что мы пацаны и уже в таком котле. Буквально через пару дней, после этого трагического случая опять был обстрел. Теперь уже он, Куценко, попал под обстрел и упал и кричит:

- Ребята, меня ранило в ногу!

Мы взяли шинель и бегом к нему. Пытаемся поднять, но он только встает на ногу

и тут же падает от сильной боли. Понять куда его ранило невозможно. Мы укладываем его на шинель и бегом несем в госпиталь. Врач-хирург пытается снять сапог, но не может. У Куценко, по его словам, ужасные боли. Скальпелем режут сапог, и оттуда вываливается ложка, вставшая поперек ступни и подъема. Вот это был хохот! Больше всех смеялся сам Николай Куценко.

Такие вот два случая произошли в самом начале войны. Я не знаю, как сложилась судьба Николая Куценко, но историю жизни Виктора Жданова я узнал после окончания войны. Он окончил Московский университет имени Ломоносова, стал известным ученым, создал хорошую семью и родил двух дочек. К глубокому моему сожалению, он не дожил пяти лет до третьего тысячелетия.

УВИДЕТЬ ПАРИЖ И УЛЕТЕТЬ

Полугодовая командировка в Турин на фирму ФИАТ заканчивалась, и я готовился переехать в Париж на приемку оборудования.

Приемка оборудования самый лучший вид закордонной деятельности. Фирма всегда старается ублажить приемщика. Рабочий день, как правило, такой же, как на фирме. Все стараются скрасить твой досуг и, вообще, все здорово.

В Турине мы вместе с итальянскими специалистами готовили проект завода. Работали по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, включая субботу.

А тут, на приемке, курорт!

И вот завтра улетать. И куда? в Париж!

Организовываются капитальные проводы до двух часов ночи, а в 6-00 утра на машине из Турина в Милан.

Наша вазовская бригада состоит из двухсот инженеров. Почти каждый участвует в проводах, и когда утром подъезжает шофер, я еще сплю сном праведника.

Надо сказать, я не растерялся и, будучи в плавках, рванул к дверям, прихватив по дороге чемодан и сумку.

Бесстрастный водитель молвил:

- Сеньор, нужно немного одеться.

Я безропотно оделся, вновь схватил вещи и в машину. Через пару часов я пришел в себя и уже в аэропорту Мольпенсо помылся, побрился и даже позавтракал.

Когда пришла очередь сдавать багаж, я осознал, что забыл ключи и советские деньги на тумбочке, в комнате, где жил.

Таможенники меня удивительно легко пропускают, вероятно, поняв, что я много и продуктивно трудился вечером.

Ну, вот я в самолете и держу курс на Париж. Посадка в аэропорту Орли. Меня встречают, и радости нет предела. Одно расстройство: чемодан не прилетел, но в порту говорят, что доставят его сами в торгпредство.

Встречающие друзья спрашивают:

- Где будем завтракать?

- У Максима, - предлагаю я, вспомнив арию из оперетты.

Друзья предлагают:

- А давай пообедем центр Парижа.

- Зачем? – удивляюсь я

- Так интересней, - загадочно отвечают они.

Ну что ж, жизнь прекрасна, мы в Париже. За окнами авто мелькают Эйфелева башня, Монпарнас, здание оперы, Лувр и прочие туристические красоты.

Вот мы и у Максима. На втором этаже все здорово, но что-то в поведении ребят меня настораживает:

- Что-нибудь случилось, вы какие-то странные, - спрашиваю я

- Вот тебе телеграмма от Полякова, - отвечают они.

Читаю: «В связи с производственной необходимостью, прошу срочно прибыть в Тольятти».

По прочтении мне сообщают, что уже взят билет, и что я вечером улетаю из аэропорта Бурже.

Догадаться сами, какие эпитеты я употребил в этот момент. Даже официант, не понимавший по-русски, был в восхищении от моего монолога.

Но на сим моя одиссея не кончилась.

Прилетаю в Шереметьево – 2 с одной сумочкой на плече, в коей покоится магнитофон и сотня шариковых ручек. (Для молодых поясню: это были семидесятые годы, и шариковые ручки только появились, были в страшном дефиците и очень дорогие).

Я уже писал, что при выезде из Турина забыл на тумбочке советские деньги и ключи от чемодана. Шереметьево – 2 - это международный аэропорт, а мне нужно в Шереметьево - 1 - это внутрисоюзный аэропорт. Никого из знакомых нет. Достаю самую захудалую ручку и предлагаю таксисту довезти меня до другого терминала. Увидев презент, он с удовольствием перевозит меня в другой аэропорт.

Денег по-прежнему нет, а мне нужен билет на самолет до Самары. Вдруг вижу, идет Поляков. Я к нему:

- Дайте мне, пожалуйста, займы тридцать рублей.

- Вот у меня только пятерка, она вас явно не устроит.

Вижу, стоит офицер едущий в отпуск. Я к нему. Достаю шестицветную ручку, и предлагаю купить мне билет за двадцать один рубль. Он говорит:

- По рукам! Это стоит минимум сто рублей и давайте поужинаем.

Билет сразу же купили, а затем хорошо поели.

Прилетаю в Курумоч. Пока я ориентировался на местности, Поляков уехал. Звоню домой, жена интересуется:

- Ты из Парижа?

- Если Курумоч - Париж, то да!

Пока Соня нашла машину, и я приехал домой, прошло два часа.

На следующий день Поляков вызвал меня к себе в кабинет:

- Чугунолитейный комплекс отстает строительством на год. Ваша задача наверстать упущенное.

Вот такая история.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАШКЕНТ

1951 год. Всего шесть лет, как закончилась Великая Отечественная война.

Жизнь, только-только начинает налаживаться. Запад ведёт с нашей страной полномасштабную холодную войну. Страна вынуждена вкладывать гигантские средства для создания атомного оружия, строятся атомные предприятия.

После окончания института меня направляют работать на первый атомный комбинат в Таджикистан.

Проходит три года, мы живем и работаем на комбинате. Зарабатываем хорошо и, соответственно, помогаем родителям, живущим в Ташкенте. Рождается сын, и полгода спустя мы собираемся ехать в Ташкент, чтобы показать сына и привезти продукты.

Решаем двинуться поездом, который называется «семьсот веселый». Веселья ему придаёт тот факт, что билеты на него продаются в неограниченном количестве. Места я покупаю заранее, но, зная, что вагоны берут штурмом, прошу трех сталеваров (не самых хилых ребят) нас проводить.

Кроме трех десятков килограммов сухих продуктов, мы берём с собой четыре трехлитровых банки хлопкового масла и главный «груз» - нашего долгожданного сына.

Наконец, в девять вечера подходит поезд. Народу видимо-невидимо. Сталевары, пришли целой бригадой в шесть человек: трое или четверо расчищают нам дорогу, а двое волокут груз, я же, гордо несущий сына. Мы спокойно садимся в поезд, ребята заносят вещи, но в тамбуре нечаянно толкают Ивана Укрещенку, и он разбивает банку с маслом, которое разливается по всему вагону.

Ранее я даже представить себе не мог, что может сделать трехлитровая банка масла! Она залила весь вагон, люди стали падать, и ходить по вагону стало просто невозможно. Впечатление было такое, что пролилось не три литра масла, а целая цистерна. Радовало одно, что посадка в этот вагон практически прекратилась.

Пришли начальник поезда с милиционером с явным намерением нас высадить. Только удостоверение работника комбината умерило их пыл. Два проводника пытались навести порядок, но это было просто невозможно. Я дал проводникам какие-то деньги, и они всю ночь боролись с этой смазкой.

Я думаю, что вы не удивитесь, узнав, что все наши вещи тоже были в масле, и добираться до дома нам пришлось целый час.

Ночью через наш вагон ходило очень мало народу и соседи по вагону говорили, что нужно при посадке везде употреблять масло и порядок будет соблюден.

Так что, если соберетесь ехать на поезде, помните - есть такой немного нестандартный способ повысить комфорт.

«ГДЕ ИГОРЁК, ГДЕ ИГОРЁК?»

В литейном производстве, кроме обычных покупных материалов, типа чугуна, металлолома и т.д., требуются местные материалы, такие, как песок, известняк и глина. Причем, потребность в этих материалах исчисляется сотнями тонн.

Местность же, где мы располагались, не имела никакой промышленности, кроме шелкокомбината, и все приходилось решать нам самим.

И вот однажды, на двух автомашинах, бригадой из шести человек, мы поехали в горы искать место, где открыть карьеры для добычи песка, глины и известняка. С нами был геолог, знавший, где и что залегает. За день мы всё нашли, обозначили на карте и возвращались домой медленно, уставшие безмерно.

На одном из серпантинных участков нас обогнал военный джип. Мы еще удивились скорости, с которой он это проделал. Горы не любят неуважения. И действительно, через несколько километров, мы увидели в кювете перевернутую машину и суесящихся вокруг неё полковника и мальчика лет десяти.

На траве около машины лежали лейтенант и женщина вся в крови и без сознания. Мы бросились к ним. Женщина, находясь в каком-то бреду, все время повторяла: «Где Игорек, где Игорек?».

Оказав раненым первую помощь, мы перенесли их в машину, которую сразу же и отправили. Джип же перевернули, поставили на колеса, завели и, установив впереди колонны, поехали в наш городок.

К счастью, ранения у жены полковника и водителя были не очень тяжёлые и вскоре их выписали из больницы, но преданность женщины своей семье нас потрясла.

Честно слово, я до сих пор иногда вспоминаю этот голос.

РУЛЬ НА СЕБЯ

Командир отряда аэропорта Курумоч, Михаил Дубровский, был моим приятелем. К тому моменту, как произошла эта история, мы с ним давно спелись, и когда мне нужно было далеко лететь, я ему звонил, и он вписывал себя командиром на мой рейс.

Пилотом, надо сказать, он был от бога. Блестяще поднимал и сажал самолет в любых аэропортах мира.

И вот, однажды, звонит он мне на работу и говорит:

- Рафаэль, у меня один классный пилот пострадал и его автомобилю требуется замена кузова. Помоги, он лучший пилот отряда.

- Миша, приезжай с ним и документами, конечно поможем!

- Едем немедленно.

Приезжают втроем: сам Миша, первый и второй пилот этого экипажа.

И рассказывают следующее:

- Рейс был в Хабаровск, а это девять часов лету. Сели во время, всё чин-чинарем.

Вдруг, выясняется, что экипаж, который, должен был возвратит самолет в Курумоч, отравился и лететь не может. Билеты же все проданы и до взлета остается всего три часа. Врач говорит, что если мы отдохнем хотя бы часа четыре, то она разрешит пойти в рейс. Мы поспали около трех. В Курумоче приземлились на 2 часа позже запланированного, но, слава Богу, долетели нормально. После рейса я взял машину ехать домой в Самару. Ночь, темень.

Около завода «Электрощит». Смотрю: впереди едет трактор. За 30 метров до трактора тяну руль на себя и буквально в метре от него осознаю, что это не самолет! Круто выворачиваю руль влево, мое счастье, что не было встречного автомобиля. Представляешь? Счастье еще, что мой соратник спал головой к левой двери на заднем сиденье. Мы, Рафаэль, видимо, в рубашке родились. Ну, а для полного счастья нужна ваша помощь с заменой кузова.

Машину, конечно же, восстановили, но случай запомнился на всю жизнь.

МЕСТЬ

В период студенческой жизни, была масса историй.

Трагических или комических?

Понимай, как знаешь.

Вот одна из них.

Ориентировочно в 1947 году, меня и еще сорок человек из нашего института, включили в состав спортивной делегации Узбекистана, на парад физкультурников в Москву. Лагерный сбор проходил в пехотном училище им. В.И. Ленина. Это старинный военный комплекс, прекрасные казармы, учебный плац и отличные классы. Собралось нас двести человек (сто девушек и сто парней) и гоняли по десять часов ежедневно.

Распорядок дня был следующий: подъем в шесть утра, с семи до тринадцати занятия на плацу, обед и перерыв до шестнадцати, а затем еще плац до двадцати.

Уставали жутко, но все равно по вечерам было веселье и танцы.

В казарменном классе спало двенадцать человек. В нашей группе был студент горфака, Сергей Айдинян, ну, очень красивый парень.

Было ему более двадцати лет (он уже окончил институт), рост метр восемьдесят пять, прекрасная атлетическая фигура. Был мастером спорта по метанию диска и еще чего-то.

После обеда мы все спали пару часов. Сергей принципиально спал совершенно раздетый. Он объяснял нам, что так у него дышит все тело, на самом же деле, он нам показывал, что мы «деревня».

Этого стерпеть было нельзя и однажды, во время послеобеденного сна, мы привязали его простыню к кровати, и вынесли вместе с ним в коридор. В казарме наши комнаты были на одной стороне, а комнаты девушек на другой. В это время одна из девушек выходит из спальни и видит спящего голого Сергея. Шум поднялся неимоверный. Девушки выбежали из спален, а мы заперли дверь. Сергей проснулся, из-под простыни, справиться с которой он не мог (привязали мы её на славу), вытащил матрас и стал молить нас пустить его. Мы ещё немного подержали его в коридоре, а потом открыли дверь. С этим же Сергеем произошел трагический случай. Я уже ранее говорил, что он был очень красив и пользовался большим успехом у девочек. Рядом с нашим институтом был Ташкентский медицинский институт, в котором училось семь тысяч студентов. Из них шесть с половиной тысяч девушек. Вот этот то розарий он и окучивал. В результате предпринятых им действий, обстановка сложилась следующая: две девочки с разных факультетов от него забеременели, а с третьей он уже успешно «дружил». Каким-то образом «потерпевшие» перезнакомились и решили его наказать. Боевой план действий сложился мгновенно. Последняя пассия пригласила его отужинать, напоила снотворным, и было принято решение удалить орган, принесший всем столько неприятностей. Сергея решили кастрировать. Но во время операции началось кровотечение (видимо они в основном занимались любовью, а не учились), и им пришлось вызвать скорую помощь. Был суд и им что-то присудили. Шум был на весь город, после всего этого Сергей конечно зачах. Правильно говорит Жванецкий: «Одно неверное движение - и ты отец».

НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ ГОСПОДНИ

Был у нас один товарищ, Алексей Марков, мастер спорта по гимнастике. Простая ташкентская семья, из детей он, да сестренка Настя, в то время лет четырнадцать. По тем временам они были достаточно обеспечены. Отец работал дома, мама трудилась в райисполкоме. Учился Лешка неважно, но добросовестно переходил из курса в курс. Собрались мы группой человек пять пойти в кино. Денег как всегда не было. Лешка говорит: «Веду всех за свой счет, у меня премия за соревнования». Как выяснилось впоследствии, он по водосточной трубе забрался на четвертый этаж ирригационного института и обокрал магазин. Взял папиросы, какие-то деньги и по трубе же спустился вниз. На моей памяти он совершил ещё ряд подобных художеств. Институт окончили мы в одно время, я уехал из Ташкента и потерял с ним связь. Прошло двадцать лет, и я узнаю, что Алексей Марков работает ректором какого-то института. Кто бы мог подумать! К сожалению, он рано ушел из жизни. Хочу рассказать и ещё одну, с моей точки зрения, очень интересную историю. С нами в институте учился очень интересный парень, звали его Геннадий. Математику у нас преподавал профессор Топорнин, бывший полковник царской армии. Геннадий же отлично знал и любил математику и всегда спорил с профессором. Естественно, на экзамене Топорнин его завалил, Гена бросил институт, и пошел учиться в университет, на математический факультет. Пути наши разошлись, и я

ничего о нем не знал.

Прошло более двадцати лет. Совершенно неожиданно я встречаю его при входе в ГОСПЛАН. С ним двое мужчин плотного телосложения. Как выяснилось, его охрана. Конечно, мы обнялись и сразу вопросы;

- Ты чего здесь?
- А ты чего?
- Я за деньгами.
- И я за деньгами.
- Ты где обитаешь?
- В Москве.
- А ты?
- В Тольятти
- Чего делаешь?
- Создаю автосервис в СССР
- А ты?
- Главный математик вычислительного центра «КОСМОС».
- Силен!
- И ты силен. Рафка! Срочно нужно обмыть нашу встречу.

Мы вышли из Госплана, и пошли в кафе за углом. Сопровождающие Геннадия ему говорят, нас ждут серьезные начальники. Подождут, мы не виделись почти тридцать лет. Выпили мы с ним бутылку коньяка и снова пошли в Госплан. Разошлись по своим делам и как-то бесславно расстались. Не обменялись визитками и не обговорили встречу.

ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН ТАШКЕНТСКОГО УЕЗДА

В пятидесятых годах в Ташкенте мы дружили с семьей Михаила Франка и Нины Гончаровой.

Михаил был чемпионом по боксу в полутяжелом весе, (эти данные нам в последствии пригодятся), но внешностью обладал сугубо интеллигентной: очки, чуть выше среднего роста, полноват. Работал Франк главным врачом спортдиспансера.

Кстати, сейчас этот диспансер носит его имя.

Мы, то есть, я с Соней и он с Ниной, решили пойти в кино. Шел английский или американский фильм «Леди Гамильтон». Жили мы по соседству и зашли за ними, чтобы поехать вместе. Собираясь, Нина сказала Мише:

- Возьми деньги на столе.
- Сама возьми, я галстук завязываю, - буркнул тот в ответ.

Наконец, все собрались, и мы пошли на остановку. Как всегда трамвай был переполнен и, пропустив женщин вперед, мы уместились на задней площадке.

Проехали пару остановок и вдруг Миша, закричал:

- Ах ты, паразит, будешь шарить по чужим карманам! - даёт воришке по физиономии, отбирает деньги и выкидывает того из вагона.

Подъезжаем к кинотеатру и идём за билетами.

Нас догоняет Нина:

- Миша, возьми деньги.
- Я же взял их со стола?
- Нет, Миша, это я их взяла!

Немая сцена.

Вот как получилось, что Миша обобрал карманника и выкинул его из трамвая.

Знаете, фильм, который мы смотрели, очень грустный, я бы даже сказал, полный трагизма, но наша компания веселилась с первого по последний кадр, вспоминая,

как «вор у вора дубинку украл».

Соседи делали нам замечания, а мы, с трудом досмотрев фильм, рванули в ресторан обмывать неудавшийся (или удавшийся) «грабеж».

ВЗРЫВПАКЕТ

Как-то собрался я в командировку в Москву. А мой водитель Сергей и говорит:

- Можно я тоже один раз с вами съезжу. Если нужно будет, то помогу.

Ехал я всего на пару дней и согласился взять его с собой.

Перед отъездом из Москвы, вечером, нас пригласил мой товарищ на день рождения в свой ресторан. В одиннадцать мы уже ехали в гостиницу на отдых.

Тут Сергей мне и говорит:

- Тут неподалеку живет мой брат, можно я схожу его проведать?

- Нам рано нужно уезжать, - отговариваю я его, - лучше отдохни. Мы хорошо покушали, выпили, хватит.

- Хоть на один час отпустите, - взмолился он.

- Ну да ладно, иди, но, смотри, ровно через час возвращайся!

Я лег спать. В три часа ночи раздаётся сильный стук в дверь. Слышу, бьют ногами. Открываю и вижу - стоит Сергей с перевязанными руками:

- Что случилось? - обалдеваю я.

- У меня в руках взорвался взрывпакет и повредил мне обе руки. Его сын брата принес, а я его стал раскрывать, ну и вот!

Утром нам нужно улетать, а у Сергея температура, его трясет. Едем в аэропорт, я ношу все вещи, а ему все хуже и хуже. Звоню в Тольятти, прошу помочь доставить Сергея в больницу. В самолете ему становится совсем плохо, и он теряет сознание.

Хорошо, что в аэропорт приехал наш друг Олег и помог мне отправить горе-водителя в больницу.

Вот такая вышла история.

При встрече мы вспоминаем ее со смехом, но, если честно, тогда нам было не до веселья.

ТАК МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО В ОДЕССЕ

Ша мадам, вы в городе герое

Одесса - это необыкновенно своеобразный город, скорее даже особая республика, где совершенно иной язык и другое восприятие действительности.

Правда сегодня, после практически полного исхода из города интеллигенции и евреев, Одесса потеряла свой колорит, но я хочу описать случаи из доперестроичного периода этого славного города.

Начну, пожалуй, с эпизода, рассказанного мне моим другом, Мишей Жванецким.

В период пребывания в Одессе Владимира Высоцкого, его жена, Марина Влади, услышав о своеобразном вкусе одесских бычков, попросила Мишу пойти с ней на привоз и купить свеженьких. Для непосвященных скажу, что бычки - это мелкая одесская рыбешка, очень вкусная в жареном виде. Обойдя весь рынок бычков они не нашли и уже собирались уходить, когда Марина увидела мужчину, очень неопрятного вида, который держал пару связок бычков.

- Ой, бычки, бычки! - воскликнула она и потащила Мишу к мужику.

Но, спросив цену, и нагнувшись к сумке, чтобы взять деньги, она почувствовала неприятный запах.

- Они же пахнут! - возмутилась знаменитая актриса.

- Ша мадам, вы в городе герое, - невозмутимо ответил продавец.

Что вы мне говорите!?

Приблизительно в этот же период, я прилетел в Одессу, чтобы принять в эксплуатацию Одесский автоцентр. Меня встретили в аэропорту директор с главным инженером и повезли в лучшую гостиницу.

Пожилой администратор начал оформлять мое поселение и спрашивает:

- Вы из самого Тольятти?
- Да, - отвечаю, - из самого.
- У вас тоже делают автомобили?
- У нас только их и делают, - отвечаю я.
- У нас тоже их делают на Тираспольском шоссе.
- На Тираспольском ремонтируют, - объясняю я.
- Что вы мне говорите! Мой сын уже там купил машину!

Одессита невозможно переубедить, если это касается заслуги Одессы.

Второй случай, вечером, второй секретарь Одесского областного комитета партии, пригласил меня поужинать в приморском ресторане. Это с его слов лучший ресторан Одессы. Нас было четверо, мы вдвоем, директор, и главный инженер автоцентра. Во время ужина и возлияний, к нам подошел официант и поставил на стол две бутылки армянского марочного коньяка и две бутылки шампанского. Секретарь обкома спросил у официанта, кто передал, тот указал, и секретарь обкома, что-то передал взамен.

- Кто нас угощает? – спросил я
- Одесский смотрящий, он же вор в законе.
- Удобно ли нам этим пользоваться?
- В Одессе это нормально, - пояснили мне, - он сам не ворует, но это деньги воровские. Неизвестно, но может эти деньги благодарственные.

Я был поражен.

Вот что такое Одесса того времени.

АНГЕЛ - ХРАНИТЕЛЬ

Я довольно скептически отношусь ко всякого рода суевериям, но совершенно точно знаю о наличии у меня ангела-хранителя.

Просто всю свою жизнь я чувствовал, что у меня он есть.

Началось это с детства. Я уже писал об этом. Когда мне было немногим более трех лет, я опрокинул десятилитровую кастрюлю кипящего топленого масла. Ни одна капля на меня не попала. Когда моя мама рассказала об этом бабушке, та сказала, что у меня очень хороший ангел-хранитель и что я буду самым счастливым из детей.

В жизни, так оно и оказалось.

Хочу рассказать об одном совершенно удивительном случае. В 1974 году, была массовая приемка в эксплуатацию специализированных вазовских автоцентров. В то время я был руководителем этой службы и по должности председателем многих комиссий по приемке в эксплуатацию этих предприятий.

В Белоруссии в Минске был построен автоцентр, и я должен был принять его в эксплуатацию. Прямого рейса из Курумоча в Минск не было, и мне взяли билет на самолет с пересадкой в Москве, на определенный рейс. Вылетели из Курумоча мы точно по расписанию и когда уже подлетали к Москве, командир корабля сообщил нам, что Москва не принимает по погодным условиям. Покрутившись над Москвой с полчаса, командир принял решение совершить посадку в аэропорту Ленинграда, на так называемый запасной аэродром. Мне было все равно, так как я был председателем комиссии по приемке и Таллиннского центра. Позвонил

домой и, предупредив, что я в Ленинграде, сообщил, что поеду завтра на машине в Эстонию. Директор Ленинградского центра приехал за мной, устроил в хорошую гостиницу и я лёг спать. Утром мне позвонила жена и сказала, что ей позвонила, помощник генерального директора, Суслова Валентина Ильинична, и спросила где я. Позже я узнал, что самолет, на котором я должен был лететь в Минск, потерпел аварию, а все пассажиры погибли.

Вот и поверишь, что есть ангел- хранитель.

У меня была еще масса случаев, когда я ощущал его помощь. Не только в смертельных случаях, но и по жизни, когда меня хотели морально уничтожить, посадить в тюрьму или сделать прочие гадости.

ВЕЛИКАЯ СИЛА Искусства

В январе, в середине семидесятых годов, я был в служебной командировке в Улан-Удэ в Бурятии. Все дела были решены, и я возвращался домой в Тольятти. Чтобы попасть домой нужно было долететь от Улан-Удэ до Иркутска, а затем пересесть на другой самолет, летящий в Тольятти. Дело в том, что в Улан-Удэ не было рейса до Тольятти, там летали маленькие самолеты.

По прилету в Иркутск, объявили, что в связи с погодными условиями, вылеты откладываются. Я позвонил на нашу станцию, за мной приехали и отвезли в хорошую городскую гостиницу. На другой день погода стала еще хуже, и рейсы продолжали задерживаться.

На следующий день в ожидании летной погоды, мы приехали в аэропорт. В порту стояло в ожидании погоды, два десятка бортов. Пассажиры, в основном мужчины, устали от ожидания и были злы на все на свете. В холле ходила девушка и предлагала всем лотерейные билеты. Конечно, пассажирам нужно было сорвать на ком-то, зло и они ей грубили. Девушку было просто жаль, но это была ее работа.

К холлу аэропорта подъехала машина, и из нее выпорхнула актриса Хитяева, в сопровождении двух киноактеров. Были они немного навеселе. Хитяева выглядела обворожительно. Пройдя в зал, она увидела измученную девушку с лотерейными билетами и немедленно приняла блестящее решение. Взяв девушку под руку, она поднялась на один пролет лестницы и, обращаясь в зал ожидания, громко спросила:

- Кто хочет купить лотерейный билет с автографом актрисы Хитяевой?

Немедленно образовалась очередь. Пассажиры заулыбались, и торговля пошла очень бойко. Девушка сбегала еще за билетиками. Обстановка в зале разрядилась и в это время объявили о начале посадки на Московский рейс. Надо отдать должное Хитяевой, она не бросилась на посадку, а продолжила давать автографы.

Вот таким живым свидетелем великой силы искусства я и стал в аэропорту города Иркутска.

СТРИПТИЗ ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ ЭТОГО СЛОВА

В конце семидесятых годов, я понял, что нужно менять методы создания станций техобслуживания автомобилей. До этого периода, СТО «станции техобслуживания автомобилей», мы создавали в каждом случае индивидуально. Нужно было готовить отдельные проекты. Все это усложняло создание станций и влекло серьезные финансовые потери.

Я же решил создать завод по производству этих станций на базе модулей, которые массово начали производить у нас в союзе. Этой идеей я поделился с

генеральным директором Поляковым. Для иллюстрации, мы закупили один модуль, 30 х 30 на Орском заводе металлоконструкций. Смонтировали его, и получился цех площадью 900 квадратных метров. Для больших станций, можно было в дальнейшем совмещать несколько таких модулей.

Полякову идея понравилась, и он поделился ею с зам. председателя совета министров СССР Новиковым Владимиром Николаевичем. Новиков сказал Полякову, что мы полякам поставляем много продукции, а им нечем расплачиваться, они же производят полносборные СТО и нужно их взять в счет долгов.

Я поехал в Польшу посмотреть эти станции.

Не буду развивать дальше эту мысль, а вернусь к идее рассказа.

Приехал я в Варшаву с представителем министерства внешней торговли, чтобы сразу все решить (такие полномочия мне были даны). Стою в холле гостиницы и оформляю анкету. Вдруг слышу:

- Рафаэль, что ты здесь делаешь?

Оглядываюсь и вижу Владимира Кунина, нашего советского писателя, моего хорошего друга.

- Приехал в командировку на неделю по производственным делам. Сейчас оформляю карточку на проживание. А что делает здесь советский писатель Вова Кунин?

- Для польского кино пишу сценарий об участии поляков в Октябрьской революции в России. А что ты делаешь сегодня?

- Отдыхаю, работа начнется завтра.

- Тогда поехали со мной, я тебя познакомлю с Янушем Пшимановским. Он автор книг и сценария фильма «Четыре танкиста и собака». Ты видел этот фильм?

- Конечно, все у нас в стране его видели.

Это был первый сериал у нас, и он шел «на ура».

После устройства в гостинице мы с Куниным поехали на киностудию. Там он познакомил меня с Яношем и еще с двумя десятками актеров, в основном женщинами. Неожиданно я понял, что польские панны намного интереснее мужчин. Во всяком случае, интеллектуально сильнее. И было абсолютно очевидным, что Пшимановский не может равнодушно на них смотреть. А с некоторыми, судя по всему, был очень знаком близко.

Я это пишу не ради красного словца, а потому, что, после киностудии мы поехали к нему домой. Оказалось, его жена, пани Мария - майор госбезопасности и что она не просто герой войны, но и застрелила заместителя Гитлера в Польше Гейдриха. Было видно, что Янош ее очень боится, но природа берет свое.

Пани Мария дружелюбно нас приняла, было весело и интересно.

Через день я должен был поехать по стране по заводам изготовителям конструкций и оборудования. Владимир Кунин выразил желание меня сопровождать.

Объехав десяток городов, мы приблизились к чешской границе. Мои чешские оппоненты, узнав о моем путешествии и встретили нас. Мы переехали в Чехословакию и там немного отметили этот факт.

Чехи подарили мне и моим сопровождающим более трех десятков коробок божьего стекла. После этой встречи, мы поехали в Краков. Там мы должны были переночевать. Вечером польские коллеги предложили нам пойти на стриптиз. Для нас это было в новинку, и мы согласились с удовольствием. У нас в бригаде был один грузин, и он сказал, что пойти-то он пойдет, но смотреть не будет. Это для него, смертельное испытание и он будет сидеть спиной к сцене. В общем, мы три часа провели в стрипклубе.

Постановка была интересной, не было грязной пошлости. Мы возбужденно вышли

из клуба и двинули в гостиницу через площадь. Каково же было наше возмущение, когда мы увидели, что наши машины сильно пострадали (а их у нас было три, одна «Волга» и два «Жигулёнка») - задние стекла были выбиты, багажники открыты. И, конечно, вся богемская красота была украдена. Но вещи были нетронуты, за исключением фотоаппаратов, их тоже изъяли. На машинах были дипломатические номера, но это нам не помогло. Полицейские только разводили руками. Вот такой вояж со стриптизом, во всех смыслах этого слова.

ЛА СКАЛА

Все люди мало-мальски музыкально подкованные, знают, что такое театр ЛА СКАЛА. Это самый знаменитый оперный театр, с лучшими оперными певцами. Ну и, естественно, все знают, что театр находится в Милане.

Не знаю, как сейчас, но ранее, как мне говорили знакомые итальянцы, чтобы попасть на сцену ЛА СКАЛА, нужно было иметь успех в пении, на арене в Вероне, родине Ромео и Джульетты. Эта арена была воздвигнута много веков назад, но ее конструкция удивляет по сию пору. Сделана она амфитеатром из камня, под каждым сиденьем пустая амфора, все на открытом воздухе, а акустика потрясающая. При этом мест несколько тысяч.

В 1969 году мне посчастливилось работать на фирме ФИАТ в Турине, которая, приобщая нас к итальянской культуре, однажды предложила нам поездку в ЛА СКАЛА.

Немного предыстории.

В трехкомнатной квартире, где я обитал, жили Павел Чепцов, начальник алюминиевого комплекса АВТОВАЗа и Евгений Благов из кузнечного комплекса. Молодой специалист Благов в Турине был уже более года и неплохо изъяснялся по-итальянски. Жили мы дружно. Часто готовили обеды, на которые напрашивались многие гости. Несколько раз даже делали пельмени, причем по очень простой технологии: в булочной нам делали тесто, а в мясной лавке готовили фарш по нашему рецепту.

Однажды, мы угостили мясника русскими пельменями, он восторженно восклицал: - Это не то что наши равиоли, а настоящая еда!

Но вернемся к театру.

Слушали мы оперу «Лючия де Лямермур». В антракте Павел сообщил, что ему нужно в туалет. Где находится сие заведение, мы, соответственно, не знали и ринулись на поиски. Да, кстати, я не сказал, что обслуга в театре выглядит крайне чопорно: капельдинеры щеголяют в черных фраках, позолоченных цепях на шее и прочее, и прочее. Они, как правило, довольно пожилые люди и выглядят очень импозантно.

Мечась по театру, мы увидели молодого мужчину, одетого в черный фрак, и с золотой цепью на шее. Женя ринулся к нему и спросил, где тут туалет. Мужчина ответил как-то непонятно. Женя более настойчиво осведомился, где туалет. Капельдинер недружелюбно опять что-то буркнул. К нам подошли два крепких мужика и спросили, чего это мы пристаём к Магарадже? И тут мы ясно осознали, что, мягко говоря, крупно ошиблись. Действительно на этом мужчине был прекрасно сшитый дорогой костюм и прекрасно выделанная цепь из настоящего золота, но это не делало его капельдинером.

Мы долго и нудно извинялись, после чего все-таки нашли искомый туалет.

Несмотря на инцидент, театр произвел неизгладимое впечатление.

Сцена наклонялась под необходимым углом, и видимость была отличной. Об исполнителях даже и говорить не приходится - это было бесподобно! Посетили

и музей с вещами великих исполнителей: балетными туфлями великой балерины Павловой, трубкой Шаляпина и многим другим. Мы еще, уже самостоятельно, дважды ездили в оперу, но теперь уже твёрдо знали, где туалет.

СПОРТИВНЫЙ АВТОМОБИЛЬ И АКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН

Все поездки в Милан оставили очень интересные воспоминания.

Однажды, уже немного зная язык, я приехал на фирму «ФАТА». К сожалению, автомобиль, который должен был меня встретить, в дороге сломался и, ожидая транспорт, я пошел прогуляться по городу.

Вдруг, слышу выстрелы, а по улице мчатся автомобили, из которых стреляют. Я, как и все забился в подъезд дома, около которого был. Через несколько минут все прекратилось. На фирме я узнал, что это обычное явление в борьбе с мафией. Я удивился, ведь могут пострадать мирные граждане? Мне ответили, что полиция, вернее карабинеры, стреляют только по колесам авто.

В Милане я познакомился с господином Пирелли, хозяином крупнейшей резинотехнической фирмы. Он произвел на меня сильнейшее впечатление: во-первых, своей демократичностью, а во-вторых, участием в работе фирмы. Даже обедал он в простой рабочей столовой без всяких изысков.

Мы с ним подружились, и однажды он предложил мне купить за бесценок его спортивный автомобиль «ЛАНЧА». Дело в том, что каждые полгода он менял авто, для престижа. Я, конечно, отказался, сказав, что у меня его не только отберут, но могут еще и посадить.

Был и такой эпизод в моей полной событиями жизни.

Я ещё ничего не сказал о Миланском соборе, самом большом и красивом в Европе. Впечатляет, что на нем более трех тысяч различных статуй.

Еще интересно, что около собора в Милане есть крестообразная галерея, а в пересечении креста сделана мозаика большого быка с большими яйцами.

Существует поверье, что женщина у которой не получают дети, должна покрутиться на каблуке на этих яйцах. И данные яйца сильно стерты, из-за активной деятельности женщин.

Надо признаться, что и мне посчастливилось наблюдать исполнение этой процедуры прекрасными представительницами человечества.

ГАИ И МАРИНА

У нас с женой есть хорошая приятельница. Высокая, очень эффектная женщина, как говорится, все при ней. И ко всем Марининым достоинствам (так её зовут), она еще и страстная автомобилистка.

Уточним, что все ее приключения (правда, лишь те, что нам известны), сопряжены именно с автомобилем.

Вот одно из них.

Да, я не сказал, что она замужем, у нее прекрасный муж и замечательная дочь.

Но, как говорится, рассказ не об этом.

У них был какой-то юбилей и Марина с Олегом (это ее муж), решили это отметить в ночном клубе. Сказано – сделано!

Олег, учитывая важность мероприятия, выпил, сколько мог, и за себя, и за жену.

Марина же понимая, что ехать домой далеко, выпила стакан сухого вина и принялась отдыхать душой и телом.

В три ночи, нарезвившись, она дала команду на посадку в автомобиль, но, выходя из клуба, увидела автомобиль гаишников и поняла, что идет охота на отдыхающих.

- Отъезжает «королла», - услышала она радирование гаишников, отъезжая от клуба.

При выезде на главную трассу, ее останавливает наряд ГАИ. Олег спокойно спит на заднем сиденье, а она начинает общаться с сотрудником ГАИ.

- Пьяные за рулем, это очень серьезно, - говорит служитель автомобильного культа.

- Кто пьяный? - спрашивает Марина.

- Вы, - сообщает инспектор.

- Это муж вон пьяный валяется, а я из-за вас, мужиков-уродов, не сплю все время. Не проследишь, так сразу к какой-нибудь бабе залетите.

Марина распалилась, расплакалась и стала наезжать на гаишника:

- Вот сейчас нарубишь бабок и налево, а жене скажешь, мол, я устал, всю ночь не спал - работал.

Милиционер, как и любой нормальный мужик, услышав правду в её словах, притих, почувствовал себя виноватым и сказал:

- Езжай, ради бога, и вези домой свое сокровище, - отпустил нарушительницу.

Второй эпизод, но уже другого плана.

Едет она как-то по делам в Новый город и вспоминает, что забыла выключить газ. Вернее, точно не помнит, выключила или нет, а дом деревянный и может все сгореть. Оглядевшись и убедившись, что гаишников нигде не видно, Марина делает разворот через сплошную полосу. И сразу видит, что напоролась. Ее останавливают и начинают внушение, что это грубейшее нарушение. Она соглашается и, не моргнув глазом, сообщает:

- Ребята у меня понос и я рвусь домой.

Обескураженные менты ее отпускают.

Вот такие вот зарисовки.

Не подумайте плохого, Марина очень добрая и участливая, старается всем и всегда помочь. При ней даже страшно говорить о проблемах. Она сразу, как говорится, бросается на амбразуру и начинает их решать

МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Не знаю почему, но мне трижды оперативно удаляли гланды.

Для непосвященных сообщу: гланды - это такие наросты в горле, которые провоцируют ангину. Нормальным людям оперируют единожды, и этого хватает на всю жизнь, меня же оперировали в пять, в двадцать один и тридцать семь лет. Почему - я до сих пор не могу понять, но факты упрямая вещь.

Просто так было.

Шёл 1964 год, и мне было 37 лет. Я работал секретарем парткома Ташкентского экскаваторного завода.

Для справки: в те далёкие времена я за организацию, а вернее, авторскую разработку и внедрение «инженерного часа», первым секретарём ЦК КП Узбекистана Рашидовым был назван «парторгом №1». В связи с чем пользовался всеми доступными в те времена благами и привилегиями.

После очередной операции мне дали освобождение на две недели, для поправления здоровья. Чувствовал я себя прекрасно, но прокантоваться в отличных условиях был не прочь, а так как «парторгу № раз» полагался правительственный профилакторий, то я, соответственно, туда и угодил.

Условия были идеальными, питание супер, плюс прекрасный сад в самом лучшем

районе Ташкента – Луначарском, плюс палата со всеми удобствами на три человека, одним словом – рай.

Соседями у меня были Вазген Багдасаров, президент центрального узбекского банка, и одессит Семен Бондаренко - директор правительственного гаража. Багдасаров восстанавливал центральную систему, которая у него вся была нервная, а Семен возрождался после инфаркта.

В таком вот обществе я должен был лечиться (читай – отдыхать) две недели.

Вазген являл собой полного мужчину под пятьдесят, удивительно для армянина флегматичного. Надо признать, поначалу он пытался вести умные беседы, но мы с Семеном быстро его настроили на оздоровительный лад. Настройка заключалась в бесконечных анекдотах и шутках разной степени тяжести.

В конце концов, Вазген осознал, с кем имеет дело, и переисправился.

Семен же, будучи одесситом, в самом ярком смысле этого слова, только делал вид, что все еще не выздоровел. Этот маскарад разыгрывался для жены и некоторых сослуживцев. Законная половина приходила два раза в неделю, а в остальное время его посещали девочки - бывшие или действующие любовницы. Я же на правах «старосты барака», инструктировал их перед тем, как покинуть помещение вместе с Вазгеном на целый час (так было условлено).

Я гулял, понемногу читал, но в целом томился от безделья. Хотя кормили нас на убой, мои родные часто приносили компоты в трехлитровых банках и, опустошив очередную ёмкость, я был осенён откровением, что надо бы провести медицинский эксперимент!

Написав на листочке бумаги: «Багдасаров - недельный анализ мочи», - и приклеив его к трехлитровой банке, я поставил сосуд в туалете.

Семен, естественно, был предупреждён и тайно радовался.

Прошло два или три дня, и банка была почти полна.

Я начал готовить следующую.

Да, я забыл сказать, что Вазгену было уже тяжело поднимать банку, и она была поставлена табуретку для преодоления трудностей. Хотя также был дан совет: все делать в пол-литровку и переливать.

К сожалению, продолжение эксперимента сорвал главный врач санатория. На очередном обходе Вазген спросил его, зачем нужен недельный анализ мочи. Он, главный врач то есть, вначале не понял вопроса, но затем, обладая чувством юмора и изучив наши физиономии, сказал, что больше уже не надо копить мочу, а можно всё просто вылить.

Осознав ситуацию, Вазген сообщил, что Семена он просто убьет, а меня четвертует. Через пару дней весь санаторий знал об этом в высшей степени медицинском эксперименте, и наш научный авторитет значительно возрос.

В ИТАЛИИ ВСЕ ЕСТЬ

К приезду Антонова в Турин, я уже прожил там два месяца и довольно успешно, без переводчиков, общался с итальянским общепитом и промтоварными точками. Немного об Алексее Антонове. С ним я познакомился в Тольятти на ВАЗе. Он был назначен начальником одного из управлений, и по служебным делам я с ним несколько раз встречался. Несмотря на то, что он был выходцем с горьковского автозавода, Алексей почему-то проникся большим уважением и доверием ко мне. В одну из суббот он попросил меня помочь ему купить бельё для жены.

Недалеко от нашего офиса был хороший и сравнительно недорогой магазин дамского белья. Вот, собственно, туда мы и направились. Продавщицами были две девочки - дочери хозяина магазина. Они меня уже знали, поскольку я что-то покупал для своей жены и дочери. Первым делом Алексей Антонов попросил

показать бюстгальтеры. Они спросили меня, какой нужен размер.

Алексей сообщил - девятый.

Я добросовестно перевел NOVE, то есть 9.

Девочки меня переспросили.

Тогда я осознал, что произнёс.

Девочки рухнули под прилавок, а отдышавшись, сказали, что в наличии сейчас в магазине ТАКОГО нет, но они через полчаса привезут.

Одна села на велосипед и рванула, куда глаза глядят.

Мы сели пить кофе, и Алексей поделился, что в Союзе нигде не мог купить сей обширный предмет, и жена вынуждена всё шить сама (ей в то время было меньше тридцати лет, и внешне она была миленькой женщиной).

Через полчаса была привезена коробка с требуемыми бюстгальтерами, и мы ее всю закупили.

Такая история имела место быть.

Хочется обязательно присовокупить мораль: этот факт лишний раз показывает, что нужды рядового человека в нашей стране никого не интересовали.

Да и сегодня, хотя любой лифчик можно купить, правда, при наличии денег, нужды рядового человека никого не интересуют.

Возможно, нужно подождать еще лет пятьдесят, а может и все сто.

КОМАНДИРОВКА В ИТАЛИЮ

Появилась необходимость поехать в командировку в Италию. Кроме меня, группа состояла из трех директоров больших предприятий (один из них уже в то время был, как сейчас называют, олигархом).

Старшим группы был я, так как Италию уже знал и бывал там неоднократно.

Довольно сложно оформлялись документы, причём процедура длилась буквально до последнего дня.

Мы втроем, я и два директора, из Курумоча в Москву летели вместе. Олигарх, назовем его Александр Николаевич, отбыл в Москву на три дня ранее, ссылаясь на дела.

Билеты и необходимые документы были у меня, и мы договорились встретиться в аэропорту Шереметьево.

Как положено, за два или три часа до вылета мы, то есть я и два директора, были в аэропорту. Олигарх отсутствовал. Оформив документы, мои товарищи прошли в зал посадки, я же остался ждать. Уже дважды объявляют посадку, а олигарха все нет. Буквально за несколько минут до окончания посадки подъезжает автомобиль, и двое мужчин вводят его под руки. С большим трудом я провожу его через таможню и пограничников и с помощью друзей всовываю в самолет. Сажусь рядом с ним, чтобы при необходимости принять какие-то меры.

Через час полета Александр Николаевич говорит мне: «Если я сейчас не выпью, то умру». Я прошу у стюардессы двухсотграммовую бутылочку коньяка. Она приносит, олигарх мгновенно ее выпивает и засыпает мертвецким сном.

Еще через час полета он вновь очнулся и вторично попросил выпивку. Ситуация повторяется.

Наконец, мы в Риме в аэропорту. Нас встречают на двух мерседесах. Дело в том, что мы должны пересечь Италию с запада на восток, а это три часа быстрой езды на автомобилях. Дорога довольно сложная: три или четыре десятка туннелей, длиной до десяти километров.

Мы укладываем олигарха на заднее сиденье, он мирно спит, а затем вновь, проснувшись, просит выпить, но я ничего ему не даю, и он вновь засыпает.

Приезжаем на место, я беру олигарховский паспорт и оформляю гостиницу.

Поместив олигарха в номер, предупреждаю, что для нас заказан представительский ужин и что через три часа я зайду. Прошу его быть в нормальной форме и не пить до ужина.

За полчаса до ужина я захожу за ним. Он уже проснулся и даже сходил под душ. «Летим ли мы сегодня в Италию?» - спрашивает он меня. Он не хочет подводить всю нашу команду и готов лететь немедленно! Мы падаем на диван и чувствуем, что можем погибнуть задохнувшись. Когда мы ему сообщили, что уже прилетели и идем ужинать, он не мог поверить.

Вот такая история.

Олигарх уже давно не живет в нашей стране, хотя и пользуется ее благами.

НАШИ ГОСТИ

Людмила Кобурнеева

Этот рассказ публикуется в журнале по просьбе Александра Рудого, основателя литературного жанра нашей семьи.

Счастливы вместе

Посвящается Александру

Она просыпалась почти всегда одинаково: начинал работать мотор одной из машин, оставшихся на ночь во дворе. Выхлопы и шум, казалось такие же материальные, имеющие объем и вес, как и сама машина, нагло устремлялись в окно, сметая на своем пути и цветы, стоящие на подоконнике, и жалюзи, подталкивая в спину нас, еще спящих, заставляя начать ворочаться и прятать носы от въедливого запаха.

Сосед-физкультурник, слава Богу, не производя шума, как всегда делал безумную разминку, попирая набором упражнений все мыслимые каноны любительской утренней зарядки.

Дворник рьяно мел двор, поднимая вверх клубы пыли и считая, что делает доброе дело.

С грохотом поднимались ролл-ставни в магазине на первом этаже.

Но вот машины разъехались, магазин открылся, улеглась пыль, развеялись выхлопы, и наступил черед птиц. Их рулады стали первым планом всех уличных шумов и тут же окрасили происходящее во дворе утренним колоритом, и если даже к очаровательным трелям присоединялось карканье ворон, чувствовалось начало дня, нового наступающего дня.

Она просыпалась все еще лениво, но уже осознавая себя в новом дне. Живой черный глаз, внезапно повернувшись к ней, как бы проверил, в ритме ли с ним она функционирует, убедился, что в ритме, что тоже открыла глаза, и улыбнулся, протянув свое ласковое «ну-у-у?!». Это «ну-у-у!» вмещало много всего: и радость от того, что наступил новый день, и они опять вместе, и вроде здоровы, и вроде веселы, и не предвидится никаких стрессов, а все будет идти так, как они привыкли, а, как известно, «привычка свыше нам дана...» и так далее, и что скоро будет свежесжатый сок и ароматный кофе, запах которого еще раз и, на этот раз окончательно, подтвердит, что новый день жизни начался.

Новый день при спокойном течении жизни был похож на предыдущий, как две горошины в стручке похожи друг на друга. Но, делая первый глоток утреннего кофе, она испытывала щемящее счастье именно от предсказуемости происходящего далее. Вот сейчас он, в очередной раз выразив недовольство погодой, какой бы она ни была, если жаркой – то духотой, если дождливой – то сыростью. Как всегда постенав «на публику», которую представляла одна она, допивающая свою чашку, что надеть, конечно же, нечего, не хватает многих вещей в гардеробе, а она на это не обращает внимания, что он – брошенный и никому не нужный, пококетничав со своим отражением в зеркале, стоит у порога, готовый уходить «в забой» - его любимая формулировка ухода на работу. Теперь ее реплика про осанку, про удачу, про звонок домой. Он выходит, и дверь закрывается. Она остается одна в квартире – наедине со своим Домом, именно, не в нем, а наедине с ним. Она жила здесь всю жизнь и ощущала его как живой организм, доброжелательный, понятливый, до боли любимый, готовый одним из

своих уголков поддержать в трудную минуту, другим – развеселить, третьим – навеять ностальгическое настроение. Эти «уголки», соединяясь воедино, представляли тот самый букет настроений и ощущений, которые она испытывала ежедневно и которыми она жила.

У нее была трудная внутренняя жизнь с бесконечным анализом, размышлениями и почти никогда не уходящей из головы мыслью о конце бытия. Эта мысль жила с ней всегда – и когда ей было плохо, но и когда ей было прекрасно, она тоже внезапно возникала и простреливала своей беспощадной и четкой правдой. Она часто думала о том, что все, что она обожает, свой дом, свою дачу, чужие страны и их щемяще красивые, не наши горы, море, улочки, наши среднеполосные необыкновенно величавые пейзажи – все это останется, а она исчезнет с лица Земли навеки... Она не будет знать, как живут дальше ее дети, что с ними будет потом, о чем они будут мечтать, что читать, и будут ли помнить? И в связи с этим она не могла не думать о них двоих, о том, что конец не придет одномоментно к обоим, а кто-то останется один, и как это пережить, и как жить потом, и зачем тогда жить...

Есть? Спать? Читать? Смотреть? Путешествовать? Все это имеет смысл, когда он рядом, и даже либо читая, либо отдаваясь действию по телевизору, она слышала его, ощущала каждое его движение, знала, зачем он встал сейчас и почему сел здесь, а не подальше. Для нее все звуки их дома были связаны с ним, и она знала их, и это были родные, привычные, успокоительные звуки!.. Вот чмокнула дверца холодильника, щелкнул чайник, скрипнули половицы – это он решил попить чайку. Вот шаги пошли дальше, в комнату, где библиотека – это он, в очередной раз окинув взглядом книги, скажет «опять почитать нечего» и начнет приставать с просьбой «обслужить его», найти ему книгу.

И она всегда знала, что все эти мелочи, вроде бы просто житейские мелочи, занимают огромное пространство в ее жизни. Без них получилась бы гигантская дыра, и ее нечем было бы подлатать, и пришлось бы ходить по краю, нащупывая дорогу, боясь упасть в бездну.

Они остались вдвоем – дети давно отселились, разъехались, определились. В быту не раздражали привычки другого, с интересом наблюдая всех и все вокруг, жили по своим устоявшимся правилам, были интересы друг другу каждый своей философией, если так можно назвать какую-то уже сформулированную стратегию жизни. А легкое и ласковое подтрунивание, принятое у них в семье, только веселило - в результате появился своеобразный семейный «фольклор». Чувство юмора, слава Богу, было у обоих. Она обожала его шутки и называла «классиком» за острый взгляд, сочный язык и почти художественные образы, которые он легко лепил словесно и литературно обрамлял. Они функционировали как хорошо отлаженный механизм, любили одинаковые вещи и дружно жили-поживали. Жизнь их была счастливой в том простом понимании счастья, когда утром хочется идти на работу, а вечером хочется идти домой.

Но был один аспект жизни, который их разъединял – это отношение к общению. У нее было много подруг: по своей физической природе она не выносила одиночества. Он же, наоборот, имея много разных людей в своем окружении в силу специфики работы да и просто по жизни, неохотно шел на общение во вне рабочее время, не расширял круг друзей, не любил ходить по гостям и, вообще, жил по принципу «мой дом – моя крепость», иногда доходя до абсурда, с ее точки зрения, в этой своей установке.

Когда-то она пыталась вразумлять его, объясняя, что это, в принципе, неправильная жизненная позиция и что, главное, это не устраивает ее – его половинку. Не помогало. Потом она внезапно поняла, что все речи бессмысленны – он такой, да и годы шли все быстрее и быстрее: желание посидеть дома стало

превалировать над остальными, четкий ритм жизни не утомлял, а общением она себя все равно не обделяла.

Но в минуты недовольства им она усматривала в его поведении душевную черствость и эгоизм, ей стало казаться, что она его придумала, что, возможно, он совсем другой, а она этого просто не видит. Эти размышления портили ей настроение, потом она вдруг все отметала и вроде бы успокаивалась. Но оставалась некая червоточина, мешавшая, порой, принимать его безоговорочно, открытой душой.

Иногда она опять возвращалась все к тому же и вновь оставалась, в буквальном смысле, при своих интересах. Теперь их дебаты на заданную тему проходили быстро: каждый по прежнему стоял на своем, и она с этим почти смирилась, но мысли бродили в голове, а выводы не радовали.

Она любила сегодняшний день и не любила возвращаться во «вчерашнее». Не потому, что там было плохо, наоборот, у нее была очень активная юность, молодость с интеллектуальным общением, с путешествиями, с приключениями. Она пользовалась успехом: ее любили, уважали, ценили. Она тоже влюблялась, делала ошибки, очень страдала, но бывала и безумно счастливой. Много ездила, и там, где бывала, всегда приобретала друзей, любила с ними общаться, любила жизнь, и когда слышала стенания на тему «плохой жизни, и как бы ее закончить», говорила всегда одно и то же: «Единственно, что у нас есть – это жизнь, все остальное – плохое ли, хорошее или прекрасное – производное от нее. Без нее не будет Ничего». Не Бог вещь такая мудрость, но она, действительно, любила жизнь, не могла принять конечность бытия и то, что когда-нибудь наступит Уход. ...А начавшийся день уже шел. Ей многое нужно было успеть сделать по работе – она работала на дому, но она подумав о вечере, о «дружном семейном ужине», (как любил, шутя, говорить он, имея в виду и дружбу, и любовь, и, безусловно, щедро накрытый стол), собралась ненадолго выйти за покупками, чтобы потом засесть за работу, когда зазвонил телефон.

Голос она узнала сразу, хотя он был совершенно неожиданен; удивилась, очень удивилась и чуть поморщилась: это было то самое «вчерашнее» и даже «позавчерашнее», абсолютно неожиданное. Когда-то была легкая влюбленность, они встречались, часто проводили время в беседах, можно сказать, о жизни, ей нравилось в нем, что он любит литературу и даже сам пытается писать. Он был старше и казался ей умудренным каким-то тайным для нее опытом жизни, другой, не той, что жила тогда она. Это завораживало ее, тем более, что ее суть всегда тяготела к сложному, простое ей было неинтересно. Ей нравились его размышления, планы на будущее и маленькие шажочки по их реализации, которые тогда он только начинал делать. Потом на нее рухнула Любовь, как шапка снега с козырька крыльца, накрыла, свалила, почти прибила... Она вмиг с ним рассталась, позднее вспоминала, но если и возникал он в памяти, то как-то нелегко, невесело, непразднично, ощущение потерянного счастья, которое было вроде бы близко, отсутствовало. Видимо, тогда она еще не была готова к такому типу мужчин.

А жизнь бежала, бежала... Как-то услышала, что он женат, жену хвалили, дети, то есть все, как у всех... Потом несколько раз она встречала его на улице и еще где-то мимоходом. За несколько минут общения она увидела человека, раздраженного, нездорового, что возможно, и делало его таким, а может это было его тогдашним, сиюминутным настроением, она не поняла, но душой отвергла его сразу же. Она не любила тяжелых людей и считала, что для случайно встреченных знакомых всегда можно и даже нужно создать иллюзию беспроblemного течения жизни. Наверное поэтому, интуитивно, но верно почувствовав его характер за то недолгое время, что они общались, она и

рассталась с ним в такой далекой юности, хотя встречались, встречались... И он даже хотел сделать ей предложение.

И еще она не принимала его философствований на тему отношений мужчины и женщины.

Ей казалось, отношения начинаются так. Встречаются два человека – мужчина и женщина. Вначале беглый взгляд на лицо, фигуру, потом голос, слова, и вот на фоне этого первого узнавания вдруг возникает какое-то необыкновенное чувство, пока непонятное, но явно волнительное, тревожащее душу и тело. Как будто разом все меняется, становится другой картинка жизни, из черно-белой, привычной, превращается в цветную, пока еще слегка раскрашенную, пастельную, но уже чувствуется, как краски наливаются цветом, и картинка становится все ярче и пронзительней. Рождаются новые ощущения, зарождается Чувство, ниспосланное свыше. Это первая, как бы не по нашей воле возникшая начальная искра Божья может разгореться в пожар, если обнаружится то самое родство душ, которое возбудит и приведет к началу отношений. Но если человек откроет рот и захочется, чтобы он его сразу же закрыл, то какая бы стать у него ни была и на какие бы сексуальные подвиги не намекала его фигура, такой экземпляр для нее не существовал. Для нее главным было интеллектуальное начало, родство душ, и именно это рождало сексуальный интерес. У нее все проходило через голову, и только потом – физическая близость.

Он думал по-другому, настаивал, объяснял, она не принимала его точки зрения совсем, более того, она ее тогда сильно раздражала. Позже она поняла, что, видимо, это был чисто мужской подход к проблеме, и она зря злилась, не принимая его. Но она была так молода тогда...

...Он был довольно сух и деловит. Нашел когда-то давным-давно он ее по-нужде: оказывается, они оба знали одного человека, он вдруг об этом вспомнил, который мог вывести на другого, нужного ему для какого-то дела. Договорились, что она позвонит, когда будет какая-нибудь информация.

Это вторжение «вчерашнего» в день сегодняшний, милый ее сердцу, где все, как в хорошей мозаике, складывалось в конце дня в качественный узор бытия, в котором было многое: и работа, и общение, и размышления, и даже немного творчества – не испортило ее настроения, она забыла о звонке почти сразу. А дальше все было ожидаемо и предсказуемо: дружный ужин, какие-то разговоры и вечерние занятия – размеренное течение семейной жизни вдвоем, рядом друг с другом, каждый со своими впечатлениями от прожитого дня. Как ее муж это любил и как часто подчеркивал, что им никто не нужен, что все уже со всеми переговорено и все известно, и что его вполне устраивает только она, их дом, их досуг.

Он с юмором описывал свои трудовые будни, у нее был свой дружный коллектив из подруг и впечатления от каждого дня: разговоры, обмен мнениями обо всем, что творилось вокруг – политика, культура да просто сегодняшний день. Многое обсуждалось уже не раз, чему он всегда поражался, но как она говорила, прожитые годы по-другому окрасили тот или иной кусок жизни, расставили другие акценты, что и заставляло задумываться и возвращаться к ним. Какие-то темы были, можно сказать, вечными, а некоторые пришли только сейчас, когда несколько изменился уклад жизни и появились новые заботы, новые интересы. А поскольку она обожала общение, то темы рождались сами по себе: как бы потянешь за ниточку, и начинает распутываться весь большой клубок.

Она не сказала ему о звонке, не скрыв этот факт, а не придав ему никакого особого значения: что было – то прошло, да и что было-то... Потом шла целая жизнь, и в ней было столько всего, что тот ее кусочек оказался маленьким эпизодом, никак не повлиявшим на ее становление, как говорят, не ставший

главной вехой в развитии ее личности, хотя общение с каждым, встреченным по жизни человеком приносит что-то, порой четко не обозначенное и несформулированное.

Очередной день заканчивался, и почти, как всегда, она была им не очень довольна. Она часто думала о своей жизни, оценивала ее и так и сяк. Навязчивая идея оставить что-то после своего Ухода, какой-то след, какую-то память, хоть на какое-то время, мучила ее давно. Понимала, что не сможет сделать что-то необыкновенное, чтобы войти в историю, но все равно мучилась, хотя и дерево посадила, и детей вырастила, и дом обустроила, и вышивала, и вешала на стены, но довольна всем этим была не очень. Все было не совсем то. Ей хотелось чего-то большего, весомого, чтобы почувствовать удовлетворение, незрешность своей жизни.

Утром следующего дня она вспомнила о звонке, по телефону нашла нужного человека, договорилась обо всем и набрала его номер. Голос его был невесел, хотя он искренне благодарил и даже чуть позадавал вопросы: как тот, как этот? Но мягкости в голосе не прибавилось, как бывает, когда неожиданно разговоришься и начнешь обмениваться мнениями обо всем, как добрые приятели, с удовольствием отмечая общие взгляды, точки соприкосновения в оценках, вспоминая общих знакомых, приговаривая, кто бы мог подумать, что так все будет у нее или у него. Этого не было. Разговаривал сдержанно, скупое, что-то комментируя, вроде бы даже без интереса, как-то вяло, потеряно. Хотя вопросы задавал и как бы хотел разговариваться, но что-то ему мешало... И только когда она поняла, что разговор не очень клеится, что нужно прощаться, и стала говорить заключительные общие слова, типа «всего тебе хорошего», он вдруг бесцветным голосом сказал, что недавно похоронил жену, что все произошло и внезапно, и очень быстро, и очень страшно, и нелогично, потому что в их семье больным был всегда он, и как все это могло случиться, и почему, и как жить дальше, ведь жили счастливо и долго, и как быть теперь ему одному...

Она слушала молча, понимая, что он и не ждет никаких слов. Да она и не могла ничего сказать – в нее как бы перелился весь тот ужас от свершившегося, который испытывал он. Как часто она думала обо всем этом, как старалась освободиться от этих мыслей, говоря сама себе, что ничего не зависит от нас, что все предопределено, все в руках Всевышнего... Мы же можем только любить и ценить каждый миг жизни, такой короткой, которая только кажется длинной.

Она думала о нем весь день, его безрадостный голос звучал в ушах, сопереживала ему до боли в сердце, представляя его опустевший дом и одиночество, которое обрушилось на него всей своей ледяной мощью. Она пыталась выбросить его из головы, но жизнь ее уже легонько уклонилась в сторону, совсем незаметно и едва-едва ощутимо. Она поняла, что не сможет его бросить, что хочет поддержать, помочь выйти из безрадостного ожидания начала наступающего дня, который не принесет чуда. У него были дети, внуки, но он жил один, у него было любимое дело, которое помогало ему, но сейчас этого было мало.

Она вдруг решила, что невидимые нити былой симпатии могут помочь ему чуть ожить, а воспоминания немного растормошат, уводя в прошлое от сегодняшнего дня, может быть, заставят думать о былом, отвлекут от одиночества.

Она стала ему звонить.

Вначале он реагировал на ее звонки вяло. И даже легкое недоумение сквозило в его первых словах. Уйдя в себя, он вроде бы и не нуждался ни в чьем внимании, а тем более в длинных разговорах. Обсуждение житейских проблем сегодняшнего дня вызывали каскад раздражения, он немного оттаивал, когда говорили о литературе или вспоминали былое, но потом опять уходил в себя, и уже можно

было прощаться и класть трубку.

Часто утром, проводив мужа, увлекшись делами, она вроде и не собиралась звонить, но, представив его в одиноком, утратившем свой уют доме, снова подходила к телефону и набирала его номер.

Потом, много позже, они стали разговаривать на разные темы, и было уже неважно, что часто их точки зрения не совпадают, что, наверное, они прожили это кусок жизни (большой кусок!) с разными приоритетами, может быть, с разными оценками каких-то событий давних лет и сегодняшнего дня тоже. Главным стало то, что ему уже хотелось разговаривать, что-то вспоминать, что-то обсуждать. Он начал ждать ее звонков. Горе не уходило, но он учился жить с ним.

Она видела результаты своих усилий, и это глушило ее неудовлетворенность собой и наполняло особым смыслом ее существование в сегодняшнем дне.

Человеку, не родному, не близкому, просто страдающему человеку стало чуть лучше, и это было для нее очень важно. Приходило успокоение, наступала душевная тишина. Казалось, рождалось нечто таинственное, так необходимое для ее счастья. Она не могла бы точно объяснить, что происходит, но уверенно знала, что-то меняется.

Шли недели, подступали праздники и, как всегда, должны были произойти разногласия с мужем: он опять не захочет никуда идти.

А она решила их познакомить.

Интуитивно она чувствовала, что они найдут общий язык, и общение удовлетворит обоих. Но чтобы оно началось, надо переступить через что-то не очень принципиальное, но переступить...

Она не хотела вступать в пустую полемику и тратить на это вечер, поэтому, когда утром он открыл глаза и улыбнулся ей, она спокойно, ровным голосом начала говорить. Она сказала, что на праздник их ждут в одном доме. И что пойти нужно обязательно, для нее это очень важно.

Его реакция была предсказуема, тогда она стала рассказывать об этом человеке, об его трагедии, о страхе быть одному, наконец, о сострадании, что она не верит, будто он не понимает ситуации, и как можно за малым не видеть большого, конечно, это очень трудно постараться понять кого-то рядом, выслушать, что-то великодушно стерпеть, в чем-то помочь. Это первые праздники, когда он один, почему же не поддержать, а если бы кто-то из нас...

Она говорила, не останавливаясь, и убежденность в своей правоте придавала ее голосу уверенность и силу.

...Впервые за последнее время он ушел на работу весьма сдержанный, отстраненный, почти чужой. Она осталась одна и все переменялось вокруг: ее Дом перестал ей быть родным. Ей показалось, что привычное окружение не имеет к ней никакого отношения, будто она непонятно как оказалась в этих стенах. Она потеряла ощущение комфорта – все вокруг стало чужим.

Она не смогла бы облечь в слова то, что она чувствовала, как будто не сформулированное «это» не имело власти, и все еще могло обойтись и встать на свои места, и чувство, пока еще смутное, но появившееся в ее душе, не станет развиваться в нечто большее, могущее разрушить их существование друг подле друга, такое теплое и комфортное.

Потом ей вдруг становилось его жалко: она думала, как обедняется его жизнь, если он не испытывает тех чувств, которые сейчас стали для нее очень важными. Значит, все-таки они разные, может даже чужие... И она опять впадала в отчаяние.

Она металась весь этот длинный день, анализируя и переосмысливая, не понимая, как быть, как сохранить все, что было, как все расставить на свои места, чтобы он не стал ей чужим, чтобы вновь сложилась радостная картинка их жизни.

Он не звонил весь день. И вечером, когда пришел, она не стала его встречать, как всегда встречала, радостно устремляясь с любой точки квартиры на звук открывающейся двери.

Но когда он зашел в ее комнату и сказал, что, конечно, они пойдут, что он все понимает, как она, и принимает, и зачем так реагировать на особенности его характера, что они вместе, она поняла, что этот длинный, тяжелый день, наконец, закончился.

Лукавил ли он, она не знала, но то, что она слышала, говорило о многом. А когда она посмотрела на него и увидела его глаза и чуть смущенную улыбку, она ощутила счастье. Ее поняли. И все не зря – и первая искра Божья, и их Дом, и ее Покой.

* * *

Копаясь в ящиках стола
И вспоминая все, что было,
Я вдруг с испугом поняла,
Что все давным-давно уплыло.
Что очень много не сбылось,
В мечтах осталось, пронеслось
И растворилось, разметалось,
Что жизни вовсе не осталось.

Воспоминания прекрасны –
Мы часто ими и живем,
От них в загул мы не уйдем.
От них заплачем тихо, грустно,
Зажжем камин и станем пить.
И хорошо б кота купить!

СТИХОДРОМ

Аркадий Мейдбраер

Меня зовут Аркадий Мейдбраер.

Стихи пишу со школы.

Во время обучения в Куйбышевском пединституте посещал литобъединение «Молодая Волга» Куйбышевского поэта Анатолия Ардатова, а потом другое - у поэта Бориса Соколова.

Раньше мои стихи публиковались в студенческих газетах МАБиБД и в университетской газете Филиала РГГУ в г. Тольятти. Но мне хотелось их опубликовать в журнале. И вот такая счастливая возможность мне была предоставлена.

С Ольгой Александровной Вавилиной я познакомился во время награждения участников городского учительского конкурса «Учитель года». Потом в школу «Ор Авнер», где я работаю учителем истории, пришла учиться её дочь Кристина. Теперь у нас учится её младшая дочь Бэлла. Услышав мою просьбу, Ольга Александровна любезно согласилась опубликовать мои стихи в своём журнале. Такая вот история.

Многие в юности пишут стихи, но немногие способны пронести сквозь жизнь ясный и чистый взгляд на вещи, сохранить душевное тепло и радость восприятия многообразных граней бытия. Это отличительные черты юношеской поэзии умного и доброго человека, преподавателя, неизменно пользующегося любовью студентов, доцента кафедры гуманитарных дисциплин филиала РГГУ в Тольятти Аркадия Самуиловича Мейдбраера. Его восхищение "прекрасным светом поэзии" требовало действенного самовыражения, и в студенческую пору он входил в самарское литературное объединение "Молодая Волга", возглавляемое известным поэтом Анатолием Ардатовым, посещал литобъединение Бориса Соколова на филфаке педагогического института.

Прелесть тонкой и нежной лирики А.С. Мейдбраера не в законченности и совершенстве, а в мудрости сердца, открытого навстречу людям, готового их любить, "если они добры к нам - в благодарность, если излишне требовательны - за науку". И думается, его стихи никого не оставят равнодушным.

Ирина Розенфельд

В поэзию играть нельзя,
Она такого не прощает,
Лишь тем, кто жизнь ей посвящает,
Препоручает часть себя.

Признание
Одну тебя во всем я вижу,
Твой чудный след и умный взгляд,
В речной волне дыханье слышу
И целоваться с ним я рад.
Тебя люблю я больше жизни.
К чему блеск славы и наград?

Сто раз влюбляюсь в твоё имя,
Сто раз поймаю этот взгляд,
И навсегда я буду счастлив,
И как никто я буду рад!

Силуэты
На фоне вечернего неба
Сплетенные два силуэта,
А справа от них и слева
Вся лунная спит планета.
Ни звука, все замерло в мире,
Картина слилась с горизонтом,
Два тела любви воскресили
Адама и Еву из мертвых.

С Днём Победы!

1

У каждого была своя война
Свой счёт потерям, горю и разлуке,
И детство опалённое она
Подвергла страшной и жестокой муке.
Погиб отец у мамочки моей,
И сколько горя ей пришлось изведать!
Спросите у чужих и наших дикарей
О том, о чём бывает страшно ведать.
Узбекистан! Он «родиною» стал
Суровой мачехой, с тяжёлою работой.
Кто этого всего не испытал,
Тот не поймёт и даже доли сотой...
А возвращение в «родимые» места,
В город расстрелянных
и тех, кто всё нахапал...
Страданий жутких море без конца,
Когда от голода брат младший Нюмка плакал.
А город, для которого мой дед
В жестокие года творить добро старался,
Когда его семья вернулась, город вслед,
Забыв про всё, паскудно усмехался.

2

Есть женщины в русских селеньях,
В еврейских они тоже есть,
В их жизни прекрасных мгновеньях
Присутствуют мудрость и честь!
И если б не бабушка Зина,
Не выжили б наша семья
І рідна моя Україна.

* * *

Я ощущаю связь с родной землёй,
С тем небольшим кусочком мироздания,
Где ивы наклонились над водой,
Где осени так ярко увяданье,
Где яблонь цвет, как вечности залог,
Своим неповторимым обновленьем
Внушает мысль, что нет понятия «рок»,
А есть лишь жизни вечное движение...
С весенних капель пью природы чашу,
В себя вбирая мира полноту...

Ирина Денисова

Я отпускаю тебя...

Может быть, ты и прав...
И пусть твоя Муза идёт с тобой рядом,
А я отпускаю тебя,
И думать обо мне, прошу тебя, больше не надо.

Обид на тебя держать не хочу,
Да и не буду.
Иди своей дорогой, не думай больше обо мне,
Ну, а я тебя не забуду.

Гордость! Приходи мне на подмогу,
Знаю, ты меня не подведёшь,
Настрадалась столько, слава Богу,
Никакой уже не страшен нож...

Ольга Вавилина

Русская Скарлет О'Хара
В юбке из шторы живёт,
Ездит на чёрной машине,
В хоре еврейском поёт

Эпиграмма
на Ольгу Вавилину
Ирины Глуховой

САГА О...

Тольятти – это град машин, с конвейера струящихся.
Теперь здесь доллар господин, глумливо веселящийся.

Тольятти – это женщин рой, красивых до безумия.
Идут они сплошной толпой, страдая скудоумием.

Тольятти – это мужики, что фирм пооткрывали.
Они совсем не дураки, но нету в них морали.

Тольятти – это детвора, весёлая, задорная.
Им бы долбаться до утра – когорта подзаборная.

Тольятти – это хвойный лес, царицею посаженный.
Любим согражданами, он и потому загаженный.

Тольятти – это общепит, что пабом называется.
Но цены тут для горожан повышенно кусаются.

Тольятти – это «Колесо», что театром здесь зовётся.
Хоть и бездарное оно, с телеги не сорвётся.

Тольятти – это громадьё Татищева над Волгой.
К нему стекается народ шашлык занюхать воблой.

Тольятти – это целый воз учебных заведений.
Но попадёшь туда за грош, считай, уже не гений.

Тольятти – это мэрия, бумаг столоверчение.
Сидит там куча «чайников» - сего града начальников.

Тольятти – это мэр – дурак, причём кого б не выбрали.
У всех у них с мозгами швах, извилины все выбриты.

Тольятти – это город – сад, не верьте мне, граждане.
Здесь каждый житель меценат, поэт, писатель, демократ и... столбовой дворянин.

Евреи – это...

Евреи – это голова всему и всем на свете,
Но получилось, как всегда, хотя и божьи дети.

Евреи – это Карл Маркс, Эйнштейн и Резерфорд,
А получилось, как всегда, избранный народ.

Евреи – это музыка, наука и культура.
А получилось, как всегда – масс мускулатура.

Евреи – это Холохост, Освенцим и Майданек.
А получилось, как всегда – ничто нас не раздавит.

Евреи – это мать, свеча, молитва на рассвете.
А получилось, как всегда – пророка нет на свете.

Евреи – это как пример, любите, ненавидьте.
Пусть будет всё, как не всегда - себя в себе примите.

Розенфельд Ирина Адольфовна **Стихи для детей**

От автора

Приятно напечататься в столь привлекательном и интересном семейном журнале среди его замечательных авторов. И если этому необходимо искать оправдание, то состоит оно в «теории знакомств»,

согласно которой, все люди через каждые шесть контактов знакомы друг с другом.

Сначала на одном из жизненных перекрёстков (под названием Российский государственный гуманитарный университет) встретились представленные здесь

«начинающие» поэты: Аркадий Самуилович Мейдбраер и Ирина Адольфовна Розенфельд. Затем их непохожие стихотворные вагончики потащил за собой «локомотивчик» - Ольга Александровна Вавилина. Так они и оказались на этих страницах, с чем сами себя и поздравляют.

Розенфельд Ирина Адольфовна родилась в 1956г. в Самаре. Имеет два высших гуманитарных образования. Работает преподавателем в Поволжской академии государственной службы. Стихи любит с четырёх лет. Всё остальное время их пишет.

Жила была Вовилкина,
Болталкина, Смешилкина.,
Шепталка-Обижалкина
И попросту Зазналкина.

Ах, если бы Училкина
И Маме - Помогалкина,
Со – Всеми – Подружилкина,
И Больше – Всех – Читалкина!

* * *

Я поссорился с Антошкой навсегда!
Больше с ним дружить не буду никогда!
Он без спроса моим мячиком играл
И меня на день рождения не позвал.

Я уже с ним очень долго не дружу.
Я два дня к нему совсем не подхожу.
Он играет без меня - я без него,
А без друга жить на свете нелегко!

Оказалось, он своим мячом играл,
А на день рождения не звал
Он еще и вовсе никого-
Оно только через месяц у него.

И сейчас в большой печали я:
Без Антошки стала грустной жизнь моя.
Что теперь мне делать? Как мне быть?
Как с Антошкой мне снова задружить?

Игрушки

Очень с игрушками жить интересно!
Спрятаться могут они и под кресло,
Могут забраться тайком под кровать,
Любят они по квартире гулять.

Сосулька

Сосулька была грустная,
Прозрачная и узкая,
На землю тихо капала:
Она весною плакала.

* * *

У нашей Финтифлюшкиной
Прическа просто класс:
Десятка два косичек-
По-моему, как раз!

Смотрю я на косички
И думаю: «Ура!
Аж, двадцать можно дергать -
Такая красота!»

* * *

Три банки варенья,
Сто сорок конфет
Да пачка печенья-
Вот был бы обед!

* * *

1. Плохое настроение - какая чепуха!
Съешь парочку мороженных - и жизнь так хороша!
А можно просто мультики часочек посмотреть
Или гулять под дождиком, но только не реветь!

2. Если у вас настроение плохое,
То никому не давайте покоя:

Громко кричите, ботинки кидайте,
Вещи по комнате все разбросайте.

Пусть знают - на что вы готовы в печали,
Родители вам удружат тогда сами:
Конфет уж не купят, в кино не возьмут
И в угол поставят на сорок минут.

Мятая тетрадка

Вашу тетрадку корова жевала
И после этого очень устала?
Так дайте бедняге немного вздохнуть-
Вы сами пожуйте тетрадку чуть-чуть,
Ногой потопчите, помните руками,
Довольны учитель, корова, вы сами.
Такую тетрадку, отдав на проверку,
Не меньше пятерки получишь отметку!

Трусишка

Очень страшно ночью одному лежать:
Могут злые тигры забраться под кровать.
Спрячешь под подушку голову свою,
А под одеялом встретишь ты змею.
Кто-то тут незримо бродит в темноте
И совсем неслышно прячется везде.
Лучше уж не буду спать я никогда
Вдруг эти чудовища явятся сюда?

* * *

Звездное небо волшебное живое,
В нем движется все и не знает покоя:
Тут обитают огромный Дракон,
Венера, Юпитер и старый Плутон,
Куда-то усталый Возничий спешит,
Птица летает, плавают Кит,
А чтоб отыскалась дорога легко,
На Млечном Пути разлито молоко.

* * *

Лопухий, чуть косолапый,
Рыжий львенок мне подал лапу,
И с серьезностью самой взрослой
Он легонько потер меня носом.

Мы прошли по осеннему парку,
По шуршащей и ломкой листве,
Рыжий львенок бродячим котенком
Одиноко жался ко мне.

Воздух был и прозрачен, и звонок,

С тихим шорохом падал лист.
Сердце к сердцу – я и львенок.
Наваждение...Сказка...Не быть...

Гном

Гном был старый, ворчливый,
В шапочке остроконечной,
Он отвечал сердито
И примостился за печкой.

Я его угостила
Конфетами и шоколадкой,
Тут он взглянул лукаво
И предложил сыграть в прятки.

Долго его искала,
Даже в шкаф заглянула,
А он тихо сидел, смеялся,
Под потолком, на люстре.

* * *

«Главное в жизни - крепкий рог»,-
Так утверждает носорог.

Жираф считает: « Лучшее в мире-
Шея длиною метра четыре».

Кто из них прав - не знаю я,
Придется, пожалуй,
спросить у слона.

* * *

У рыжей лисы пушистый хвост,
У дятла длинный- длинный нос,
У зайца уши большие,
А человека приметы какие?

* * *

- Ну, зачем ты так спешишь? -
Поучала мышкумышь, -
Так легко можно пропасть -
Прямо к кошке в пасть попасть.

Фунтик и Шпунтик

Фунтик и Шпунтик
Отправились гулять.
Сначала они дружно
Залезли под кровать,
Затем солидно спальню

Тихонько обошли,
В гостиной на диване
Чуть-чуть попрыгали,
На стульях покачались,
На кухню забрели,
Два пирожка с картошкой
Умяли там они,
И, наконец, вернулись,
Окончив длинный путь,
Еще в кроватях часик
Отличненько вздремнуть!

* * *

Кто такие Пеппи-Длинныйчулок,
Тим Талер, Мери Поппинс,
Дик Сенд, Бильбо, Суок?

Знакомы вам Том Сойер
И Геккельбери Финн,
Пантагрюэль, Айвенго,
Шерлок Холмс, Ахилл?

Герои разных книжек,
Они твои друзья,
Пренебрегать друзьями,
Конечно же, нельзя!
В литературном мире
Они давно живут,
Открой на часик книжку -
Тебя давно там ждут!

* * *

По небу голубому
Крылатый слон летел,
И о слонах веселых
Он громко песню пел.

Со стаей воробьиной
Помчался далеко
И был безмерно счастлив,
И очень глубоко.

* * *

Фарфоровая кошечка
С зелеными глазами,
С цветочками на спинке
И длинными усами.

Она живет на шкафчике
Высоком бельевом,
И с самого рождения -
Шесть лет я с ней знаком.

* * *

Солнце ярко светит
В небе голубом,
Воробьи чирикают
Прямо под окном.

На снегу проталины,
Капает капель.
День весенний мартовский –
Самый лучший день.

* * *

Грустный белый кролик
Выглянул в окно.
Ничто не веселило
Его давным-давно.

Он солнышко увидел
И стаю облачков,
Поспевшую капусту,
Ряд розовых кустов.

Жужжала тихо пчёлка,
За мёдом торопясь,
Вкусная морковка
На грядке заждалась.

И кролик засмеялся:
В такую благодать
Нет ничего глупее -
Сидеть и унывать.

* * *

Я взял красивую тетрадь
И стал удава рисовать.

А Машка придирается:
«Как это называется?»

Я честно ей сказал: «Удав».
А она мне: «Ты не прав:

Удавы прямо не ползут,
А извиваясь там и тут».

- А мой удав всегда прямой,
Он прямым ползёт домой.

Маленькая сестрёнка

У моей сестрёнки Машки
Очень странные замашки:
Любит ползать под столом,
Кашу с тёплым молоком,
Может спать почти полдня
И похожа на меня.

Засыпай-ка!

При счёте «раз» -
закрой правый глаз,
При счёте «два» -
и левый слегка,
При счёте «три» -
немедля усни!

Летом

Жарились на солнышке,
Плавали, купались,
Чёрные, как негры,
С пляжа возвращались.

Непонятки

Вот такие непонятки:
Как жираф играет в прятки,
Есть ли уши у кита,
А на солнце пятна?
Почему совсем нельзя
Вырасти внезапно?

* * *

Перед сном читают книжки
Все девчонки и мальчишки.
Маленьким читают мама,
Папа, бабушка и дед,
Потому что интересней
Ничего на свете нет!

Невезуха

Вот такая невезуха:
Над столом летала муха.

Я её почти поймал,
Да по лампочке попал.

Та свалилась, не разбилась,
Но в компоте очутилась.

Он разлился по столу
И стал лужей на полу.

Кошка мимо пробежала,
Лапками в компот попала.

Поскользнулась, испугавшись,
Вмиг по шторам вверх забравшись,

Замяукала ужасно
Так, что сразу стало ясно:

Кошку надо выручать,
Из беды её спасать.

Я полез за ней – и вот
Тоже вляпался в компот

И упал, ударив шею.
Претензий к кошке не имею.

* * *

Если дождик во дворе,
Капли пляшут на окне,
На асфальте - лужи,
И очень зонтик нужен.

Помощница

Я такая умница,
Умница – разумница,
Маме помогу!

Тряпочкой тихонечко
С мебели легонечко
Пыль везде сотру.

Вечером усталая
Возвратится мамочка
Тут я ей скажу:

«Посмотри, мамулечка,
Как вовсю старалась я,
Как тебя люблю!

Так что дай, любимая,
Доченьке своей
Честно заработанные
Ровно сто рублей!»

Загадки

Жёлто-краснобокое

На столе лежало.
«Я сочное и сладкое», -
Казалось, всем шептало.
(Яблоко)

По небу голубому
Барашков белых стадо
Куда-то в даль торопится.
И что вдали им надо?
(Облака)

Дверь им можно отворить,
Из него воды попить,
Легко с ним тайну разгадать
И ноту правильно назвать.
(Слово «ключ»)

Из трубы он может виться,
При пожаре появиться
И подняться над костром,
Белым встать густым столбом.
(Дым)

Гном

День был пасмурный, и гному было грустно. Он сидел на крышке рояля и тихонько протягивал волшебную палочку к клавишам. Это была совершенно особая палочка, она досталась ему от дедушки, и он ею страшно гордился. Стоило ею дотронуться до чего-нибудь, как начинала звучать единственная и неповторимая музыка, ведь у всего на свете есть своя мелодия. Гном, например, любил слушать звезды, особенно ясными летними ночами, а еще старый дуб за окном, но чаще всего он тихонько пробирался к роялю и внимал ему, как зачарованный.

Вечером и ранним утром, когда за инструментом никого не было, внутри рояля жил целый мир: то бушевал океан, то пели в предрассветном тумане птицы, то смеялась и кричала ярмарочная толпа. И вот теперь рояль замолчал, уже три дня не слышалось ни одного звука. Может быть это болезнь? Гном не знал. В бархатных башмачках с серебряными пряжками он беззвучно пробежал по клавишам, внимательно осмотрел черную блестящую крышку, три точеные ножки – все было в порядке.

Ах, да! Кажется, он начал что-то понимать: мальчик – вот в чем все дело. Веселый мальчуган с нотной папкой под мышкой каждый день занимался здесь несколько часов. Поначалу он, казалось, не очень нравился инструменту, тот издавал сердитые звуки и ворчал, но потом они очень подружились. С тех пор, как появился маленький музыкант, рояль зазвучал, как никогда, жизнь просто переполняла его, выплескивалась наружу. Гном даже не успевал протянуть свою палочку, как на него обрушивался целый водопад мелодий.

А теперь малыш уехал: у него были каникулы, и никакая волшебная палочка не могла извлечь звуки из покинутой души рояля, оставленного в одиночестве. Гном вздохнул и выглянул в окно – ничего не поделать, надо

ждать. Он-то знал, что самая лучшая в мире музыка рождается только от соприкосновения любящих душ.

ДЕТИНЕЦ

Чего уж тут объяснять?

«Детинец» – он и есть «Детинец»...

Давид

10 лет

- У Шерлока Холмса был друг доктор Ваксон.

Давид загадывает Гоше картину на букву «В».

- Не знаю.

- 2-ая буква «У».

- Не знаю.

- «Вурлаки на Волге».

- Мама! - с восторгом кричит Давид в телефонную трубку.

- Я получил шесть единиц и одну двойку!

В прединфарктном состоянии, Вера вспоминает, что в Чехии оценки противоположны нашим. (в переводе на нас, он получил 555555 и 4)

Давид по Интернету познакомился с ребятами. Они ему пишут: « Мы вчера взяли девочек и пошли в баню». Он им отвечает: «Вы, ребята, про девочек поосторожнее, мне 10 лет!»

Услыхав, как отец по-чешски говорит по телефону, Давид снисходительно сказал:

- Словак!

Словацкий язык нечто среднее между чешским и русским.

На родительском собрании учительница сказала Вере:

- У меня с Давидом проблемы

«Началось», - подумала Вера.

- Не успею я написать на доске задачу, как он ее решил и решил правильно.

Алиса

2 года 9 месяцев

Проснувшись и сев в кроватке, Алиса сообщает:

- Мамочка, я тебя очень навiju.

Следя в бинокль за птичкой, Алиса говорит:

- Это не балбес, это Змей Горыныч.

Я Алиса Георгиевна, а иногда Алиса Александровна (по аналогии с Ольгой Александровной.)

Когда Алисе что-то не нравится в гостях в Тольятти, она говорит:

- Все, пойдем в Чехию.

Никита все время что-то громко говорит. Вспомнив, что дети понимают друг друга, Яна спрашивает:

- Алиса, что говорит Никита?

Снисходительно:

- Да болтает чего-то.

Рассказ на одном дыхании:

- В Луна-парке я шлепнулась с горки в воду, сильно ударилась. Бедная я девочка!

Обязательно опять туда пойдем!

Алиса ест гречневую кашу и трясет ложкой. Вера говорит:

- Не надо трясти ложкой, а то каша разлетится по всей квартире.

Алиса уточняет:

- И по всей планете.

Проснулась с плачем.

- Доченька, тебе что-то приснилось.

- Да, безарбузие.

В Теплице. Алиса чем-то расстроена.

- Тебя, кто-то обидел?

- Да, мама.

- А где она?

- У Беллы с Кристиной.

- А когда она тебя обидела?

- В следующий раз.

Песенка Голубого щенка в интерпретации Алисы:

«Неужели из-за масти мне не будет в жизни все вообще (т.е. счастья)!

Я обижен злой зимой (т.е. судьбой). Ах, зачем я голубой...»

Определяя место временного проживания, Алиса говорит:

- Давай пойдем домой в гости.

Бабуля спрашивает по телефону:

- Алиса, ты ходишь в садик?

- Хожу, но не пошла, (имеется в виду, что вообще-то ходит, но сегодня не пошла, приболела).

Давид вопит молодежную песню:

- Демон во мне, Демон во мне!

Алиса подвывает:

- Где он во мне, где он во мне?

Рано утром в телефонной трубке Алисин голосок:

- Ты кошечка?

- Нет, я твоя бабуля Инна.

- Ты кошечка?

- Я твоя бабуля!

- Ты кошечка!

Наконец, бабуля-тормоз сообразила:

- Да, да! Я кошечка. Мяу-мяу!

Удовлетворенно:

- Она кошечка.

И положила трубку.

Садясь утром завтракать, Алиса строго говорит:

- Свари мне кашу, как Виталий, а то мне надоело все время видеть перед своими глазами колбасу и сыр!

Гоша спрашивает:

- Алиса, ты симпатичная или красивая?
- Симпатичная. Нет, красивая.
- Тогда у тебя будет сложная личная жизнь.

Помолчав...с придыханием:

- Хочу!

- Алиса, кто такой Бог?

- Бог это тот, кто дает нам счастье и еду.

Давид повис на папе. Алисе не хватает места. Со слезой в голосе:

- Давид, дай мне обнять моего старого отца!

- Покормите меня!

Голодные родители просят:

- Поешь сама.
- Я сейчас вас убью, маленькие негодяи.
- Алиса, ты откуда такие слова знаешь?
- Вы завтра так говорили, а во-вторых, это правда!

Услышав, что родители заказывают продавцу колбасу, которую она не любит, Алиса закричала на весь магазин, грозя указательным пальцем:

- Родители, вы не правы!

Развеселившийся Гоша тормозит уставшую Веру. Она говорит:

- Отстань от меня.

Из соседней комнаты вылетает Алиса, забирается к Гоше на руки, обнимает его за шею и строго замечает:

- Не обижай моего бедного отца!

В мультике ослик Иа смотрится в воду и печально говорит:

- Душераздирающее зрелище...

Алиса:

- Мама, пожалей ослика: у него уши раздираются.

После мультика, в котором Шарик называет Бобика «балбесом», Алиса в течение двух недель звала родителей и Давида «балбесами». Так как ей не возражали, перестала.

Значимость отца в глазах дочери:

- Папа, одевайся скорее, а то планета погибнет!

Девочка-принцесса отвечает отцу, повысившему голос:

- Не ори на меня! Я не кобыла жирная!

Отец онемел...

Алиса рисует. Папа что-то ей говорит. Не отрываясь от рисунка, ангельским голосом:

- Да заткнись ты, глупая скотина!

- Алиса, а где Бог?

- На небе.

- А в сердечке он у тебя есть?

- Есть.

- А как же так? Бог и в сердечке, и на небе?

- В сердечке он живет, а на небе просто контролирует.

Вера пришла в магазин без Алисы. Продавщица спрашивает:

- А где же ваше радио?

Алиса рассказывает сказку «как бычок бодался с забором».

- И бык как разбежался в разные стороны!

Сидя на горшке Алиса поет:

- «Пока, пока, покажем мы на своем веку...судьбу не раз щипнет, мерси боку»

(Раз «боку», значит, щипнет.)

Новая версия из песенки «Пластилиновая ворона»

- Не стойте и не прыгайте там, где идет строительство или подвешен друг!!!

Алиса по-хозяйски встречает пришедшую к ним в гости полную женщину:

- Проходите, пожалуйста, садитесь, где вам будет удобно, на диван или на кресло, только на стул не садитесь! А то вы нам его поломаете.

Вера:

- Откуда у меня такие болтливые дети?

Давид:

- Из пуза.

Алиса:

- Ну, я не понимаю, как нас обратно запихнуть!

Сев в самолет, Алиса запела: «Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе...»

- Папа, а что такое «вылюминаторе»?

Лежа на пляже:

- Папа, как хорошо!!! Наслаждайся зызнью!

Оля (шутливо):

- Я тебя съем!

Алиса (серьезно):

- Не надо.

- Почему?

- Тебе может не понравиться мое сердце!

- Сейчас я тебе, Оленька, все расскажу. С утра я лила из-за Давида. Он меня покинул.

Алиса 3,5 года, Никите 2,5 года.

- Алисочка, ты зачем разделась голой?
- Я хочу, чтобы Никита увидел меня без трусиков.

- У меня в садике есть подружки-мальчики: Витек и Лешик.

Алиса

3,5 года

- Почему в Котиной корзине лежит воздушный шар? Это невозможно!

- Тетя Оля! Котька на самом деле не Котя, а собачка!

- Я не знаю, как мне двумя конфетами всех угостить...

Вера моет пол. Алиса со словами:

- На, на! – толкает ее в попу коробкой сока.

Вера - сердито:

- Я тут корячусь, а ты мне что несешь?

- Радость.

Якобы берет микрофон:

- Уважаемые дамы и господа! Приступает Алиса Георгиевна. Неописуемая девушка в мире красоты и красивая умом.

- Раньше был Бог и Виталий. Потом Бог умер и улетел на небо, а Виталий остался.

Семья ужинает:

- Папа, любишь конфетку? Папа, хочешь конфетку?

- Да вообще-то с курицей не очень.

Удивленно:

- А у меня конфета без курицы!

- В зоопарке была горилла и маленький гориллик.

- Мне сейчас 3,5 года. В день рождения будет 15, а потом опять 3,5.

Изображает разговор по телефону с Кешей (любимым мальчиком из садика).

Гоша говорит:

- Передай Кеше, что я не разрешу вам пожениться.

- Папа говорит, что не разрешит нам пожениться...поженимся без разрешения.

Вера с Гошей (мама с папой) обсуждают, каким спортом лучше заняться детям, чтобы закалиться. Гоша спрашивает:

- А мне каким спортом заняться?

Алиса (себе под нос):

- А ты работай.

Рассматривая с Давидом книжку:

- Это не зывотное, это босикомое!

Собравшись уходить, Неля задержалась в прихожей, разговаривая с Гошей. Алиса, которую ждут мультики, вежливо говорит:
- Вы не стесняйтесь, уходите!

Белла
10 лет

- Беля, погуляй с Котькой.
- Нельзя, там гуляет Вера с Зетом, а Котька будет с Зетом передераться!
- Какая оптиментальная температура нагрева сковородки?

Баба Тома спрашивает:

- Беленька, что тебе подарить на день рожденья?

Подумав:

- Колесо для велосипеда.

В кинотеатре:

- Мамочка, что это там за стервозал?

Беля рассказывает:

- У нас два мальчика подрались, и тогда все стали писать накладную и признатьельную.
- Он мне надоел, и я как дала ему по счёчине.
- Мама разрежь, пожалуйста, апельсин на четвереньки.
- Это памятник Негоднику (Николаю Угоднику)
- А это памятник Юрию Гагарину...Нет, человеку, которого убил Сталин (Ленин)!
- Наш город раньше назывался СтаврОполь!

Из окна машины Беля читает вывески:

- Адвокаты...и здесь адвокаты продаются. (Имеется ввиду авокадо).
- Мы с папой играли в карты. Мне попался червивый король. Правда, потом он оказался с деревцем из черных веточек.

Оля улетела в командировку. Виталий пришел с работы пораньше, чтобы встретить дочек из школы. Комментарий Бели:

- У папы проснулся материнский инстинкт.

Услыхав, что 25 мая день города Самары, Беля спрашивает:

- А что, Самару в этот день придумали?

Проезжая мимо ресторана «Илья Муромец», Беля рассуждает:

- Был такой богатырь – Илья Муромец. Его назвали в честь этого ресторана.

Уходя утром на работу, Виталий поручил Беле прочитать «Му-му». Вечером, не дождавшись вопросов о прочитанном, Беля заявила:

- Все, папочка, больше я за тебя «Му-му» не буду!

- Ну, хорошо, ответь: Му-му - это кто?
- Му-му - это не кто, а что. Это собачка.

- Му-му - это собачка глухонемого Чехова.

- У моей подружки бессовестный брат: ходит по дому в чем мать родила – в одних трусах!

Увидав утром заспанную Белю, Яна говорит:

- Личико, как у меня по утрам.

Беля поясняет:

- Ну, так в кого же я уродилась!

Одно из высказываний Беллы, в которых все слова понятны, а собранные вместе – головоломка:

- Им на истории, конечно, рассказывали про еврейские традиции, но не говорили, как древние люди стали динозаврами.

- Чего она все смеются, я же их не смею!

- Я в телевизоре рассматривала фотки Тутанхамона, загробленного в сарфакаке.

Кристина

13 лет

Сообщая о прибытии семейства Ерофеевых,

Кристина кричит:

- Мама, пришли Ярославы! Тьфу, Ерофеи!

Девчонки на радио заработали по 400 руб. Оля дает Кристине 500 руб., а Беле - три по 100 рублей и говорит:

- Крис, отдай Беле из своих запасов сотню, и все будет правильно.

Крис отвечает:

- Это я понимаю, но сотни у меня нет. А вот если я отдам Беле 500, а она мне 100, правильно будет?

Кристина в своем репертуаре:

- Я командую...

- Меня от этого преподавателя просто калошит!

- Мне очень нравится имя Еннокентий.

- Но оно начинается на букву «И».

- То-то я не могла его найти в Инете на букву «Е».

На перемене Крис говорит своему однокласснику:

- Когда я выйду замуж, мой муж сменит фамилию на мою.

А тот отвечает:

- Нет, я не хочу менять свою фамилию.

- Про приведений всё знают урологи (уфологи).

- Этот человек плутонид (депутат).

Про соседа по парте:

- Он меры границ не знает.

И неизменная реакция Крис на смех окружающих:

- А что я такого сказала?!

- Когда папа разрешит мне водить машину, я буду нажимать на педальку и крутить рульку.

- Белька все время путается у меня в носках.

Продавица (продащица).

Крис заявила в школе:

- Нашей страной правит Хонда (хунта).

- Мама, поставь диск, на котором тетенька поет английским голосом.

- На нас напал Гитлер, а Штирлиц нас защищал.

- Мама, к кому мы едем в гости?

- К Инессе Наумовне и Науму Яковлевичу.

- Давай короче - к Ванессе.

- Мам, а что мы сейчас делать будем?

- Хреном груши околачивать.

- А что такое околачивать?

- Я подарила Яночке мои поцоканные джинсы. (покоцанные, т.е. поношенные).

Задумчиво - философское:

- У меня есть мнение о своих правах.

- У нее во всей квартире наклеены розовые стены.

- Я никем не буду МУРЛИПУРЛИРОВАТЬ.

- Крис, иди спать.

- Не хочу.

- Ложись, а то мне надоело каждое утро вас пинками поднимать.

- Мама, давай сохраним традицию.

- У меня язык не говорит и не мыслит.

- В человеке 150 мм ртутного столба.

- Никто не мог ответить на вопрос, а на меня вдруг сошло просвещение...

- У нас теперь Путин с некрасивым лицом (имеется в виду новый президент).

- Моя подружка Аня многолюбчитая.

- Почему, когда дети рождаются, родители учат их говорить. А когда вырастают, затыкают им рот?

- Я не хочу идти к зубному врачу, я пойду к стоматологу!

Разговаривая с Крис по телефону, Яна говорит:

- Мы вчера ездили гулять в Федоровку и сегодня опять поедем туда гулять.

Крис недоумевает:

- Ян, а почему блять-то?

Нам на лето задали читать про алкаша, тьфу, про Челкаша!

Про нового хомячка из домашнего зверинца:

- Какой он маленький, худаленький.

По телефону подружке:

- Я только что проснулась... Ну, не совсем только что, а попозже.

- Мама, купи полочки, а то у меня в комнате стены голые висят.

Дедуля Саша:

- Ты тянешься ко мне, как деревце к солнышку.

Кристина:

- Или как красный конец магнита к синему.

Глядя Олимпийские игры:

- Я не стану бегуньей с вытянутой вовнутрь грудью.

- Не бросайте меня на ПРОПРИЗОР судьбы (произвол)!

Таечка спрашивает Кристину:

- Что вы проходите в школе?

- Буковки по химии.

- Какие буковки?

- Один ученый однажды заснул под деревом, ему на голову упало яблоко. И он во сне увидел таблицу с этими буковками.

ГОРОДСКАЯ АКЦИЯ «БИБЛИОТЕКИ АВТОГРАДА» «ПОЧИТАЙКА»

Еще совсем недавно ценность книги и чтения у нас была неоспорима.

В 1970-1980 гг. даже возник миф о России как о «самой читающей стране мира». Это, безусловно, был только миф, но в сравнении с другими странами наши дела в сфере массового чтения были очень даже не плохи: все увлекались чтением «серьезной» литературы, классики, произведений в «толстых журналах». А книгособиранительство и создание своих домашних библиотек? Кто из нас этим не «грешил»?

Естественно, все это способствовало чтению и реально подкрепляло наши представления о себе как читающем народе.

Но к началу XXI века ситуация резко изменилась. Тяжело идущие реформы, неровность в экономическом развитии регионов, трудности в издании и распространении книг и удивительно высокие цены на них в условиях бедности большинства населения привели к катастрофе – страна практически перестала читать.

Но, может быть, эти перемены не должны внушать нам какие-либо опасения? Отнюдь! Недавно на государственном уровне впервые за последние десятилетия были поставлены вопросы, которые раньше показались бы просто невозможными. Не угрожает ли чтению в России опасность, и в чем именно она заключается? Каковы причины, и какими будут последствия, если мы станем меньше читать? Какова сегодня цена нечтения и ценность чтения?

Ответы оказались крайне тревожными: мы находимся в беспрецедентной ситуации кардинального изменения чтения в России, и особенно это затрагивает детей и юношество.

Для того, чтобы осознать масштабы катастрофы, нам необходимо посмотреть на чтение глобально, осознать его роль в жизни общества. Применительно к детскому чтению это означает, что чтение – это не только задача педагогов по обучению детей элементарным навыкам чтения, это не только задача родителей заинтересовать ребенка литературой, это не только задача библиотекарей показать читателям лучшие книги. Дело обстоит гораздо сложнее: чтение детей – это ключ к их жизни в глобальном информационном обществе.

Вот данные исследователей о типичных отличиях читателей и нечитателей. Это несколько идеализированные портреты, но в целом они верны. Оказывается, читатели отличаются от нечитателей уровнем развития интеллекта. Читатели способны мыслить в рамках проблем, схватывать целое и выявлять противоречия и связь явлений, более адекватно оценивать ситуацию, быстрее находить правильные решения, имеют больший объем памяти и активное творческое воображение, лучше владеют речью. Они точнее формулируют, свободнее пишут, легче вступают в контакты и приятны в общении, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении.

Таким образом, чтение формирует качества наиболее духовно зрелого, просвещенного, культурного и социально ценного человека.

Также, как во многих развитых и развивающихся странах, для нас наступила пора изменить свою точку зрения, как на чтение в целом, так и, особенно, на детское чтение.

Ибо сегодня детское чтение все больше становится чрезвычайно важным феноменом, который определяет уровень культуры будущего общества.

Городская акция «Библиотеки Автограда» «Почитайка» направлена на восстановление традиций российского детского чтения, уходящего своими корнями в 18-19 века, и способствует духовному росту детей города Тольятти. В этой связи нами уже проделана большая работа:

- детский радиотеатр «Почитайка», на ЛАДА FM 107.9 выходит в прямом эфире каждый вторник в 15 часов 35 минут;
- детский радиотеатр «Почитайка», на радиостанции «Август» FM 102.3 выходит каждое воскресенье в 9 часов 30 минут;
- телевизионная передача «Почитайка» спешит на помощь», выходящая на канале ВАЗ СТС;
- печатные акции «Читаем книгу месяца», в газете «Миллион»;
- рекламные акции «Почитайку» - в каждый дом» во всех детсадах и школах города.

Многие организации и учреждения города Тольятти помогают нам в привлечении детей к чтению.

И СЕГОДНЯ МЫ ХОТИМ СКАЗАТЬ ОГРОМНОЕ СПАСИБО:

- Департаменту культуры города Тольятти и лично Колосову Владимиру Аркадьевичу.
- Общественному Фонду Тольятти и лично Цирульникову Борису Альбертовичу.
- Вазовскому телевидению и лично Лауэр Инне Викторовне и Дьяконову Андрею Александровичу.
- радиостанции ЛАДА FM 107.9 и лично Шамрай Антонине Петровне, Пружанской Наталье Николаевне, Ляндресу Григорию Львовичу, Шомову Михаилу Витальевичу, Скинтьеву Андрею Викторовичу, Карасёву Сергею Викторовичу.
- радиостанции «Август» 102.3 и лично Николаеву Александру Владимировичу и Коритичу Виктору Константиновичу.
- Газете «Миллион» и лично Поздняковой Елене Владимировне.
- Типографии «Новый штрих» и лично Штриху Стасу Наумовичу.
- Коллективу ресторана «Джон Сильвер» и лично Авдонину Андрею Владимировичу.
- Музыкальному детскому театру «Алиса» и лично Эстулиной Людмиле Эдуардовне, Кадухиной Людмиле Юрьевне и директору ООЦ «Школа» Сидоровой Светлане Ивановне.
- Детской художественной школе Керамики и лично Фрейдлиной Марине Александровне.
- Панюшкину Юрию Михайловичу – легендарному барду, поэту и композитору.
- Петрунину Дмитрию Ивановичу – актёру театра «Пилигрим».
- Шеяновой Марии Никитичне, заведующей залом отраслевой литературы «Библиотеки Автограда».
- Кристине и Белле Вавилиным.

**С уважением,
директор «Библиотеки Автограда»
Булюкина Надежда Валентиновна,
заместитель директора,
руководитель проекта «Почитайка»,
Вавилина Ольга Александровна**

Юрий Панюшкин

«Капитан Врунгель на «Беде»

с величайшими детскими писателями и персонажами».

Дорогие наши читатели, сегодня вы имеете возможность первыми ознакомиться с замечательным новым диском нашего легендарного барда Юрия Панюшкина (диск прилагается к печатному изданию).

Ничего говорить не буду – сами слушаете. А на втором диске – песни Людмилы Эстулиной, режиссера детского музыкального театра «Алиса», в исполнении артистов «Почитайки».

Все песни записаны и аранжированы Виктором Коритичем - ещё одним гениальным членом нашего гениального коллектива.

ПЕСЕНКА ВРУНГЕЛЯ

Вот так уж получается,
Что взрослые фантазии
От детских отличаются,
А значит потому

Докажет вам в округе любой шалун,
Что этот самый Врунгель совсем не врун!

В морях моя фантазия
Немножечко наивная,
Вчера акулу гладил я,
Как будто хомячка,

Зато у нас в округе любой шалун,
Заметит вам, что Врунгель совсем не врун!

Взрослеть не возбраняется,
Но всё-таки, но всё-таки,
Пусть детство повторяется
Хотя бы иногда,

Вот потому в округе в округе любой шалун,
Так верит в то, что Врунгель совсем не врун!

НИКОЛАЙ НОСОВ НЕЗНАЙКА

Дорогая «Почитайка»,
В океане этим летом
Показалось, что Незнайка
Это я. Ко мне с приветом
Подбегают Фукс и Лом,
Винтик - Шпунтик - два в одном,

Хорошо, что был будильник!
Завели его сначала
И залезли в холодильник,

Чтоб жара не доконала.
Полчаса сидели в нём
Коротышки - три в одном.

Да, на яхте - это, хлопцы,
Не зимой на тракторе.
Вот оно, какое солнце –
Летом на Экваторе!

КОТЫ

Везде, где только быть я смог,
Встречал котов и кошек
И в сапогах, и без сапог,
В полоску, и в горошек.

Там на борту «Беды» моей
Всегда стояла миска.
И кот веселый много дней
Захаживал на «Вискас».

Вот так без лишней суеты
Скажу я без прикрас вам,
Что эти кошки и коты
Умеют плавать брассом.

Когда ж был берег недалек,
И солнце село низко,
Кот подарил мне свой сапог,
А я на память - миску.

ЛЬЮИС КЭРОЛЛ. АЛИСА

Как приготовить чай, когда заварки маловато:
Берите всё подряд, к чему дотянется рука.
Ну, скажем, лук, чеснок, немного перца и салата,
А чтобы он был темней, в него добавьте уголька.

Наверно, потому с таким вот детским изумленьем,
Узнав, что будет чай, который даже я не пил,
Не в лодке, а на банке с апельсиновым вареньем
Алиса приплыла, и Лом ей чашку уступил.

За нею Заяц плыл, по пояс сидя в чёрной Шляпе,
За ним - Чеширский Кот на Белом Кролике верхом.
И каждый что-то нёс к столу в своей волшебной лапе,
Всё то, что можно от души запить моим чайком.

Но получилось так, что эта крошечка Алиска
От чая моего так вдруг сумела подрасти,
Что впору стали ей уже не банка и не миска,

И на «Беде» её пришлось до Англии везти.
О, йес!

АСТРИД ЛИНДГРЕН ПЕППИ

Ну, почему, почему бы и нет.
Это же так вероятно,
То, что находят в сказках ответ,
Все, а не только ребята.

Славная сказка, как добрый намёк,
Вроде бы и неоткуда;
Здравствуйте, Пеппи Длинныйчулок,
Светлое детское чудо.

Будет мартышка сидеть на плече,
Лошадь гулять по терраске.
Будет добро побеждать вообще,
А не в придуманной сказке.

Мы подрастаем, ну, что же с того
Лишь не забыть бы всем нам бы,
Что Кукарямбнее в нас ничего,
Кроме самой кукарямбы!

ДРАГУНСКИЙ ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ РЕЦЕПТ ХАЛВЫ

Не во сне, а наяву
Мы готовили халву,
Как-то всей командою
Ах, какой я молодец,
Что рецептом, наконец,
Вас сейчас пораду.

Нам морской капусты взять
Нужно килограммов пять,
И бананов дюжину.
Лом у Лома попросить
И тем ломом замесить
Эту массу нужно вам.

Всыплем сахара мешок,
Отнесём на солнцепек
Волноваться нет причин:
Ром вольём, ну, а потом
Корабельным топором
Мелко-мелко измельчим.
ВОТ И ВЕСЬ РЕЦЕПТ ХАЛВЫ

ДРАГУНСКИЙ ДЕНИСКА КОРАБЛЁВ

На «Беде» под Новый год
Приготовили мы торт.
Да к тому ж у Лома с Фуксом
День рождения вот-вот
С поздравлениями.

Только сели мы за стол,
Мальчик в гости к нам зашёл.
- Здравствуй, Врунгель, будь здоров!
Я - Дениска Кораблёв
От Драгунского.

Был накормлен карапуз
Калачами из медуз,
А когда вошёл во вкус,
Заказал китовый ус
С кулебякою.

Холодца из осьминога
Он поел совсем немного,
Каракатицу не стал,
Потому что есть устал.
Не до сладкого!

Я ж пока его кормил,
Видно, что-то упустил.
Потому что Фукс и Лом,
Извините, целиком торт наш
Слопали.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Я помню ребятушки, как иногда
С Толстым мы катались на яхте «Беда»
И он повторял, что не знал до сих пор
Рассказчика круче, чем вы, Христофор!
Рассказчика круче, чем я, Христофор!

Сверкали на солнце всегда и везде
Солёные брызги в его бороде
Великий писатель, но очень простой
Товарищ мой - Лев Николаич Толстой,
Товарищ мой - Лев Николаич Толстой!

Он поздно ложился и рано вставал,
Овсянку солёной водой запивал.
К тому же на палубе нашей «Беды»
На память оставил босые следы,
На память оставил босые следы!

Гусиным пером, так вот день ото дня,
Писал он Безухова лично с меня,
А Врунгель душой никогда не кривит,
Спросите Ростову – она подтвердит,
Спросите Ростову – она подтвердит!

МЭРИ ПОППИНС

Помню как-то в плаванье недалёком
Приключилась на «Беде» беда:
Фукс и Лом соскучились по няням,
Как с детьми бывает иногда.

И когда мы проходили полюс,
То уже совсем невдалеке
Нас ждала на льдине Мэри Поппинс
С неизменным зонтиком в руке.

Я-то думал, будет всё иначе:
Песни на ночь, сказки на воде,
Только скоро все мы чуть не плача
Бегали от Поппинс по «Беде».

И когда она вдруг улетела,
Стало ясно сердцу и уму,
Что морским волкам, по сути дела,
Няни в океане ни к чему!

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

Это быль, а не вымысел и не лукавый обман,
Вы об этом детишки, небось, не читали нигде,
То, что сказочник – выдумщик Андерсен Ганс Христиан
Свои сказки так часто писал у меня на «Беде».

Он рассказывал их иногда, даже лучше, чем я!
И хотелось под парусом плыть горизонту за край,
Где волшебной покажется наша большая Земля,
Где гуляют по палубе под руку Герда и Кай...

Я не вру, и, конечно, матросы мои подтвердят
То, как после приливов, отливов, штормов и дождей
Для него мы искали по берегу Гадких утят,
Ну, а он превращал их в Прекрасных больших лебедей!

КАРЛСОН

Ну, кто же знал заранее,
Что в море возле Дании
Случится шторм такой,
Что просто - вот те на.
И тут, конечно, братцы, я

По корабельной рации
На помощь вызвал Карлсона!

Он был, как помощь на дому,
Штанишки свесил за корму
И запустил свой знаменитый двигатель.
Нам гарантирован успех,
Летели мы быстрее всех,
И вот я здесь, как видите!

Такого больше не найти!
С ним было здорово в пути
И весело, и, в этом нет сомнения,
Особенно, когда за час
Он съел наш годовой запас
Клубничного варенья!

ЭКЗЮПЕРИ

В плаваниях довольно дальних,
Что уж тут не говори,
Много встреч бывало славных -
И одна с Экзюпери.

Он полётом наслаждался,
Но вечернею порой
Самолёт его сломался
В небе прямо над «Бедой».

Разгорались по порядку
Звёзды, будто фонари,
И на яхту к нам посадку
Совершил Экзюпери.

Лом достал болты и смазку,
Самолётик починил,
А за это тут же сказку
Нам писатель сочинил:

О том, как однажды в безлюдной пустыне
Чудного мальчонку он встретил, и вот
Тот век отшумел, но зато и поныне
Та сказка, ребята, представьте, живёт!

ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ

С умным хорошо беседовать.
Только помни об одном,
Если всем советам следовать,
Можно тронуться умом.

Лом пошёл недавно в лавочку
По совету от друзей
И принёс на яхту парочку
Деревянных якорей.

Фуксу кто-то дал совет такой,
Чтобы палубе блестеть,
Вам её необходимо, ой!
Рыбьим жиром натереть.

И, когда со скользкой палубы
Врунгель за борт улетел,
С якорями деревянными
Лом на помощь подоспел.

Можно в море утопающим
Якорь бросить «на авось»...
Но запомните, товарищи,
Что совет совету - рознь.

МАУГЛИ

Я мог бы на пальму без лишних забот
Вскарабкаться, как дрессированный кот.
И даже на яхте на мачту притом,
А, впрочем, куда мне с моим животом?

Но есть и такие, в пример не другим,
Что даже гимнаст позавидует им.
На мачту вскарабкаться - сущий пустяк.
Поправь меня, Маугли, если не так.

Вот помню, такое забудешь едва ль,
Как рвал он бананы с кокосовых пальм
И в детских забавах легко, без труда
Летал на лианах туда и сюда.

Руками, ногами себе помогал,
Скажу по секрету: «Я б, точно, упал!»
А, чтобы не падать, как было вчера,
Сегодня зарядку я сделал с утра!

ЧИПОЛЛИНО

На яхту в порту итальянском одном
Ворвался мужчина, как в собственный дом,
Похожий на овощ, ни дать и не взять,
И сразу - на камбуз чего-то искать.
У Лома и Фукса глаза повылазили,

При виде таких безобразий на камбузе.
И с криком: «Плыви к своему огороду!», -

Швырнули его в средиземную воду.
Тут вижу: из камбуза выскочил вдруг
Мальчишка, похожий на репчатый лук.

С весёлой улыбкой ко мне подбежал:
«Спасибо Вам, Врунгель!» - И руку пожал.

К Родари ему, мол, пора поспешить,
Чтоб сказку закончить и пе-е-есню сложить!

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Кто бы мне напомнил, а не то я подзабыл,
Где помощник Лом себе оленя раздобыл.
И рванул в Лапландию безбрежную –
Чтоб увидеть королеву Снежную!

Старая лапландка мне поведала потом,
Как катался на оленях с Королевой Лом.
И, как он без отдыха, без продыха
Ей шептал слова земные на ухо.

Что потом случилось просто так не разобрать
Королева парня не желала отпускать.
Лом, как не хотите ли,
Хоть и рассудительный,
Но пообещал ей, что вернётся вновь.

И она из снежной
Снова стала нежной.
Вот, что с королевами делает любовь.

НОВЫЙ ГОД НА «БЕДЕ»

Новый год на «Беде» -
Это не в Караганде,
Не на Волге, не на Темзе,
Не в Париже и не в Пензе.

Не под белым кустом,
Ни на острове пустом,
Не в Марокко, не в Ла-Манше
Там, тем более, не наши.

Новый год на «Беде» -
Это сразу и везде,
Где ни с бухты и барахты
С нами Врунгели и яхты.

Кто фантазию, как я
Отличает от вранья.

Таких я жду заранее
У нас в кают-компании.

**Песни
Людмилы Эстулиной**

ПАНТЕРА. МАУГЛИ.

Жаркое солнце
Чёрной тенью,
Лёгкой дрожью по листве.
Гибкость кошки,
Мягкость кошки
Мне напомнят о тебе.

Припев:
Джунгли – о – у – о!
Снова зовут меня
Мы с тобой одной крови
Ты и я!

Ты отважна
Ты бесстрашна
Голос, словно дикий мёд
Никому ты неподвластна
Шёпот трав не подведёт.

ПЕППИ

Я Пеппи, девчонка
Длинный чулок.
Судачат все кругом:
Иду по улице босиком,
Танцую этот вальс с дождём.

Умею я летать, как птица,
А в школе не хочу учиться!
Послушай, сердце, как стучится,
Пусть что-нибудь ещё случиться!
Пусть каждый день приносит
радость

И сейчас
Я звёзды сосчитаю для вас.

Я чудо рыжее, смешное,
В веснушках солнце золотое.

Я сейчас такое вам устрою,
Ну, поиграйте же со мною!
Пусть каждый день приносит
радость,

И сейчас
Я звёзды сосчитаю для вас.

ЧИПОЛЛИНО

Я иду по городу,
А вслед друзья мне плачут,
Только это ровным счётом
Ничего не значит.
Сказка вам подарит разные курьёзы
Просто там где лук, там слёзы, слёзы.

Ах, Италия,
Родина моя! А я?
Солнце и море!
Ах, Италия,
Здесь родился я. А я?
Чиполлоне звали папу,
Чиполлино – я!

Я весёлый, очень добрый
Я простой мальчишка.
А что плачут от меня –
Так это ж моя фишка.
Тут такая катавасия была
Смех, и слёзы, и великие дела.

ХОТТАБЫЧ

Едут люди
На верблюде,
Вдруг несутся в небеса.
Всё на самом
Деле просто:
Надо верить в чудеса,
Не бояться быть таким
Смешным...

Припев:
Как Хоттабыч, джин из сказки,
Хоттабыч всемогущий.
Хоттабыч, сделай чудо,
Хоттабыч!

Возраст очень
Благородный,
Ведь тебе 3 тысячи лет!
Джин свободный,
Добрый, мудрый,
Дай скорее мне совет.
Ты не бойся быть таким
Смешным...

Припев:
Как Хоттабыч - джин из сказки,
Хоттабыч всемогущий.
Хоттабыч, сделай чудо,
Хоттабыч!

МЫ СЕГОДНЯ С ПАПОЙ...

Припев:
Мы сегодня с папой вдвоём
На кухне живём
Готовим ужин
Мама с работы придёт
Вот – вот.

А курица смешная,
Лохматая такая,
Я сделала ей стрижку
Под машинку.
- Разве я тебя просил
Ты зачем её коптил?
- Так рецепт записан
В кулинарной книжке!

И теперь вся квартира в дыму,
И где курица я не пойму.
В саже папа,
В саже я,
В саже курица моя!

Потом мы долго мыли
Несчастную чернушку,
Стекала грязно – мыльная водица.
- Знаешь, пап, попробуй сам,
Ужин я тебе отдам,
И теперь ты можешь
Курицей гордиться!

Ну, теперь, наша синяя птица,
Пришло время тебе отличиться.
Только мама тут пришла и спросила:
- Как дела?

Припев:
Мы сегодня с папой вдвоём
На кухне живём,
Готовим ужин.
Мама с работы придёт
Вот – вот.

ЧЁРНЫЙ КОТ

Я дикий, чёрный кот бродячий.
Мне надоела жизнь собачья.
Так хочется покоя, нежной ласки,
Пусть не наяву, а только в сказке.

Ночной фонарь уныло светит.
Как грустно одному на свете!
Так хочется покоя, нежной ласки,
Пусть не наяву, а только в сказке.

Когда я сплю во сне я вижу,
Как будто я в ночном Париже,
Но лишь проснусь, и вот те -
Нате!
Я узнаю тебя, родной Тольятти!

Мяу!!!!

© Вавилина О.А.